

**TOSHKENT DAVLAT SHARQSHUNOSLIK UNIVERSITETI
HUZURIDAGI ILMIY DARAJALAR BERUVCHI
DSc.03/29.12.2022.Ss.21.02 RAQAMLI ILMIY KENGASH**

TOSHKENT DAVLAT SHARQSHUNOSLIK UNIVERSITETI

BO‘RONOV SUHROB MUHAMMADI O‘G‘LI

**MARKAZIY OSIYO MINTAQAVIY XAVFSIZLIK
TRANSFORMATSIYASI SHAROITIDA “TOLIBON” OMILI**

**23.00.04 – Xalqaro munosabatlar, jahon va mintaqa taraqqiyotining
siyosiy muammolari**

**Siyosiy fanlar doktori (DSc) dissertatsiyasi
AVTOREFERATI**

Toshkent – 2025

UO‘K: 327.39(581):28
КБК: 66.4: 86.38 (5Afg)
Б - 99

Siyosiy fanlar doktori (DSc) dissertatsiyasi avtoreferati mundarijasi

**Оглавление автореферата докторский диссертации (DSc)
по политическим наукам**

Content of the Doctoral Dissertation Abstract on Political Sciences

Bo‘ronov Suhrob Muhammadi o‘g‘li

Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik transformatsiyasi sharoitida “Tolibon”
omili

Буранов Сухроб Махаммади угли

Фактор «Талибан» в условиях трансформации региональной безопасности в
Центральной Азии

Buranov Suhrob Muhammadi ugli

The “Taliban” factor in the context of regional security transformation in Central
Asia

E‘lon qilingan ishlar ro‘uxati

Список опубликованных работ

List of published works

**TOSHKENT DAVLAT SHARQSHUNOSLIK UNIVERSITETI
HUZURIDAGI ILMIY DARAJALAR BERUVCHI
DSc.03/29.12.2022.Ss.21.02 RAQAMLI ILMIY KENGASH**

TOSHKENT DAVLAT SHARQSHUNOSLIK UNIVERSITETI

BO‘RONOV SUHROB MUHAMMADI O‘G‘LI

**MARKAZIY OSIYO MINTAQAVIY XAVFSIZLIK
TRANSFORMATSIYASI SHAROITIDA “TOLIBON” OMILI**

**23.00.04 – Xalqaro munosabatlar, jahon va mintaqa taraqqiyotining
siyosiy muammolari**

**Siyosiy fanlar doktori (DSc) dissertatsiyasi
AVTOREFERATI**

Toshkent – 2025

Siyosiy fanlar doktori (DSc) dissertatsiyasi mavzusi Oliy attestatsiya komissiyasida B2024.2.DSc/Ss111 raqam bilan ro'yxatga olingan.

Dissertatsiya Toshkent davlat sharqshunoslik universitetida bajarilgan.

Dissertatsiya avtoreferati uch tilda (o'zbek, rus va ingliz) Ilmiy kengash veb-sahifasida (www.tsuos.uz) hamda "ZiyoNet" axborot-ta'lim portalida (www.ziynet.uz) joylashtirilgan.

Ilmiy maslahatchi: **Mannonov Abdurahim Mutalovich**
filologiya fanlari doktori, professor

Rasmiy opponentlar: **Haydarov Abdusamad Axatovich**
siyosiy fanlari doktori, professor

Muhammadsidiqov Muhammadolim
Muhammadroziq o'g'li
siyosiy fanlari doktori, professor

Jo'rayev Qodir Asadovich
siyosiy fanlari doktori, professor

Yetakchi tashkilot: **O'zbekiston xalqaro islomshunoslik akademiyasi**

Dissertatsiya himoyasi Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti huzuridagi DSc.03/29.12.2022.Ss.21.02 raqamli Ilmiy kengashning 2025-yil «__»_____soat ____dagi majlisida bo'lib o'tadi. (Manzil: 100060, Toshkent sh., Amir Temur ko'chasi, 20-uy. Tel.: (99871) 233-34-24; faks: (998971) 233-52-24; e-mail: tsuos@info.uz).

Dissertatsiya bilan Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti Axborot-resurs markazida tanishish mumkin. (___ raqam bilan ro'yxatga olingan). Manzil: 100060, Toshkent sh., Amir Temur ko'chasi, 20-uy. Tel.: (99871) 233-45-21. faks: (998971) 233-52-24

Dissertatsiya avtoreferati 2025-yil «__» _____kuni tarqatildi.
(2025-yil «__» _____dagi __-raqamli reyestr bayonnomasi).

D.B. Sayfullayev

Ilmiy darajalar beruvchi ilmiy kengash raisi, tarix fanlari doktori, professor

O.I. Alimov

Ilmiy darajalar beruvchi ilmiy kengash kotibi, siyosiy fanlar bo'yicha falsafa doktori, dotsent

E.S. Sultonova

Ilmiy darajalar beruvchi ilmiy kengash huzuridagi Ilmiy seminar raisi, siyosiy fanlar doktori, professor

KIRISH (fan doktori (DSc) dissertatsiyasi annotatsiyasi)

Dissertatsiya mavzusining dolzarbligi va zarurati. Zamonaviy xalqaro munosabatlarda o‘zaro ishonchning chuqur tanazzulga yuz tutishi va “bloklarga mansublik” yondashuvining qayta yuzaga chiqishi natijasida global xavfsizlik va barqaror rivojlanishga nisbatan jiddiy tahdidlar tobora kuchayib, geosiyosiy jarayonlar va jahon hamjamiyatining tartib-qoidalariga asoslangan tizim shiddat bilan o‘zgarib bormoqda. Butun dunyodagi vaziyatning jadal tarzda o‘zgarishi sharoitida yirik va mintaqaviy kuch markazlarning Markaziy Osiyo mintaqasiga bo‘lgan e‘tibori va qiziqishi mintaqa davlatlarining hamkorlikni mustahkamlash borasidagi ijobiy sa’y-harakatlari sababli yanada ortib bormoqda. Markaziy Osiyo mintaqasining barqarorligi va xavfsizligiga ta’sir etuvchi noodatiy omillarni diplomatik muloqot, ahil qo‘shnichilik, o‘zaro ishonch, tenglik va hurmat tamoyillari asosida hal etish vazifasi kun tartibiga chiqmoqda. Shu boisdan Afg‘onistondagi bugungi vaziyatning Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga ta’siri va uning istiqboli masalalari dolzarb ahamiyat kasb etmoqda.

Jahon afg‘onshunosligi “tolibonshunoslik”ka oid ilmiy izlanishlar bo‘yicha yangicha konseptual yondashuvlarni ilgari surishga katta zarurat sezmoqda. Xususan, amaldagi Afg‘oniston hukumatining davlat boshqaruv shakli, diniy-siyosiy qarashlari, qo‘shni davlatlar bilan muloqoti va uning jahon hamjamiyati bilan integratsiyalashuvi masalalari xalqaro ilmiy-tahlil markazlarining diqqat-e‘tiborini o‘ziga tortmoqda. Ayniqsa, bu “Tolibon” rahbarlik qilayotgan Afg‘oniston hukumati va Markaziy Osiyo davlatlari o‘rtasida vujudga kelgan va davom etayotgan murakkab masalalarni hal qilishning an’anaviy tuyulgan yondashuv va uslublari o‘z samarasini ko‘rsata olmayotganida o‘z aksini topmoqda. Shu nuqtayi nazardan, ushbu holat “Tolibon” faoliyati istiqbolining Markaziy Osiyo mintaqasiga ta’sirini aniqlash va mintaqaviy xavfsizlikni ta’minlashning chuqur metodologik-institutsional mexanizmlarini ishlab chiqish zaruriyatini taqozo etmoqda.

Afg‘onistonda tinchlik, barqarorlik va kafolatli xavfsizlikning ta’minlanishi butun Markaziy Osiyo mintaqasi, jumladan O‘zbekiston xavfsizligi va mustahkam barqarorligining asosiy shartlaridir biridir. O‘zbekiston yaqin qo‘shni davlat sifatida Afg‘oniston xavfsizligini o‘z xavfsizligi deb hisoblaydi va ushbu o‘lkada uzoq muddatli tinchlik va barqarorlik o‘rnatilishining qat’iy tarafdoridir: “Afg‘oniston xavfsizligi – bu O‘zbekiston xavfsizligi, butun bepoyon Markaziy va Janubiy Osiyo mintaqasi barqarorligi hamda taraqqiyotning garovidir”¹.

Ushbu dissertatsiya 2025-yil 25-fevraldagi O‘RQ-1037-son “O‘zbekiston Respublikasida fuqarolarning vijdon erkinligini ta’minlash va diniy sohadagi davlat siyosati konsepsiyasini tasdiqlash to‘g‘risida”, 2018-yil 5-apreldagi O‘RQ-1037-son “O‘zbekiston Respublikasi Davlat xavfsizlik xizmati to‘g‘risida”gi O‘zbekiston Respublikasi Qonunlari, O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 11-sentabrdagi PF-158-son “O‘zbekiston-2030” strategiyasi to‘g‘risida”,

¹ Мирзиёев Ш.М. Халқимизнинг розилиги бизнинг фаолиятимизга берилган энг олий баходир. – Т.: Ўзбекистон, 2018. – Б.363-369.

2022-yil 28-fevraldagi PF-60-son “2022-2026-yillarga mo‘ljallangan Yangi O‘zbekistonning taraqqiyot strategiyasi to‘g‘risida”, 2018-yil 5-apreldagi PF-5400-son “O‘zbekiston Respublikasining Tashqi ishlar vazirligi tizimini tubdan takomillashtirish hamda siyosiy va tashqi iqtisodiy faoliyatning ustuvor yo‘nalishlarini amalga oshirishda uning mas‘uliyatini kuchaytirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi farmonlari, 2020-yil 12-noyabrdagi PQ-4892-son “Afg‘oniston Islom Respublikasi bilan iqtisodiy hamkorlikni yanada kengaytirish va mustahkamlash chora-tadbirlari to‘g‘risida”, 2020-yil 16-apreldagi PQ-4680-son “Sharqshunoslik sohasida kadrlar tayyorlash tizimini tubdan takomillashtirish va ilmiy salohiyatni oshirish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi qarori, shuningdek, sohaga oid boshqa normativ-huquqiy hujjatlarda belgilangan vazifalarni amalga oshirishga muayyan darajada xizmat qiladi.

Tadqiqotning respublika fan va texnologiyalari rivojlanishining ustuvor yo‘nalishlariga bog‘liqligi. Dissertatsiya respublika fan va texnologiyalari rivojlanishining I. “Axborotlashgan jamiyat va demokratik davlatni ijtimoiy, huquqiy, iqtisodiy, madaniy, ma‘naviy-ma‘rifiy rivojlantirishda innovatsion g‘oyalar tizimini shakllantirish va ularni amalga oshirish yo‘llari” ustuvor yo‘nalishi doirasida bajarilgan.

Dissertatsiya mavzusi bo‘yicha xorijiy ilmiy tadqiqotlar sharhi.

Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligi va unga “Tolibon” omilining ta’siri masalalari bir qator nufuzli oliy ta’lim muassasalari, yetakchi tadqiqot va aql markazlari, jumladan, Garvard, Stenford, Kaliforniya, Prinston, Chikago, Boston va Indiana universitetlari, Rend Korporatsiyasi, Tashqi siyosat kengashi, Urushni tadqiq etish instituti, Nebraska universiteti qoshidagi Afg‘oniston va mintaqaviy tadqiqotlar markazi, Tashqi siyosiy tadqiqotlar instituti, Strategik va xalqaro tadqiqotlar markazi (AQSh), Oksford, Kembrij va Glasgov universitetlari, London qirollik maktabi (Buyuk Britaniya), Stokgolm xalqaro tinchlik tadqiqotlari instituti (Shvetsiya), Xalqaro aloqalar instituti (Norvegiya), Janubiy Osiyo demokratik forumi (Belgiya), Global aloqalar instituti (Shvetsariya), Sinxua universitetining Janubiy Osiyo tadqiqotlari instituti, Shanxay xalqaro tadqiqotlar universiteti (Xitoy), Rossiya Fanlar akademiyasi Sharqshunoslik instituti, Zamonaviy Afg‘onistonni o‘rganish markazi, Moskva davlat xalqaro munosabatlar instituti, “Valday” xalqaro munozara klubi (Rossiya), Mojarolar va Xavfsizlik tadqiqotlari instituti, Qaydi A‘zam universiteti, Panjob universitetidagi Tinchlik va xavfsizlik tadqiqotlari markazi, Tadqiqotlar va xavfsizlik izlanishlari markazi (Pokiston), Imom Husayn universiteti, Islom ozod universiteti, Siyosiy va xalqaro tadqiqotlar instituti (Eron), Dehli siyosiy guruhi, Xalqaro ishlar bo‘yicha Hindiston kengashi, Tinchlik va nizo tadqiqotlari instituti (Hindiston), Strategik tadqiqotlar markazi, Afg‘oniston tadqiqot va siyosiy o‘rganishlar markazi, Afg‘oniston mintaqaviy tadqiqotlar markazi, Nizo va tinchlik tadqiqotlari markazi, Milliy statistika va axborot boshqarmasi (Afg‘oniston), Strategik tahlil va istiqbolni belgilash oliy maktabi, Strategik va mintaqalararo tadqiqotlar instituti, Markaziy Osiyo xalqaro instituti (O‘zbekiston), Strategik tadqiqotlar instituti, Osiyo tadqiqotlari instituti (Qozog‘iston), Strategik tadqiqotlar markazi, Geosiyosiy tadqiqotlar markazi, Tojikiston Fanlar akademiyasi huzuridagi Iqtisodiy va demografiya instituti

(Tojikiston), Strategik tadqiqotlar milliy instituti, Qirg'iziston tinchlikni tadqiq etish markazi (Qirg'iziston), Strategik tadqiqotlar markazi (Turkmaniston)da dolzarb ilmiy va amaliy tadqiqotlar olib borilgan.

Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik transformatsiyasiga "Tolibon" omilining ta'siriga doir tadqiqotlar natijasida, jumladan, quyidagi ilmiy natijalar olingan: "Tolibon" omili Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga terrorizm, diniy ekstremizm, narkotik moddalar savdosi, pushtunizm, suv va qochoqlar omili singari xatarlar orqali ta'sir etishi bilan bog'liq masalalar tizimli tarzda tadqiq qilingan (Oksford va Glasgov universitetlari, Buyuk Britaniya); "Tolibon" hukumatining diniy boshqaruv siyosati Saudiya Arabistonining diniy siyosiy modeliga o'xshab ketishi, biroq mafkuraviy nuqtayi nazardan undan farq qilishi va u o'ziga xos "Tolibonizm" nazariyasiga asoslanishi dalillangan (Indian universiteti, Rend korporatsiyasi va Tashqi siyosat kengashi, AQSh), "Tolibon" omili bilan bog'liq Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligini ta'minlashda mintaqa davlatlarining muvofiqlashtirilgan yagona yondashuvlarini ishlab chiqish zaruriyati isbotlangan (Strategik va mintaqalararo tadqiqotlar instituti (O'zbekiston), Osiyo tadqiqotlari instituti, Qozog'iston); "Tolibon" rahbarligidagi bugungi Afg'oniston hududidan kelib chiqishi mumkin bo'lgan xavfsizlikka nisbatan ehtimoliy tahdidlarni oldini olishda Kollektiv xavfsizlik shartnomasi tashkiloti va Shanxay hamkorlik tashkiloti kabi ko'p tomonlama institutsional tuzilmalarning imkoniyatlaridan foydalanish lozimligi asoslantirilgan (Zamonaviy Afg'onistonni o'rganish markazi, Rossiya).

O'zbekiston tashqi siyosatining strategik yo'nalishlaridan kelib chiqib, "Tolibon" omilining Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga ta'sirini chuqur ilmiy-amaliy baholash, Afg'onistonda mustahkam tinchlik va barqarorlikka erishish uchun ko'maklashish, mintaqa davlatlari chegara xavfsizligiga tahdid tug'diruvchi turli tahlikalarni preventiv xavfsizlik chora-tadbirlari asosida hal etish, strategik ahamiyatga molik hisoblangan Transafg'on transport loyihalari faoliyatiga to'sqinlik qiluvchi omillarni bartaraf etish va ushbu loyihalarni ro'yobga chiqarish singari masalalarda olib borilayotgan ilmiy tadqiqotlar safi tobora kengayib bormoqda.

Muammoning o'rganilganlik darajasi. Afg'onistonni boshqarayotgan "Tolibon" hukumatining kelajagi, uning faoliyatiga nisbatan yirik aktorlar va chegaradosh mintaqa davlatlarining yondashuvlari, shuningdek, "Tolibon" diniy-mafkuraviy qarashlarining mintaqaga ta'siri bilan bog'liq masalalar nazariy va amaliy jihatdan soha olimlari va tahlilchilarining qiziqishlariga sabab bo'lmoqda.

Shu boisdan, tadqiqot doirasida foydalanilgan adabiyotlar beshta yirik guruhlariga ajratib olindi².

Birinchi guruh afg'onistonlik (shu jumladan, muhojirdagi) olimlar, siyosatchilar, diplomat va ekspertlarning ilmiy mulohazalari aks etgan adabiyotlar, xususan, dariy va pushtu tillaridagi materiallardan keltirilgan tadqiqotlarni o'z ichiga qamrab oladi. Jumladan, Zalmay Xalilzod, Hasan Kokar, Mir G'ulom Muhammad G'ubor, Muhammad Ali, Ne'matulloh Nujumiy, Bashir Ahmad

² Zikr etilgan olimlarning tadqiqot ishlari dissertatsiyaning "Foydalanilgan adabiyotlar ro'yxati" qismida keltirilgan.

Ansoriy, Nabi Misdoq, Ahmad Idris Rahmoniy, Nazif Shahroniy, Muhammad Atoiy, Muhammad Dovud Qayumiy, Umar Nissor, Habibullo Ko‘hmand, Exlos Tamim singari mutaxassislar Afg‘oniston tarixidan bugungi kuniga qadar bosib o‘tgan mashaqqatli yo‘li, “Tolibon” harakatining vujudga kelishi, uning diniy qarashlari hamda tashqi kuchlarning “Tolibon”ga ta’siri masalalari atroflicha o‘rganilgan.

Ikkinchi guruhdan pokistonlik diplomatlar, olimlar va yozuvchilarning ilmiy tadqiqotlari o‘rin olgan. Masalan, Iftikor Murshid, Ahmed Rashid, Kamol Matinuddin, Navid Elahi, Hasan Abbos, Said Salim Shahzod, Farhat Toj va Azmat Hayot Xon tomonidan yozilgan asarlar va tadqiqotlar nafaqat “Tolibon” harakati va uning paydo bo‘lish sabablari haqida yaxlit tasavvur qilish imkonini beradi, balki Pokistonning ushbu jarayonlardagi ta’siri va roli, shuningdek, Afg‘oniston va Pokiston o‘rtasidagi nizoli masalalar haqida juda muhim va qiziqarli ma’lumotlarni taqdim etadi.

Uchinchi guruhni G‘arb davlatlarining olimlari tomonidan olib borilgan ilmiy izlanishlar tashkil etadi. Zbignev Bjezinskiy, Robert Geys, Luis Dyupri, Maykl Griffin, Mark Silinskiy, Uilyam Meyli, Stiven Tanner, Jill Dorrnsoro, Olivyer Rua, Piter Marsden, Barnet Rubin, Tomas Barfild, Stiv Koll, Tomas Jonson, Robert Stivens, Kreyg Uitlok, Samuel Hantington, Jan-Charles Brisard, Guilyam Daskui, Aleks Strik Linsxoten, Feliks Kuen Robert Kryus, Volter Perri, Devid Kassing, Larri Gudson kabi olimlar, diplomat va soha mutaxassislari yozgan kitoblar va ilmiy maqolalar “Tolibon” harakatining paydo bo‘lish ildizlari, uning diniy, etnik va radikal mafkuraviy qarashlarini mohirona ifoda etgani bilan afg‘onshunoslar uchun tom ma’noda katta ahamiyatga ega.

To‘rtinchi guruh. Markaziy osiyolik olimlar ham “Tolibon” harakatini ilmiy jihatdan o‘rganish uchun turkum maqolalar, tahliliy hisobotlar, dissertatsiyalar va boshqa turdagi tadqiqot ishlarini olib borishgan va hozirda ham bu jarayon davom etib kelmoqda. Jumladan, A.Smagulov, S.Akimbekov, A.Knyazev, U.Saydaliyev, K.Abdullayev, R.Nuriddinov, K.Iskandarov, S.Mirzoyev, N.Nazirov, Sh.Farzonayi va boshqa shu singari olimlar o‘z ilmiy ishlarida Afg‘onistondagi vaziyat, jumladan, “Tolibon” harakatining boshqaruvi va uning XX asrning 90-yillaridagi siyosatining Markaziy Osiyo xavfsizligiga ta’siri bo‘yicha muhim ma’lumotlarni keltirishgan. Shu bilan birgalikda, Sh.Rizoyon va M.G‘iyosov muallifligida nashr etilgan “Afg‘oniston “Tolibon” qaytishidan oldin va keyin” nomli monografiyada tinchlik jarayonlari (2015-2021), “Tolibon” harakatining hokimiyatga qaytishi va shundan keyingi Markaziy Osiyo davlatlarining Afg‘oniston bo‘yicha tashqi siyosati masalalari tahlil qilingan. A.Haydarov, R.Alimov, S.Safoyev, I.Boboqulov, N.To‘laganova, N.Kasimova, P.Makkamboev, Sh.Akmalov, Sh.G‘oyibnazarov, Sh.Yovqochev, M.Rahimov, D.Sayfullayev, O.Sirojov, R.Rashidov, A.Umarov, R.Mahmudov, S.Ubaydullayeva va boshqa shu singari o‘zbekistonlik olimlar tomonidan yozilgan dissertatsiyalar, monografiyalar, maqolalar va boshqa turdagi ilmiy izlanishlarda mustaqil Markaziy Osiyo mintaqasidagi beqarorlik, Afg‘onistondagi notinch vaziyatning Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga ta’siri va bu jarayonlarda tashqi kuchlar hamda “Tolibon” omili haqida e’tiborga molik ilmiy qarashlar bayon qilingan.

Beshinchi guruhdan rossiyalik olimlarning ilmiy tadqiqotlari o‘rin olgan. V.Belokreniskiy va R.Sikoyev tadqiqotlarida 1996-2001-yillardagi “Tolibon” hokimiyatining o‘rnatilishi, buning sabablari va “toliblar”ning diniy-siyosiy portreti ochib berilsa, Y.Panichkin, V.Plastun va V.Andrianov asarlari “Tolibon” harakati va uning mintaqa xavfsizligiga ta’siri haqida kerakli ma’lumotlarni aniqlashga xizmat qiladi. V.Masson, V.Romodina, A.Snesarev, I.Reysner, Y.Gankovskiy, M.Arunova, V.Korgun, M.Konorovskiy, G.Yejov, P.Kirpenko, V.Boyko va boshqa shu kabi taniqli afg‘onshunos olimlarning asarlari davriy nuqtayi nazardan aynan “Tolibon” harakatini bevosita tadqiq qilishga bag‘ishlanmagan bo‘lsa ham, unda keltirilgan afg‘on xalqlari va Afg‘oniston tarixiga oid muhim ma’lumotlar “Tolibon” kelib chiqishining diniy, etnik, mafkuraviy va boshqa jihatlari xususida tarixiy yondashuvlar asosida baho berishga yordam beradi. A.Manachinskiy, M.Kicha va A.Lavrov singari mutaxassislar esa o‘z tadqiqotlarida Afg‘oniston tarixi silsilasida “Tolibon”ning tutgan o‘rni va roli, uning ortida turib qo‘llab-quvvatlagan kuch markazlari hamda ushbu harakat rahbarligidagi hukumatning Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga ta’siri masalalariga qisman e’tiborini qaratishgan.

Biroq, o‘tkazilgan tadqiqotlar tahlili shundan dalolat bermoqdaki, yurtimiz olimlarining siyosiy fanlar doirasidagi ilmiy ishlarida “Tolibon” omilining Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga ta’sirini tadqiq etishga oid masalalar kompleks tarzda va yetarlicha tizimli tadqiq etilmagan. Shu nuqtayi nazardan, “Tolibon” va uning Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga ta’siri bilan bog‘liq masalalarni tadqiq etishga bag‘ishlangan ilmiy izlanishlar safini kengaytirish zarurati mazkur tadqiqotning dolzarbligini yanada oshiradi.

Dissertatsiya mavzusining dissertatsiya bajarilgan oliy ta’lim muassasasi ilmiy tadqiqot ishlari rejalari bilan bog‘liqligi. Dissertatsiya ishi Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti ilmiy tadqiqot ishlari rejasidan o‘rin olgan “Markaziy va Janubiy Osiyo o‘zaro bog‘liqligining barqaror rivojlanish omillari va istiqboli (O‘zbekistonning tashabbuslari asosida)” amaliy tashabbuskor loyihasi doirasida bajarilgan.

Tadqiqotning maqsadi: “Tolibon” omilining Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga ta’sirini ochib berishdan iborat.

Tadqiqotning vazifalari:

“Tolibon” harakati paydo bo‘lishining ichki sabablarini o‘rganish;

“Tolibon” harakatining shakllanishi va rivojlanishiga ta’sir ko‘rsatgan tashqi kuchlar omilini chuqur tahlil qilish;

“Tolibon” omilini tadqiq etishning nazariy-konseptual asoslarini ochib berish;

1991-2001-yillarda Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga tahdidlarni tadqiq etish;

“Afg‘oniston Islom Amirligi” (1996-2001) faoliyatining Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligi va barqarorligiga ta’sirini tahlil etish;

O‘zbekistonning Afg‘onistonda tinchlik va mintaqaviy xavfsizlikni ta’minlashga qaratilgan tashabbuslari (1993-2016-yillar) ahamiyatini ochib berish;

AQShning “Tolibon” bilan bog‘liq strategik yondashuvlarini aniqlash;

Pokiston, Eron va Hindistonning Afgʻonistondagi manfaatlarida “Tolibon” omilining oʻrnini tahliliy baholash;

Xitoy va Rossiyaning “Tolibon” omili bilan bogʻliq yondashuvlarini ochib berish;

Arab davlatlarining “Tolibon 2.0” hukumati bilan hamkorligining oʻziga xos jihatlarini yoritib berish;

Markaziy Osiyo davlatlarining “Tolibon 2.0” hukumatiga nisbatan tashqi siyosiy yondashuvlarini tadqiq etish;

“Tolibon” omilining Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga taʼsir etuvchi ehtimoliy tahlikalarini aniqlash;

Oʻzbekiston mintaqaviy xavfsizlik strategiyasida “Tolibon” omili bilan bogʻliq muammolarni tadqiq etish hamda shu yuzasidan taklif va tavsiyalar ishlab chiqish.

Tadqiqotning obyekti sifatida Afgʻonistonda “Tolibon 2.0” hokimiyati oʻrnatilishi bilan bogʻliq Markaziy Osiyoda vujudga kelgan mintaqaviy xavfsizlik transformatsiyasi sharoiti belgilangan.

Tadqiqotning predmetini “Tolibon” harakatining paydo boʻlishi va rivojlanish sabablari, turli kuch markazlarining “Tolibon” boshqaruviga qaratilgan manfaatlarini qiyosiy tahlili, “Tolibon 2.0” hukumatining shakllanishi va uning Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligining harbiy-siyosiy, suv-energetika, ekologik, savdo-iqtisodiy va madaniy-diniy jihatlariga, jumladan, Oʻzbekistonning mintaqaviy strategiyasiga taʼsiri bilan bogʻliq masalalar tashkil etadi.

Tadqiqotning usullari. Dissertatsiyada tarixiylik, muammoviy-xronologik, qiyoslash, tizimlashtirish, tuzilmaviy-funksional, institutsional, kuzatish, SWOT, kontent, event tahlil va prognozlashtirish usullaridan hamda tarixiy-tanqidiy, sivilizatsion, instrumentalistik, biheviyalistik va fanlararo yondashuv kabi metodologik yondashuvlardan foydalanilgan.

Tadqiqotning ilmiy yangiligi quyidagilardan iborat:

Afgʻonistonda “Tolibon” harakatining paydo boʻlish va rivojlanish evolyutsiyasi, uning diniy-gʻoyaviy qarashlari va maslakhatlari tashqi tomondan uzoq yillar davomida shakllangan va afgʻon jamiyatiga moslashtirishga qaratilgan deobandiylik, vahhobiylik, “Musulmon birodarlari” kabi mafkuraviy taʼlimotlar bilan toʻldirilgani va pushtunlar jamoasi “Tolibon” harakatining etnik negizini tashkil etishi etno-diniy sinkretizm fenomeni asosida hamda bunday qarashlarning transformatsiyaga uchrayotgani Neotolibonizm paradigmasiga koʻra asoslab berilgan;

Markaziy Osiyo, Koʻrfaz mintaqasi va Janubiy Osiyo mintaqalarini Afgʻoniston orqali oʻzaro bogʻlash maqsadlarini ifoda etuvchi muqobil transport-tranzit yoʻlaklarini ishga tushirish, Afgʻoniston oʻlkasidagi ijtimoiy-iqtisodiy inqirozni hal etishga koʻmaklashish, ushbu mamlakatni mintaqaviy jarayonlarga keng jalb etishga qaratilgan transport-logistika, energetika va yirik infratuzilma loyihalarini amalga oshirish mintaqalararo oʻzaro bogʻliqlikning yangi yoʻnalishi sifatida ishlab chiqilgan “Uch mintaqa yoyi” konsepsiyasiga koʻra isbotlangan;

Shanxay hamkorlik tashkilotining Afgʻonistonga qoʻshni va daxldor mamlakatlarning barchasini qamrab olgan mintaqadagi yagona va noyob platforma

ekanligi, Afg'onistondagi vaziyat tashqi yirik kuchlar tomonidan Markaziy Osiyo mintaqasiga nisbatan tazyiq ko'rsatish vositasi sifatida qo'llanilishini bartaraf etish va mintaqalararo xavfsizlik tizimini mustahkamlash maqsadida Shanxay hamkorlik tashkiloti huzurida Xavfsizlik qo'mitasini tashkil etish taklifi asoslab berilgan;

Markaziy Osiyo davlatlarining "Tolibon" rahbarlik qilayotgan Afg'oniston Muvaqqat hukumatiga nisbatan yagona va umumiy yondashuvini ishlab chiqish, Markaziy Osiyo va Afg'oniston o'rtasida yuzaga kelayotgan transchegaraviy suv resurslaridan oqilona va mintaqa davlatlarining umumiy manfaatlaridan kelib chiqib birgalikda foydalanish, terrorizm, diniy ekstremizm va etnik separatizm hamda narkotik moddalar savdosi kabi nizoli masalalarni siyosiy muzokaralar orqali muhokama qilish va hal qilishga ko'mak beruvchi mexanizm sifatida tashqi ishlar vazirlari darajasida "CA+AF" (Markaziy Osiyo va Afg'oniston) maslahat uchrashuvini tashkil etish taklifi dalillangan;

Afg'oniston Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik arxitekturasining jo'g'rofiy, etno-tarixiy, diniy va geosiyosiy omillarga ko'ra muhim tarkibiy qismi ekanligi, O'zbekistonning Afg'onistonda mustahkam tinchlik va barqarorlikni ta'minlashga qaratilgan faol tashqi siyosiy yondashuvi hamda "Tolibon" omilining mintaqaviy xavfsizlik tizimiga o'rta muddatli istiqbolda ta'sir ko'rsatishini hisobga olgan holda siyosiy-diplomatik, xavfsizlik, savdo-iqtisodiy, shartnomaviy-huquqiy va madaniy-gumanitar chora-tadbirlar mexanizmlarini nazarda tutuvchi "O'zbekistonning Afg'oniston bo'yicha 2025-2035-yillarga mo'ljallangan strategiyasi"ni ishlab chiqish taklifi asoslab berilgan.

Tadqiqotning amaliy natijalari quyidagilardan iborat:

"Tolibon" harakatining kelib chiqishi va rivojlanishi sabablari, uning diniy-mafkuraviy va siyosiy qarashlarini aks ettiruvchi xatti-harakatlari hamda ularning Markaziy Osiyoda kechayotgan geosiyosiy jarayonlar va xavfsizlik holatiga ta'sir qilish omillarini tadqiq etishda qo'llanilishi mumkin bo'lgan "Qora oqqush" va "Tolibonizm" kabi nazariy yondashuvlar aniqlangan;

Afg'oniston va Markaziy Osiyo mintaqasida tinchlik, barqarorlik va kafolatli xavfsizlikni ta'minlashga hissa qo'shadigan taklif va tavsiyalar ilgari surilgan;

Afg'onistondagi strategik noaniq vaziyatga, jumladan, "Tolibon" faoliyatiga nisbatan O'zbekistonning tashqi siyosiy yondashuvlarini yanada izchil, samarali va preventiv bo'lishiga xizmat qiladigan "O'zbekistonning Afg'oniston bo'yicha 2025-2035-yillarga mo'ljallangan strategiya" namunaviy loyihasi tayyorlangan.

Tadqiqot natijalarining ishonchliligi. unda xalqaro munosabatlar fanida e'tirof etilgan yondashuv va usullar qo'llangani, 400 ga yaqin ilmiy-nazariy adabiyotlar va manbalardan foydalanilgani, O'zbekiston va Afg'onistondagi tegishli idoralarning normativ-huquqiy hujjatlari, dariy va pushtu tillaridagi birlamchi manbalarga asoslangani hamda konseptual asosga ega xulosa, taklif va tavsiyalarning amaliyotga joriy etilgani hamda tadqiqot jarayonida olingan natijalarning vakolatli davlat idoralari tomonidan tasdiqlangani bilan ta'minlangan.

Tadqiqot natijalarining ilmiy va amaliy ahamiyati. Tadqiqot natijalarining *ilmiy ahamiyati* O'zbekiston Respublikasi tashqi siyosatining ustuvor yo'nalishlari, jumladan, Markaziy Osiyo va Afg'onistonda xavfsizlikni ta'minlashga qaratilgan ilmiy tadqiqotlar o'tkazish hamda tadqiq etilayotgan muammoga oid metodologik

yondashuvlar va nazariy xulosalarni takomillashtirish jarayonida foydali bo'lishi mumkinligi bilan izohlanadi.

Tadqiqot natijalarining *amaliy ahamiyati* esa ishlab chiqilgan taklif va tavsiyalarda O'zbekiston Respublikasi Tashqi ishlar vazirligi, O'zbekiston Respublikasi Davlat xavfsizlik xizmati, O'zbekiston Respublikasi Mudofaa vazirligi, O'zbekiston Respublikasi Investitsiyalar, sanoat va savdo vazirligi, O'zbekiston Respublikasi Transport vazirligi, Afg'oniston mavzusi bilan shug'ullanuvchi tahliliy markazlar va boshqa manfaatdor tashkilotlar tomonidan ilmiy izlanishlar, axborot-tahliliy va dasturiy hujjatlarni tayyorlashda, Oliy ta'lim muassasalari uchun ma'ruza va amaliy mashg'ulotlar olib borishda muhim manba sifatida qo'llanilishi mumkin.

Tadqiqot natijalarining joriy qilinishi. “Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik transformatsiyasi sharoitida “Tolibon” omili” mavzusi bo'yicha olingan tadqiqot natijalari asosida:

Afg'oniston Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik arxitekturasining jo'g'rofiy, etno-tarixiy, diniy va geosiyosiy omillarga ko'ra muhim tarkibiy qismi ekanligi, O'zbekistonning Afg'onistonda mustahkam tinchlik va barqarorlikni ta'minlashga qaratilgan faol tashqi siyosiy yondashuvi hamda “Tolibon” omilining mintaqaviy xavfsizlik tizimiga o'rta muddatli istiqbolda ta'sir ko'rsatishini hisobga olgan holda siyosiy-diplomatik, xavfsizlik, savdo-iqtisodiy, shartnomaviy-huquqiy va madaniy-gumanitar chora-tadbirlar mexanizmlarini nazarda tutuvchi “O'zbekistonning Afg'oniston bo'yicha 2025-2035-yillarga mo'ljallangan strategiyasi”ni ishlab chiqishga oid ilmiy xulosalari, taklif va tavsiyalaridan O'zbekiston Respublikasi Tashqi ishlar vazirligi O'zbekiston Prezidentining Afg'oniston bo'yicha maxsus vakili xizmati tomonidan Respublika vazirlik va idoralariga yuboriladigan axborot-tahliliy hujjatlarni tayyorlashda foydalanilgan (*O'zbekiston Respublikasi Tashqi ishlar vazirligi O'zbekiston Prezidentining Afg'oniston bo'yicha maxsus vakili xizmatining 2025-yil 3-maydagi 18-108/11086-sonli dalolatnomasi*). Dissertatsiyadan olingan natijalar O'zbekistonning Afg'oniston bo'yicha tashqi siyosatini amalga oshirishda strategik jihatdan e'tibor qaratilishi lozim bo'lgan tahliliy ma'lumotlarni shakllantirishga xizmat qilgan.

Markaziy Osiyo davlatlarining “Tolibon” rahbarlik qilayotgan Afg'oniston Muvaqqat hukumatiga nisbatan yagona va umumiy yondashuvini ishlab chiqish, Markaziy Osiyo va Afg'oniston o'rtasida yuzaga kelayotgan transchegaraviy suv resurslaridan oqilona va mintaqa davlatlarining umumiy manfaatlaridan kelib chiqib birgalikda foydalanish, terrorism, diniy ekstremizm va etnik separatizm hamda narkotik moddalar savdosi kabi nizoli masalalarni siyosiy muzokaralar orqali muhokama qilish va hal qilishga ko'mak beruvchi mexanizm sifatida tashqi ishlar vazirlari darajasida “CA+AF” (Markaziy Osiyo va Afg'oniston) maslahat uchrashuvini tashkil etishga oid xulosalar, taklif va tavsiyalardan O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Strategik va mintaqalararo tadqiqotlar instituti tomonidan tahliliy tayyorlashda foydalanilgan (*O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Strategik va mintaqalararo tadqiqotlar institutining 2025-yil 1-maydagi 05-4/555-sonli ma'lumotnomasi*). Natijada dissertatsiyada keltirilgan ilmiy xulosa, taklif va tavsiyalar Termiz shahrida tashkil etilgan “Markaziy Osiyo

va Afg'oniston: umumiy kelajakka nigoh" mavzusidagi xalqaro davra suhbatini tashkil etishga doir axborot-tahliliy hujjatlarni tayyorlashga xizmat qilgan.

Afg'onistonda "Tolibon" harakatining paydo bo'lish va rivojlanish evolyutsiyasi, uning diniy-g'oyaviy qarashlari va maslakhlarini tashqi tomondan uzoq yillar davomida shakllangan va afg'on jamiyatiga moslashtirishga qaratilgan deobandiylik, vahhobiylik, "Musulmon birodarlari" kabi mafkuraviy ta'limotlar bilan to'ldirilgani va pushtunlar jamoasi "Tolibon" harakatining etnik negizini tashkil etishi etno-diniy sinkretizm fenomeni asosida hamda bunday qarashlarning transformatsiyaga uchrayotgani Neotolibonizm paradigmasiga ko'ra asoslab berilganiga oid ilmiy xulosalardan O'zbekiston Musulmon idorasi tomonidan diniy-ma'rifiy ta'lim muassasalari uchun uslubiy tavsiyalar ishlab chiqishda foydalanilgan (*O'zbekiston Musulmon idorasining 2025-yil 28-apreldagi 05-03/1141-sonli ma'lumotnomasi*). Natijada dissertatsiya materiallari, ilmiy natijalari, ilgari surilgan xulosa, taklif va tavsiyalar Toshkent islom instituti "Ijtimoiy fanlar" kafedrasining "Siyosat va din", "Islom va hozirgi zamon", "O'zbekistonning eng yangi tarixi", "Din niqobidagi tahdidlarga qarshi kurash metodlari" va "Ekstremizm va terrorizmga qarshi kurashning ma'naviy-ma'rifiy asoslari" fanlari o'quv dasturlarini tuzishda qo'shimcha adabiyot sifatida foydalanilishiga xizmat qilgan.

O'zbek va afg'on xalqlari o'rtasida millatlararo totuvlik, do'stlik va birodarlik rishtalarini yanada mustahkamlash, ikki tomonlama madaniy-gumanitar aloqalarni rivojlantirish, jumladan Afg'onistondagi o'zbek vatandoshlar bilan ishlash hamda ular bilan mustahkam aloqalarni chuqurlashtirishni nazarda tutuvchi O'zbekistonning Afg'oniston bo'yicha 2025-2035-yillarga mo'ljallangan strategiyasi loyihasida ilgari surilgan ilmiy xulosalar, taklif va tavsiyalardan O'zbekiston Respublikasi Millatlararo munosabatlar va xorijdagi vatandoshlar masalalari bo'yicha qo'mitasi axborot-tahliliy hujjatlari, seminar va davra suhbatlarini tashkil etishda foydalanilgan (*O'zbekiston Respublikasi Millatlararo munosabatlar va xorijdagi vatandoshlar masalalari bo'yicha qo'mitasining 2025-yil 25-apreldagi 14-05-137-sonli dalolatnomasi*). Dissertatsiya natijalari xorijdagi vatandoshlar bilan ishlash siyosatini shakllantirishda, ayniqsa, Afg'oniston va unga yaqin davlatlarda istiqomat qilayotgan vatandoshlarimiz bilan aloqalarni chuqurlashtirish, mintaqaviy xavfsizlikni ta'minlashga qaratilgan axborot-tahliliy materiallar hamda ilmiy-tadqiqot va hamkorlik loyihalari doirasida xalqaro xavfsizlik, ekstremizm va dinlararo totuvlikka oid mavzularda seminar va davra suhbatlari tashkil etishga xizmat qilgan.

Shanxay hamkorlik tashkilotining Afg'onistonga qo'shni va daxldor mamlakatlarning barchasini qamrab olgan mintaqadagi yagona va noyob platforma ekanligi, Afg'onistondagi vaziyat tashqi yirik kuchlar tomonidan Markaziy Osiyo mintaqasiga nisbatan tazyiq ko'rsatish vositasi sifatida qo'llanilishini bartaraf etish va mintaqalararo xavfsizlik tizimini mustahkamlash maqsadida Shanxay hamkorlik tashkiloti huzurida Xavfsizlik qo'mitasini tashkil etishga doir ilmiy xulosa va natijalardan O'zbekistonda Shanxay hamkorlik tashkilotining Xalq diplomatiyasi markazi tomonidan xalqaro konferensiya tadbirlarini tashkil etishda foydalanilgan. (*O'zbekistonda Shanxay hamkorlik tashkiloti Xalq diplomatiyasi markazining*

2025-yil 28-apreldagi 235/25-sonli ma'lumotnomasi). Natijada dissertatsiyada ilgari surilgan ilmiy xulosalar, fikr-mulohazalar, taklif va tavsiyalar “ShHT kelajagi: hamkorlikning istiqbolli yo‘nalishlari” va “Markaziy Osiyoda mintaqaviy hamkorlik: siyosiy-ijtimoiy va falsafiy-huquqiy aspektlari” nomli xalqaro ilmiy-amaliy konferensiyalariga doir axborot-tahliliy materiallarni tayyorlashga xizmat qilgan.

Tadqiqot natijalarining aprobatsiyasi. Mazkur tadqiqot natijalari 7 ta ilmiy anjumanda, jumladan, 2 ta xalqaro darajadagi va 5 ta respublika miqyosidagi konferensiyada muhokama qilingan.

Tadqiqot natijalarining e‘lon qilinganligi. Dissertatsiya mavzusi bo‘yicha jami 19 ta ilmiy ish, xususan, O‘zbekiston Respublikasi Oliy attestatsiya komissiyasining doktorlik dissertatsiyalari asosiy natijalarini chop etish tavsiya etilgan ilmiy nashrlarda 18 ta maqola va 1 ta monografiya nashr ettirilgan.

Dissertasiyaning tuzilishi va hajmi. Dissertatsiya kirish, to‘rtta bob, xulosa, ilova va foydalanilgan adabiyotlar ro‘yxatidan iborat. Dissertatsiyaning umumiy jami 267 sahifani tashkil etadi.

DISSERTATSIYANING ASOSIY MAZMUNI

Kirish qismida tadqiqot mavzusining dolzarbligi va zarurati asoslangan, respublika fan va texnologiyalari rivojlanishining ustuvor yo‘nalishlariga mosligi ko‘rsatilgan, mavzu bo‘yicha xorijiy adabiyotlar sharhi amalga oshirilgan, mavzuning o‘rganilganlik darajasi hamda uning dissertatsiya ishi bilan bog‘liqligi bayon qilingan, ishning maqsad va vazifalari, obyekti va predmeti belgilangan. Tadqiqotning ilmiy yangiligi va amaliy natijasi hamda asosiy tadqiqot usullari ko‘rsatib berilgan, olingan natijalarning ishonchlilik asoslangan holda, ularning nazariy va amaliy ahamiyati ochib berilgan, shuningdek, tadqiqot natijalarining amaliyotga joriy etilishi, aprobatsiya va e‘lon qilingan ishlar keltirilgan.

Tadqiqotning **“Tolibon harakati paydo bo‘lishini tadqiq etishning nazariy-metodologik asoslari”** deb nomlangan birinchi bobida “Tolibon” harakatining vujudga kelishiga ta‘sir ko‘rsatgan ichki va tashqi omillar, shuningdek, ushbu harakatni tadqiq etishga oid nazariy-metodologik yondashuvlar tadqiq etiladi.

Bugungi kunda Afg‘oniston taqdiri, davlat va jamiyat hayotida “Tolibon”³ omili muhim ahamiyat kasb etadi. Shak-shubhasiz, “Tolibon” XX asrning o‘rtalaridan boshlab Afg‘onistondagi harbiy-siyosiy jarayonlarning u yoki bu shakldagi faol ishtirokchisiga aylangan bo‘lsa, hozirda “afg‘on siyosiy sahnasi”ning asosiy ijrochisi sifatida hokimiyatni o‘z qo‘lida ushlab turibdi. E‘tiborli jihati shundaki, bugungi “Tolibon” omili faqatgina Afg‘onistonning yakka o‘zi bilan cheklanmaydi, uning paydo bo‘lish, shakllanish va rivojlanish

³ “Tolibon” atamasi arab tilida “tolib” (o‘quvchi, tahsil oluvchi) va fors tilidagi ko‘plik yasovchi “on” qo‘shimchasining qo‘shilishidan hosil bo‘lgan. Biroq, aksariyat holatlarda ushbu atama o‘zbek tilida “tolibonlar” deya noto‘g‘ri talqin etilib, tavlologiyaga yo‘l qo‘yiladi. Shu nuqtayi nazardan, bunday siyosiy atamani “Tolibon” yoki “toliblar” deb talqin etish va yozuvda qo‘shirnoqqa olgan holda yozish lisoniy jihatdan maqsadga muvofiq. (Muallif izohi).

evolyutsiyasi shohidlik beradiki, u nafaqat Afg'onistonga yaqin va uzoqroq qo'shnilarga, balki arab-u ajam hamda okean orti o'lkalariga qadar allaqachon jiddiy e'tiborda turadigan omilga aylanib ulgurgan.

Afg'oniston zamini tarixan turli xil dinlar, mazhablar, qabilalar va elatlar yashagan makon bo'lib kelgan. Ular gohida tinch-totuv umrguzaronlik qilgan bo'lsa, gohida bir-biri bilan kelishmay turli nizolar va urushlarni boshdan kechirgan. Afsuski, shu paytgacha Afg'onistondagi qurolli nizo va urushlar tinchlik davriga nisbatan uzoqroq va ko'proq davom etgan. Bunday o'ziga xoslik Afg'onistonda "Tolibon" harakati paydo bo'lishi bilan bog'liq ichki omillarni ikki guruhga ajratib olishni taqozo etadi:

Diniy omil. Islom dini afg'onlarning nafaqat hayot tarzi, balki azaliy taqdiri hisoblanadi. Taqvodor musulmon afg'on uchun Islom dini hayot-mamot masalasidir. Taniqli diplomat, professor A.Haydarov qayd etganidek, Islom omili Afg'oniston siyosiy rahbariyatining barcha turdagi qarorlarini qabul qilishida bevosita ta'sir ko'rsatuvchi muhim element hisoblanadi⁴. Afg'onistonda islomning siyosiy lashuv jarayonlarini, jumladan muxolif islomiy guruhlarining faollashuvini uchta guruhga ajratib olgan holda tadqiq etish maqsadga muvofiq.

Birinchi guruhni Misrdagi "Musulmon birodarlari" mafkurasi ta'siri ostida shakllangan islomizm tarafdorlari guruhi tashkil etadi. Mutaxassislar "Musulmon birodarlari" diniy-siyosiy qarashlarini Afg'onistonga kirib kelish davrini XX asrning 60-yillari bilan bog'lashadi. SSSR Davlat xavfsizlik qo'mitasi (KGB)ning Afg'onistondagi vakolatxonasi rahbari (1980-1982-yillar), general-mayor Viktor Spolnikovning yozishicha, Afg'onistondagi dastlabki islomiy fundamentalistik tashkilot 1969-yilda tashkil topgan. 1965-yil Kobul universitetining Ilohiyot fakulteti dekani, "professor" (*ustod*) G'ulom Muhammad Niyoziy tashabbusi bilan yopiq to'garak tashkil etildi. Shuningdek, Muhandislik fakultetida Gulbiddin Hikmatyor, Sayfiddin Nusratyor va Habib Rahmon tarkibidan iborat shunga o'xshash yana bir fundamentalistik to'garak tuzildi. Muhandislik fakulteti talabalari tashabbusi bilan "birgalikda kurashish" maqsadida ikkita to'garak faoliyati birlashtirildi va 1969-yilda bo'lib o'tgan uning ilk yig'ilishida Afg'onistondagi birinchi fundamentalistik tashkilot – "Musulmon yoshlari" (*Javonon-e musulmon*) tashkilotiga asos solindi⁵. E'tiborli jihati shundaki, "Musulmon yoshlari" Misrdagi "Musulmon birodarlari" tashkilotining mafkurasini o'z faoliyati uchun asosiy namuna sifatida belgilab olgan edi. Fransuz islomshunos olimi Olivye Ruaning qayd etishicha, Afg'onistonda muxolif islom harakatlarining kuchayish jarayoni 1958-yilda asos solingan "Islomiy jamiyat" harakati (*tahrik-e islomi yoki nihzat-e islomi*) bilan chambarchas bog'liq⁶.

Ikkinchi guruh "Deobandiylik" (deobandizm) mafkurasi asosida tashkil etilgan diniy guruhlar hisoblanadi. Deobandiylik hadislar va hanafiy mazhabining ta'limoti hamda huquqiy an'alariga tayanadi. Mazkur harakat asoslarining yaratilishi 1866/67-yillarda Deoband shahrida tashkil etilgan "Dor ul-ilm" (*Ilm*

⁴ Хайдаров А.А. Влияние исламского фактора на советско-афганские отношения (1978-1990 гг.). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Москва, 1991. – С.3.

⁵ Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. – Москва, Наука. 1990. – С.15-16.

⁶ Olivier Roy. Islam and Resistance in Afghanistan. Cambridge University Press (second edition), 1990. – P.70.

uyi) madrasasi faoliyati bilan bevosita bog'liq. 1879-yilda Hindistonda jami 12 ta deobandiy madrasalar mavjud bo'lgan bo'lsa, XX asrning 60-yillariga kelib ularning soni Janubiy Osiyoda 9000 taga yetgan⁷. 1929-yil yanvarda Kobulni qo'lga kiritgan Bacha-ye Saqo⁸ (keyinchalik Habibulloh Ko'lakoniy) rahbarligidagi boshqaruv faoliyatini mustaqil Afg'oniston tarixidagi ilk fundamentalistik harakat sifatida baholash mumkin. Ma'lumotlarda aytilishicha, Bacha-ye Saqo o'zini avval boshdanoq afg'onistonlik tojiklarning milliy yetakchisi sifatida emas, balki musulmon hukmdor sifatida tutgan. Shu jihatdan, Bacha-ye Saqo o'z hokimiyati va ta'sirini nafaqat afg'onlarga, balki butun umma, jumladan Hindiston va Sovet O'rta Osiyosiga qadar kengaytirishni maqsad qilgan. Afg'on tarixchisi Mir G'ulom Muhammad G'ubor "Afg'oniston tarix silsilasida" kitobida Habibullo Ko'lakoniy afg'onlarni Buxoroni ozod qilish uchun kurashga chaqirgani va Buxoro amiri taxtini egallashga ishtiyoqi baland bo'lgani, shuningdek, musulmonlar uchun muqaddas sanalgan sandal darvozasini Hindistondan Afg'onistonga olib kelishni maqsad qilgani haqida e'tiborga molik ma'lumotlar keltirib o'tgan⁹.

Uchinchi guruh. "Tolibon" harakatining tub negizi deobandiy madrasalarining ta'limotlariga borib taqalishini tasdiqlashga imkon beradigan ma'lumotlar mavjud bo'lsa-da, Vahhobiylik ta'limotlari ham qisman "toliblar"ning diniy maslaklariga ta'sir ko'rsatgan, deb hisoblash mumkin. Bu jarayon ayniqsa Sovet qo'shinlarining Afg'onistonga kiritilishi arafasida ancha kuchaydi. "Tolibon" tadqiqi bilan shug'ullangan pokistonlik taniqli mutaxassislardan biri Ahmed Rashid ham o'zini salafiylar deb ataydigan "afg'on vahhobiylari" haqida so'z yuritib, ularning mafkurasi oddiy afg'onlar tomonidan xushlanmasligi natijasida Afg'oniston bo'ylab keng tarqalmaganini o'z asarida qayd qilgan¹⁰.

Ko'rinib turganidek, "Tolibon" harakati paydo bo'lishining diniy ildizlari ancha tarixiy va tabiiyki, "Musulmon birodarlari", Deobandiylik yoki Vahhobiylik kabi radikal diniy qarashlardan ilhomlangani xususida turli xil ilmiy bahslarni keltirib chiqaradi. Shunday bo'lsa-da, bizning nuqtayi nazarimizga ko'ra, "Tolibon" harakati kelib chiqishining diniy-g'oyaviy asosini Deobandiylik ta'limoti tashkil etadi. Qolgan radikal qarashlar esa, tashqi omillar ta'siri bilan "Tolibon" mafkurasi uchun faqat to'ldiruvchi vazifasini bajargan.

Etnik omil. Afg'oniston turfa etnoslar va qabilalar mamlakati. Ushbu o'lkada 30 dan ortiq millat va elat vakillari istiqomat qiladi. "Tolibon" harakatining etnik yadrosini aynan pushtunlar tashkil etishi, o'z navbatida ular o'ziga tarafdor bo'lganlarning saflarini kengaytirishda pushtunlar omilidan foydalanganiga alohida urg'u berish lozim. AQSh armiyasi harbiy kollejining Yaqin Sharq tadqiqotlari bo'yicha professori Larri Gudson "Tolibon" harakati rivojlanishining 5 ta omilini sanab o'tadi. Bular: pushtunlar, jangovar bo'lmagan aholi qatlami, diniy

⁷ Бобоқулов И.И. Афғонистон. Луғат-маълумотнома. – Т.: "Complex Print", 2021. – Б.87.

⁸ Bacha-ye Saqo – Suv tashuvchining o'g'li. Etnik jihatdan kelib chiqishi tojik millatiga mansub.

⁹ میر غلام محمد غبار. افغانستان در مسیر تاریخ. مرکز نشر انقلاب. ۱۳۶۸-ص.۸۲۷.

¹⁰ Rashid Ahmed. Taliban: The Power of Militant Islam in Afghanistan and Beyond. – London. I.B.Tauris, 2010. – P.85.

taqvo, pul mablag'lari va Pokiston yordami¹¹. Bu yerda professor "Tolibon" harakatining kuchayishidagi dastlabki omil sifatida aynan pushtunlar omilini keltirib o'tganligini ko'rish mumkin. Indiana universiteti professori Abdulqodir Sinning yozishicha, 1978-yildan buyon faqat "Tolibon" harakati pushtunlarni umumiy safarbar qila olishga muvaffaq bo'ldi¹².

"Tolibon" harakatining shakllanish jarayonlarini tadqiq etish o'ziga xos retrospektiv yondashuvni talab etadi. Jahon hamjamiyati "Tolibon" haqida ilk marta 1990-yillarning o'rtalarida xabar topgan bo'lsa ham uning tashkil topishi va rivojlanish tendensiyasi yuzasidan o'rganilgan izlanishlar harakatning bu vaqtdan ancha avvalroq vujudga kelganiga ishora qiladi. Boshqacha aytganda, jahon afkor ommasi madrasa "toliblari"ning "Tolibon" harakati sifatida afg'on siyosiy sahnasiga chiqishi va harbiy-siyosiy muvaffaqiyatga erishishiga qadar ularning taxminan 20 yilga yaqin tarixi borligidan hali bexabar edi. Bu harakat tashqi kuchlarning Afg'onistondagi istiqbolli manfaatlaridan kelib chiqib, maxsus tayyorgarlikdan o'tgan strategik loyiha o'laroq shakllantirildi va qudratli tuzilma holiga keltirildi. Shu jihatdan, "Tolibon"ning paydo bo'lishiga keng xalq harakatining natijasi deb baho beradigan fikrlarga qo'shilish juda mushkul. Uning tashkil topishi Sovet-afg'on urushi paytidagi geosiyosiy manfaatlar to'qnashuvining mahsuli hisoblanadi. Xususan, o'sha vaqtda afg'on zaminida shakllangan keskin geosiyosiy holat AQSh, Pokiston va Saudiya Arabistoni singari davlatlar oldida "Tolibon" loyihasini ishlab chiqishdek muhim va strategik manfaatlar mushtarakligini vujudga keltirdi.

Zamonaviy xalqaro munosabatlar tizimi "Tolibon"ga nisbatan turli xil yangi nazariyalar va yondashuvlarni ilgari surishni taqozo etmoqda. Bizningcha, quyidagi nazariyalar "Tolibon" omilini akademik jihatdan baholash, ilmiy bahs-munozaralarga kirishish hamda yangi nazariy g'oyalarni yaratish uchun yaqindan xizmat qilishi mumkin:

Qora oqqush nazariyasi. Sodir bo'lishi kutilmayotgan hodisaning ro'y berishi yoki sodir bo'lishi ehtimoli kutilayotgan hodisaning ro'y bermasligi Qora oqqush nazariyasining mantig'ini tashkil etadi. "Tolibon" harakatining birinchi (1996) va ikkinchi (2021) marta hokimiyatni egallashi bu Qora oqqush hisoblanadi. "Tolibon" harakatining Afg'oniston hokimiyatiga (qayta) kelishi oddiy odamlar uchun Qora oqqush hisoblansa, uni rejalashtirgan va siyosiy sahnaga olib chiqqan kuchlar uchun ma'lum bo'lgan hodisa edi. Agarda ko'zda tutilgan reja qandaydir sabablarga ko'ra amalga oshmay qolganda bu hodisa o'sha kuchlar uchun Qora oqqushga aylanardi.

Tolibonizm (Talibanism) nazariyasi. Tolibonizmni "Tolibon" harakatining diniy boshqaruv shaklini ifoda etuvchi nazariya, deb aytish mumkin. Buyuk Britaniya xavfsizlik tashkilotining Yaqin Sharq va Afg'oniston bo'yicha mutaxassislaridan biri Piter Marsden Misrdagi "Musulmon birodarlar", Saudiya Arabistonining Vahhobiylik, Liviya va Erondagi islomiy inqilob harakatlari hamda

¹¹ Larry P. Goodson. Afghanistan's Endless War: State Failure, Regional Politics, and the Rise of the Taliban. University of Washington Press, 2001. – P.109-111.

¹² Sinno Abdulkader. Explaining the Taliban's Ability to Mobilize the Pashtuns // The Taliban and the crisis of Afghanistan. – Cambridge, Harvard University Press. 2009. – P.59.

“Tolibon” harakati o‘rtasidagi diniy-mafkuraviy qarashlarning o‘xshash va farqli jihatlarini taqqoslab, ularning “Tolibon” diniy aqidasi o‘zmi-ko‘pmi ta’sir ko‘rsatgani xususida quyidagicha xulosaga keladi: “ “Tolibon” o‘z motivlarini ma’lum bir harakatdan ilhomlanib, uni namuna sifatida olgan, deb xulosa qilish oqilona bo‘lmaydi. Biroq, uning a’zolari ushbu g‘oyalarning aksariyati muomalada bo‘lgan muhitda tarbiyalangan va tahsil olgan. Shunday qilib, “Tolibon” islomiy qonun-qoidalar tartibini joriy qilishda afg‘on urf-odatlarini va tajribasiga amal qilayotganini iddao qilsa-da, uning mafkurasiga boshqa islomiy oqimlarning ta’siri ko‘rsatganini inkor etib bo‘lmaydi”¹³. Biz bu nazariyani hozirgi “Tolibon 2.0” hukumati faoliyatidan kelib chiqqan holda ikki qismga ajratib tadqiq qilish lozim, deb hisoblaymiz.

Neotolibonizm (Neo-Talibanism). London Qirollik maktabi (Kings College London) professori, Qirollik birlashgan mudofaa va xavfsizlik tadqiqotlari institutining (Royal United Services Institute for Defence and Security Studies (RUSI) katta ilmiy xodimi, “Tolibon” harakati va Afg‘onistonda terrorizm masalalari bilan shug‘ullangan taniqli ekspert Antonio Justotsi “eski Tolibon” va “yangi Tolibon” o‘rtasidagi farqli jihatlarni tadqiq etadi¹⁴. Eronlik olimlar Said Yahyo Rahim Safaviy, Olmos Islomiy va Kiyonush Kiyokjuriy tomonidan olib borilgan tadqiqot natijalari ko‘rsatishicha, Afg‘onistonda ichki birdamlikning yo‘qligi va “Tolibon”ning butun mamlakat bo‘ylab to‘laqonli suverenitetni amalga oshira olmasligi hamda turli ijtimoiy-siyosiy guruhlarni davlat va jamiyat qurilishi jarayoniga jalb eta olmagan Afg‘onistonda Neotolibonizm paydo bo‘lishining mushkulotidan biri hisoblanadi. Ushbu olimlar Kopengagen maktabi namoyondalari Barri Buzan va Ole Vever tomonidan ishlab chiqilgan mintaqaviy xavfsizlikning kompleks nazariyasi asosida Afg‘onistonda Neotolibonizmning vujudga kelishini tashqi tahdid sifatida baholaydi¹⁵.

Pantolibonizm (Pan-Talibanism). Pantolibonizm “Tolibon”ning diniy maslaklari va mafkuraviy qarashlarini Afg‘onistondan tashqariga yoyishga qaratilgan ta’limot sifatida kengroq ilmiy izlanishlar olib borishni taqozo etadi. Shu jihatdan Pantolibonizm islomiy mafkuralarning

“Tolibon”ga xos ko‘rinishlaridan biridir.

Tadqiqot ishining **“Afg‘oniston Islom Amirligi” davridagi vaziyatning Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik tizimiga ta’siri (1996-2001-yillar)** deb nomlangan ikkinchi bobida “Tolibon” harakatining Afg‘oniston siyosiy sahnasida paydo bo‘lishi va natijada Afg‘oniston hududining Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga ta’sir etuvchi jiddiy tahdid manbayiga aylangani tadqiq etilgan.

XX asrning 90-yillari boshlarida Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligini ta’minlash tizimi shakllanmaganligi sababli dastlab mintaqaning har bir davlatida xavfsizlikka nisbatan turlicha yondashuvlar mavjud edi. Ammo, diniy ekstremizm,

¹³ Marsden Peter. The Taliban: War and Religion in Afghanistan. – London, Zed Books Ltd. 2002. – P.76-77.

¹⁴ Giustozzi Antonio. Koran, Kalashnikov and Laptop: Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan. – London, 2007. – P.12-13.

¹⁵ سيدیجی رحیم صفوی، الماس اسلامی، کیانوش کیاکجوری. نوظالیانسیسم در افغانستان و امنیت ملی جمهوری اسلامی ایران // فصلنامه مطالعات بنیادین و کاربردی جهان اسلام، سال پنجم، شماره هفدهم، پاییز ۱۴۰۲. ص. ۱۱۹.

Said Yahyo Rahim Safaviy, Olmos Islomiy, Kiyonush Kiyokjuriy. Afg‘onistonda Neotolibonizm va Eron Islom Respublikasi milliy xavfsizligi // Islom dunyosining fundamental va amaliy tadqiqotlari jurnali. № 3, 2023. – B.119.

terrorizm va narkotik moddalar savdosi kabi xatarlar mintaqaning barcha davlatlarini birdek xavotirga solgan. Eng e'tiborlisi, ushbu xatarlarning barchasi Afg'onistonda fuqarolar urushining boshlanishi, keyinchalik Kobulda "Tolibon" hokimiyatining o'rnatilishi bilan chamcharchas bog'liq edi.

Afg'onistonda "kommunizm ustidan islomizm g'alabasi" Markaziy Osiyo mintaqasida ham aks-sado berdi. Bunga ma'lum ma'noda XX asrning 60-70-yillari oxirlarida Yaqin Sharq va Afg'oniston hududlarida boshlangan "islom uyg'onishi" hodisasi katta turtki berdi. Professor R.Alimov tojikistonlik ekspertlardan iqtibos keltirar ekan, agarda o'tgan asrning 60-70-yillarida islomiy qarashlarda yangi oqimlar va turli yo'nalishlar paydo bo'lmaganda edi, bunday "mafkuraviy tajovuzlar" butun sobiq Sovet Ittifoqi makonida, shu jumladan, Markaziy Osiyo davlatlarida siyosiy islomning kuchayishiga olib kelmas edi¹⁶, deb qayd etadi. XX asrning 90-yillari boshlariga kelib, mintaqadagi mafkuraviy bo'shliqni islomizm g'oyalari orqali to'ldirishga katta urinishlar sodir bo'ldi. Natijada "Hizb ut-tahrir", "O'zbekiston islom harakati", "Tojikiston islom uyg'onish partiyasi", "Adolat", "Tavba", "Tablig'chilar", "Akromiylar", "Islom lashkarlari", "Nurchilar" kabi o'nlab ekstremistik tashkilotlar Markaziy Osiyo mintaqasi xavfsizligiga jiddiy tahdid sola boshladi. "Tolibon" harakatining "Al-Qoida" xalqaro terroristik tashkilotiga boshpana berishi va mintaqaga xavf soluvchi bir qator terroristik va ekstremistik tashkilotlarning Afg'oniston va Pokistondagi lagerlarda tayyorgarlikdan o'tishi Markaziy Osiyo davlatlari xavfsizligini mustahkamlash jarayonini so'roq ostida qoldirar edi. Hujjatlarga ko'ra, Pokistonda 180 ta harbiy lager tashkil etilib, unda 40,000 dan ortiq ekstremistlar tayyorgarlikdan o'tgan¹⁷. Londonda joylashgan Xalqaro strategik tadqiqotlar institutining yillik hisobotida keltirilgan tahlillarga ko'ra, 1996-2001-yillar davomida afg'on lagerlarida "Al-Qoida" tomonidan 18,000 ta mujohid tayyorlangan. Ular hozirda 60 ta mamlakat bo'ylab tarqalgan¹⁸. Ammo, 2001-yil 11-sentyabr voqealaridan keyin AQShning xalqaro terrorizmga qarshi kurash amaliyotlari Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik tizimi shakllanishining yangi bosqichini boshlab berdi.

XX asrning 90-yillarida Afg'onistondagi vaziyatning keskinlashuvi, "Tolibon" harakatining hokimiyatga kelishi bilan narkotik moddalar savdosi avj ola boshladi. Zeroki, bu davrga kelib narkobiznes terrorizm va ekstremizmni moliyalashtiruvchi muhim manbalardan biriga aylangan edi. "Tolibon" nazoratiga o'tgan hududlarda narkobiznes daromadning asosiy qismini tashkil etar edi. Ma'lumotlarga ko'ra, bu paytda afyun Afg'onistonning 32 ta viloyatidan 10 tasida ishlab chiqarilgan va "toliblar" ulardan 8 ta viloyatni o'z nazorati ostiga olgan. Bular Faroh, Nimruz, Hilmand, Qandahor, O'ruzgon, Zobul, Nangarhor va Kunar. 1995-1996-yillar davomida giyohvand moddalar yetishtirilgan maydonlar hajmi 55,000 va 58,000 gektar oralig'ida bo'lgan. Quruq afyun hosili yiliga 2,200 va 2,300 tonnani tashkil etib, bu global noqonuniy narkotik moddalar savdosining 40

¹⁶ Alimov R.M. Central Asia: Common Interests. – T.: Sharq, 2005. – P.361.

¹⁷ Documents expose: In the Continuation of Interference. Pakistan violates Geneva Agreements. 1990. – P.27.

¹⁸ Маккамбаев П.А. Военно-политическая ситуация в Афганистане и ее влияние на пограничную безопасность государств Центральной Азии. – Т.: Адолат, 2013. – С.330.

foizlik ulushi demakdir¹⁹. Afgʻoniy manbalarning shohidlik berishicha, 1997-yili Afgʻonistonda ishlab chiqariladigan giyohvand moddalarning 94,6 foizi “Tolibon” tasarrufidagi hududlarda yetishtirilgan. 1998-yilda Afgʻonistonda afyun moddasini ishlab chiqarish 25 foizdan oshib, 2800 tonnani tashkil etgan. Chop etilgan maʼlumotlarga koʻra, Afgʻonistonda yetishtirilgan giyohvand moddalarning 90 foizi kontrabanda yoʻli bilan mamlakat tashqarisiga chiqarilgan²⁰. 1999-yilga kelib Afgʻoniston dunyo narkomakonining yetakchisiga aylandi. Oʻsha yili mamlakatda narkotik moddalar hajmi rekord darajaga, yaʼni 4565 tonnaga yetdi.

“Tolibon” harakatining 1997-yilga kelib, Afgʻoniston shimolini ham qoʻlga kiritishi va mamlakatning deyarli 90 foizini nazorat ostiga olishi, shuningdek, Tojikistonda sodir boʻlgan birodarkushlik urushi Markaziy Osiyo mintaqasida afgʻon qochqinlari muammosini keltirib chiqardi. Taʼkidlash joizki, qochqinlar muammosi 1997-yildan eʼtiboran Afgʻoniston shimolidagi qarama-qarshi kuchlar oʻrtasidagi toʻqnashuvlarning etnik xususiyat kasb etishi bilan yanada kuchaydi. Asosiy qismi pushtunlardan tashkil topgan “Tolibon” harakatiga qarshi 1997-yilda Afgʻoniston shimolida asosan etnik oʻzbek va tojik xalqlaridan tashkil topgan “Shimoliy ittifoq”²¹ nomli harakat vujudga keldi. Biroq, “Shimoliy ittifoq” kuchlarining “Tolibon” tomonidan magʻlub etilishi Markaziy Osiyoda qochqinlar oqimining sezilarli tarzda kuchayishiga va mintaqada etnik xavfsizlik masalasini zudlik bilan hal etish zaruratiga ishora qilar edi. Maʼlumotlarga koʻra, 1993-yildan 2001-yilgacha Qirgʻizistonda 2,266 nafar Afgʻoniston fuqarosi roʻyxatdan oʻtgan boʻlsa, Oʻzbekistonda bu raqamlar 8,000 nafarni tashkil qilgan. 1994-yildan 1998-yilgacha Qozogʻistonda 2,105 nafar afgʻonlar roʻyxatga olingan. 1997-yilda Tojikistonda 20,000 noqonuniy afgʻon muhojirlar borligi aniqlangan²². Ushbu raqamlarni umumiy hisoblab chiqilsa, XX asrning 90-yillarida taxminan 30 mingdan ortiq afgʻon muhojirlari Markaziy Osiyoda boʻlgan. Tabiiyki, mintaqada afgʻon qochqinlari sonining ortishi qabul qiluvchi mamlakatlar oldida ijtimoiy va iqtisodiy muammolarni keltirib chiqarishi bilan birgalikda, noqonuniy qochqinlar orasida terrorchi va ekstremistik guruh aʼzolarining ham mintaqaga kirib kelish xavfini paydo qilar edi.

Taʼkidlash oʻrinliki, mintaqada davlatlari ushbu davrda xavfsizlik bilan bogʻliq juda katta qiyinchiliklarni boshdan kechirdi. Ushbu muammolarning aksariyati bir tomondan, Afgʻonistonda “Tolibon” harakatining paydo boʻlishi bilan bevosita bogʻliq boʻlsa, ikkinchi tomondan, Tojikistonda fuqarolar urushining boshlanishi natijasida yanada keskin tus oldi. “Tolibon” kuchlarining Afgʻoniston hududlarini birin-ketin zabt etishi, buning ortida turgan kuchlarning geosiyosiy manfaatlari doirasini hisob-kitob qilgan holda, Markaziy Osiyo davlatlari ham “Tolibon”ga nisbatan shunga monand yondashuvni ilgari sura boshladi. Tadqiqot va tahlillarga koʻra, Markaziy Osiyo davlatlarining ushbu davrdagi “Tolibon” hokimiyatiga

¹⁹ Matinuddin Kamal. The Taliban phenomenon: Afghanistan 1994-1997. – New York. Oxford University Press, 1999. – P.118.

²⁰ Press Release of the Embassy of the Islamic State of Afghanistan in Tashkent. 1998 йил 1 январь. – Б.7-8.

²¹ Rasmiy nomi – Afgʻonistonni qutqarish yagona milliy islomiy jabhasi.

²² Князев А.А. Влияние афганского кризиса на безопасность Центральной Азии (1990-е-начале 2000-х гг.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктор исторических наук. – Бишкек, 2004. – С.27-28.

nisbatan yondashuvlarini 3 ta qismga ajratib olish maqsadga muvofiq. Birinchisi, “Tolibon” hokimiyatini qo‘llab-quvvatlagan tomon (Turkmaniston), ikkinchisi, “Tolibon” harakatiga dastlab qarshi pozitsiyada, keyinchalik u bilan tegishli va vaqtinchalik muloqot o‘rnatgan tomon (O‘zbekiston) va uchinchisi, Afg‘onistonda “Tolibon” boshqaruviga butunlay qarshi bo‘lgan Markaziy Osiyo davlatlari (Tojikiston, Qirg‘iziston va Qozog‘iston).

O‘zbekiston jo‘g‘rofiy joylashuvi jihatdan Markaziy Osiyoning qolgan barcha davlatlari va Afg‘oniston bilan bevosita chegaradosh mintaqadagi yagona davlat bo‘lib, bu uning mintaqaviy xavfsizlik jarayonlaridagi o‘rni va ahamiyatini e‘tirof etishga yorqin sabab bo‘ladi. Xususan, ikki qo‘shni davlat – Afg‘oniston va Tojikistonda sodir bo‘lgan birodarkushlik urushlari tufayli terrorizm va ekstremizm, narkotik moddalar va qurol-yarog‘lar savdosining butun Markaziy Osiyo mintaqasi bo‘ylab tarqalishi xavfi, shuningdek, turli etnoslararo mojarolarni oldini olishga qaratilgan jarayonlarda O‘zbekiston Respublikasi sezilarli darajada hissa qo‘shdi. Ahmed Rashid yozganidek, “O‘zbekiston yangi Katta o‘yinda asosiy o‘yinchi hisoblanadi”²³. Tabiiyki, bu jumlaning o‘ziga xos ma‘nosi bor. O‘zbekiston 1999-yildan e‘tiboran bir tomonda “Tolibon” bilan tegishli muloqotga kirishgan bo‘lsa, boshqa tomondan, Shimoliy ittifoq bilan aloqalarni saqlab turdi. Shu tariqa, O‘zbekiston Afg‘onistonda kurashayotgan barcha tomonlarni o‘t ochishni to‘xtatishga da‘vat etib, afg‘on mojarosini muzokaralar orqali siyosiy yo‘l bilan hal etish jarayonlariga o‘z hissasini qo‘shdi. 1996-2001-yillardagi “Tolibon” boshqaruvi va keyinchalik AQSh rahbarligidagi xalqaro koalitsiya kuchlarining Afg‘onistonga kirib kelgan yillarida O‘zbekiston ma‘muriyati “6+2” va “6+3” muloqot guruhlari kabi muhim tashabbuslarni ilgari surdi.

Dissertatsiyaning **“Yirik va mintaqaviy kuch markazlarining Afg‘onistondagi manfaatlarida “Tolibon” omili”** deb nomlangan uchinchi bobi AQSh, Xitoy, Rossiya, Pokiston, Eron, Hindiston hamda arab davlatlarining “Tolibon” bilan bog‘liq manfaatlari va yondashuvlarini o‘rganishga bag‘ishlangan.

AQShning 47-prezidenti Donald Tramp ma‘muriyati Afg‘oniston masalasini AQSh tashqi siyosatining kun tartibiga qayta chiqarmoqda. Bu degani AQSh bundan keyin ham bu o‘lkada o‘z manfaatlarini (xoh u “Tolibon” vositasida bo‘lsin, xoh boshqa yo‘llar bilan) doimo saqlab turishga intiladi. Amerikaning Afg‘oniston bo‘yicha hozirgi tashqi siyosiy yondashuvlarida mintaqadagi ittifoqchilarining imkoniyatlaridan maksimal darajada foydalanishga asosiy e‘tibor qaratilmoqda. Jumladan, Qatar, BAA, Hindiston va Saudiya Arabistoni singari davlatlar “Tolibon 2.0” hukumati bilan yaqin aloqalari sababli Qo‘shma Shtatlarning Afg‘onistondagi asosiy sheriklariga aylanmoqda.

Xitoy AQSh va Rossiyadan farqli ravishda, Afg‘oniston bilan umumiy chegaraga ega yirik qo‘shni davlat sanaladi. Xitoyning 2021-yildan keyin “Tolibon 2.0” hukumati bilan o‘rnatgan tezkor muloqotini ikkita muhim sabab bilan izohlash mumkin: Bular AQShdan keyin Afg‘onistondagi geosiyosiy bo‘shliqni iqtisodiy diplomatiya vositasi orqali to‘ldirish hamda milliy-mintaqaviy

²³ Rashid Ahmed. Taliban: The Power of Militant Islam in Afghanistan and Beyond. – London. I.B.Tauris, 2010. – P.150.

xavfsizlikni ta'minlash. Shu nuqtayi nazardan, Pekinning "Tolibon 2.0" bilan bog'liq geosiyosiy manfaatlari "xavfsizlik evaziga investitsiya" tamoyiliga asoslangan. Xitoy Afg'onistonning qaytadan fuqaro urushi girdobiga tushishi, ekstremizm, separatizm va terrorizm makoniga aylanishidan manfaatdor emas.

"Tolibon" harakati Afg'onistonda qayta hokimiyatga kelgandan keyin Rossiya dastlab kuzatuvchilik pozitsiyasini egalladi. Boshqacha aytganda, Moskva bir tomondan Afg'onistonni to'liq nazoratga olgan "Tolibon 2.0" hukumati bilan hamkorlik qilishga intildi, boshqa tomondan Markaziy Osiyo davlatlarining "Tolibon 2.0" hukumatiga nisbatan yondashuvlarini diqqat bilan kuzatdi. Umuman, "Tolibon 2.0" hukumati Rossiyaning Afg'onistonga oid geosiyosiy manfaatlari qisman aks ettiradi. Biroq, Moskva bugungi "Tolibon 2.0" hukumati bilan aloqalarida "ishon, lekin tekshir" (доверяй, но проверяй) tamoyilini afzal ko'rmoqda.

Pokiston Afg'oniston bilan eng katta chegaraga ega qo'shni davlatdir. 2018-yildan AQSh va "Tolibon" harakati o'rtasida jadal sur'atlarda boshlangan muzokaralar aksariyat tahlilchilar nazdida Pokistonning muvaffaqiyati sifatida baholangan edi. Chunki, bunday baho Amerika Afg'onistondan harbiylarini olib chiqib ketgandan keyin "Tolibon" harakati Kobul hokimiyatini qo'lga olishi, buning ortidan esa Pokiston Afg'onistonda ta'sir kuchiga ega bo'lgan yagona aktorga aylanadi, degan farazlarga asoslanar edi. Ammo, vaqtlar o'tib bunday farazlar o'z tasdig'ini topmadi. Aksincha, bugungi kunda Islomobod va "Tolibon" munosabatlari keskinlashib, o'zaro jiddiy raqobatchilarga aylanib bormoqda. Tahlillar va kuzatishlardan kelib chiqib aytadigan bo'lsak, Islomobod va "Tolibon" o'rtasidagi aloqalar birodarlikdan (Tolibon 1.0) raqobatgacha (Tolibon 2.0) bo'lgan davrni qamrab oladi. Bizningcha, buning sabablarini aniqlash va baholashda Pokiston va Afg'oniston munosabatlariga ta'sir etuvchi "Dyurand chizig'i", pushtunlar masalasi, "Tehrek-e Tolibon Pokiston" (TTP), qochqinlar va suv omillariga e'tibor qaratish o'rinli bo'ladi.

Eron Islom Respublikasi Afg'oniston bilan o'zaro yaqin ijtimoiy-madaniy va siyosiy aloqalar tarixiga ega. AQSh Afg'onistondan harbiy kuchlarini olib chiqqani va Kobulda "Tolibon" hokimiyatining o'rnatilishi Tehron uchun maqbulroq muhitni yuzaga keltirishi mumkin edi. Chunki, AQShning shundoq Eron chegarasida harbiy mavjudligidan ko'ra "Tolibon" bilan muloqot qilish Tehron uchun afzalroq hisoblanar edi. Biroq, Eronning Afg'onistondagi siyosatida "Tolibon 2.0" hukumati bilan etno-diniy mojarolar, qochqinlar, suv omili va chegara xavfsizligi kabi muammolar vujudga keldi va bu jarayon davom etmoqda. Shu sababdan, Eronning "Tolibon 2.0" bilan bog'liq manfaatlari chegara xavfsizligini ta'minlashda "toliblar" hukumati bilan aloqalarni saqlab turish, nizolarni muzokaralar orqali hal etish va bu borada muvozanatlashgan diplomatiyani qo'llash hamda Eronning mintaqadagi raqiblari hisoblangan Saudiya Arabistoni va Qatar davlatlarining "Tolibon" vositasi orqali Afg'onistonda aksil-Eron kayfiyatini alanga oldirishiga yo'l qo'ymaslikdan iborat.

Hindiston Afg'oniston bilan bevosita chegaraga ega bo'lmasa-da, ushbu mamlakatni yaqin qo'shni davlat sifatida ko'radi. 2021-yilda AQSh harbiy kuchlarining Afg'oniston hududidan chiqib ketishi va "Tolibon" harakatining

Kobul hokimiyatini qo‘lga kiritishi dastlab Hindistonning barcha sa’y-harakatlarini puchga chiqargandek taassurot uyg‘otdi. Chunki, Islomobod va “Tolibon” o‘rtasidagi yaqin aloqalar Nyu Delini doimo xavotirga solib kelgan. Shu sababdan, Hindiston Afg‘oniston atrofida “Tolibon” bilan muloqot qilishdan o‘zini tiyib turgan ikki davlatdan biri (ikkinchisi Tojikiston) edi. Ammo, so‘nggi vaqtlarda “Tehrek-e Tolibon Pokiston” sababli Pokiston va “Tolibon” o‘rtasidagi ziddiyat ko‘lami shu qadar kuchaydiki, bu holat Hindistonning “Tolibon”ga nisbatan qarashlari va yondashuvlarini o‘zgartirib, yangi strategiya ishlab chiqish zaruratini vujudga keltirdi. Shu jihatdan, Nyu Deli “Tolibon” bilan tegishli aloqalarni o‘rnatishga va shu orqali Pokistonga qarshi de facto “Tolibon” hukumatini qo‘llab-quvvatlashga qaratilgan sa’y-harakatlarni boshladi. Shu nuqtayi nazardan, hozirgi real voqelik sharoitida “Tolibon” omili Hindiston uchun strategik imkoniyat manbasi sifatida qaralmoqda.

So‘nggi o‘n yil ichida Qatar davlati Afg‘onistonga daxldor mintaqaviy aktorlar orasida muhim o‘yinchilardan biriga aylandi. Ta’kidlash lozimki, Qatar Saudiya Arabistoni va BAA kabi arab davlatlaridan farqli ravishda Afg‘onistonni 1996-2001-yillarda boshqargan “Tolibon” hukumatini rasman tan olmagan. “New York Times” nashri ma’lumotlariga ko‘ra, Saudiya Arabistoni va BAA o‘z vaqtida “Tolibon” harakatining siyosiy idorasini o‘z hududida ochish uchun Qatar bilan raqobat qilishgan²⁴. Ammo, 2013-yilda Dohada ochilgan “Tolibon” harakatining siyosiy mahkamasi qisqa vaqt ichida Qatarining afg‘on inqirozini “hal etish”dagi ta’sirini belgilab berdi.

Saudiya Arabistoni ma’muriyati Afg‘onistonda yangi tuzilgan hukumatga nisbatan dastlab “kuzatish va kutish” pozitsiyasini tanlab, mavjud aloqalarni gumanitar dasturlar va xayriya jamg‘armali orqali, shuningdek Islom hamkorlik tashkiloti va Islom taraqqiyot banki vositasida amalga oshirdi. Ammo Ar-Riyod Afg‘onistondagi vaziyatga uzoq vaqt befarq qarab tura olmas edi. Chunki, “Tolibon” nafaqat Afg‘oniston hokimiyatini egallagan real kuch o‘laroq, balki mintaqaviy aktorlar bilan tegishli muloqotni yo‘lga qo‘ygan guruh sifatida o‘zini namoyon qila oldi. Qolaversa, Saudiya Arabistonining geosiyosiy manfaatlari Afg‘onistonni Eronning siyosiy ta’sir hududiga aylanishiga umuman imkon bermaslik vazifasi bilan chambarchas bog‘langan edi. Bunday holat alal-oqibat Saudiya Arabistonining islom olamidagi yetakchilik mavqeyiga jiddiy zarar keltirishini mamlakat rahbariyati juda yaxshi anglardi. Shu boisdan Saudiya Arabistoni bugungi kunda “Tolibon” bilan aloqalarni davom ettirishdan boshqa muqobil yo‘l mavjud emas, deb hisoblamoqda.

Arab monarxiyalari orasida BAA ham “Tolibon 2.0” hukumati bilan yaqin aloqalarni yo‘lga qo‘ygan mintaqaviy kuch markazlari sirasiga kiradi. Abu Dabining ham Afg‘onistondagi manfaatlari xuddi Ar-Riyod singari umumiy o‘xshashliklarga ega. Saudiya Arabistonidan farqli ravishda Abu Dabi o‘tgan vaqtlar davomida “Tolibon” tarmoqlari bilan aloqalarini butunlay uzmagan. Qatardan farqli jihati esa BAA “Tolibon” harakatining siyosiy qanotidan ko‘ra,

²⁴ Persian Gulf Rivals Competed to Host Taliban, Leaked Emails Show // New York Times, July 31, 2017. <https://www.nytimes.com/2017/07/31/world/middleeast/uae-qatar-taliban-emails.html>

harbiy qanoti bilan mustahkam aloqalar ildiziga ega. Ma'lumotlarga ko'ra, "Tolibon" harakatining "Haqqoniy tarmog'i" (Haqqani network) uzoq yillar davomida BAAning moliyaviy ko'magi asosida qo'llab-quvvatlangan.

Dissertatsiyaning **"Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik transformatsiyasi sharoitida "Tolibon" omili: imkoniyatlar, muammolar va istiqbol"** deb nomlangan to'rtinchi bobida Markaziy Osiyo davlatlarining "Tolibon 2.0" hukumatiga nisbatan tashqi siyosiy yondashuvlari, ushbu hukumat faoliyatining Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik tizimiga, jumladan O'zbekiston mintaqaviy xavfsizlik strategiyasiga ehtimoliy ta'siri masalalari tahlil etilgan.

2021-yil 15-avgustdan e'tiboran Ashraf G'ani rahbarligidagi Kobul hukumatining qulashi va nazoratning "Tolibon" harakati qo'liga o'tishi, shuningdek, avgust oyi oxirlarida AQSh harbiy kuchlarining Afg'oniston hududini rasman tark etishi natijasida Markaziy Osiyo davlatlari Afg'onistondagi vaziyatga nisbatan o'z yondashuvlarini qaytadan ko'rib chiqishiga to'g'ri keldi. Bu borada Markaziy Osiyo davlatlari oldida o'ziga xos dilemma vujudga kelib, "Tolibon 2.0" hukumatining o'rnatilishi, bir tomondan, imkoniyatlar manbayi sifatida, boshqa tomondan, milliy xavfsizlikka tahdid sifatida qaray boshlandi. Ana shu nuqtayi nazardan, Markaziy Osiyo davlatlarining "Tolibon 2.0"ga nisbatan yondashuvlari va aloqalarini turli darajasidan kelib chiqib 3 ta qismga ajratish mumkin. Bular "Tolibon 2.0" hukumati bilan izchil, faol va yuqori darajada muloqot o'rnatgan davlatlar (O'zbekiston va Turkmaniston), o'rta darajadagi muloqotni yo'lga qo'ygan davlatlar (Qozog'iston va Qirg'iziston) hamda "Tolibon" bilan deyarli muloqotga kirishmagan va Afg'onistondagi joriy holatni xavfsizlikka tahdid sifatida baholayotgan Tojikiston tomoni.

2021-yil avgust oyi oxiridan e'tiboran AQSh harbiy kuchlarining Afg'oniston hududini rasman tark etishi natijasida Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik tizimini "qayta qurish"ning yangi davri boshlandi. Garchi XX asrning 90-yillaridagi kabi Markaziy Osiyo davlatlari uchun o'ta jiddiy tahlikali vaziyat yuzaga kelmagan bo'lsa-da, "Tolibon 2.0" hukumatining diniy boshqaruv uslubi, qabul qilayotgan qarorlari, uning ba'zi tuzilmalari va xalqaro terrorchi guruhlar o'rtasidagi muntazam aloqalar davom etayotganligi hamda keltirayotgan bayonotlari mintaqaviy xavfsizlikka yaratishi mumkin bo'lgan ehtimoliy tahlikalarni e'tibordan chetda qoldirmaslikni taqozo etadi. Nazarimizda, bunday ehtimoliy tahlikalar o'zida ham an'naviy, ham noodatiy xavflarning birikmasini aks ettiradi.

Pantolibonizm va terrorizm. Afg'onistonda "Tolibon" tomonidan asos solingan o'ziga xos boshqaruv modeli nafaqat Markaziy Osiyo davlatlarining dunyoviy boshqaruv shakli uchun, balki mintaqa davlatlarining mo'tadil islom qadriyatlariga tayangan musulmon jamiyatlari uchun ham tamomila begonadir. Afg'oniston davlat va jamiyat hayotida dinning o'rni, roli va hattoki hal qiluvchi ahamiyatiga shak-shubha yo'q. Ammo, u o'ta radikal mafkura va ta'limotlar bilan to'ldirilsa, uning siyosiy lashuvi jarayonlari kuzatilsa, bu davlat va jamiyat barqarorligiga ta'sir ko'rsatmay qolmaydi. Tarixga nazar solsak, Afg'onistonning o'zida diniy hokimiyat u qadar ko'p o'rnatilmagani va uzoq vaqt davomida

hukmronlik qilmaganiga guvoh bo‘lamiz. Bunga bo‘lgan harbiy-siyosiy urinishlar esa tashqi kuchlarning uzoq muddatli strategik manfaatlari va ular belgilagan ta‘limotlar asosida amalga oshirilgan. Taniqli afg‘on olimi Ne‘matulloh Nujumiyning keltirgan xulosasiga e‘tibor qaratish fikrlarimizni ma‘lum ma‘noda tasdiqlashga xizmat qiladi: “Davlat va dinning bo‘linishi Afg‘oniston milliy siyosatining muhim tarkibiy qismi hisoblangan. O‘tmish davomida Afg‘oniston hech qachon diniy yetakchilar tomonidan boshqarilmagan. Davlat yetakchilari doimo jamoat ishlariga rahbarlik qilishgan va diniy muassasalar mustaqil ravishda yoki davlat tasarrufida boshqarilgan”²⁵. Qozog‘istonning Osiyo tadqiqotlari instituti eksperti Nuriddin Sultonmurodov haqli ravishda yozganidek, 2021-yil avgustdan buyon Afg‘onistonda davlat boshqaruvi dinning davlat va jamiyat qurilishidagi roli sezilarli darajada oshishi bilan bog‘liq tamomila boshqacha modelga yo‘naltirilgan. Taraqqiyot modelining modernizmga yo‘naltirilgan shaklidan farqli ravishda o‘z tabiatiga ko‘ra arxaik ko‘rinishga ega bo‘lgan bunday model sezilarli oqibatlarga olib kelishi mumkin. Bu nafaqat Afg‘onistonning o‘ziga, balki butun mintaqaga ham tegishli. Darhaqiqat, alohida bir mamlakatda birinchi marta islomning deobandizm maktabi tarafdorlari hokimiyat tepasiga keldi. Shu bilan birga, islomning bu shakli o‘zining radikalligi bilan alohida ajralib turadi. Chunki, deobandichilar islomning jamiyatdagi tarixiy rolini qaytarishga, “...eski diniy an‘nalarni so‘zma-so‘z o‘qishga, o‘tmishni ideallashtirishga, umuman O‘rta asrlarning o‘ta qattiq diniy amallariga rioya qilishga” chaqiradi. Markaziy Osiyoning barcha jamiyatlarida islomiy tamoyillar asosida davlat qurish tarafdorlari mavjudligini hisobga olsak, “Tolibon” modeli aholining ushbu toifasi uchun tayanch nuqtasiga aylanishi mumkin²⁶.

“IShID-Xuroson” va “Al-Qoida” xalqaro terroristik tashkilotlarining Afg‘onistonda hali hamon mavjudligi Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga jiddiy tahdid hisoblanadi. BMT Xavfsizlik kengashi tahliliy guruhining hisobotiga ko‘ra, “IShID-Xuroson” tashkilotining a‘zolari 2000-3500 nafarni tashkil etadi. Tahliliy guruhga BMTga a‘zo davlatlardan birining ma‘lumot berishicha, “IShID-Xuroson” Afg‘onistonning bir qator tumanlarida hududiy nazorat o‘rnatish va Markaziy Osiyodagi qo‘shni davlatlarga kirib borishni rejalashtirgan. Boshqa bir ma‘lumotda aytilishicha, “IShID-Xuroson” rahbarlari 2024-yil 24-martda Moskvaning “Crocus City Hall” majmuasida terakt sodir etish va mintaqaning bir qator davlatlarini beqarorlashtirish uchun 2023-yilda turli manbalardan 2,5 mln AQSh dollari miqdorida moliyaviy yordam olgan²⁷. AQSh Kongressining tadqiqotlar xizmati ma‘lumotiga ko‘ra, Afg‘oniston hududida eng kamida 7 ta terroristik tashkilotlar (Al-Qoida, Hindiston subqit‘asidagi Al-Qoida, IShID-Xuroson, Haqqoniy tarmog‘i, O‘zbekiston islom harakati, Pokiston Tolibon

²⁵ Nojumi Neamatollah. The rise of the Taliban: mass mobilization, civil war, and the future of the regime. – New York, Palgrave. 2002. – P.224.

²⁶ Султанмуратов Н. К вопросу о политике Казахстана по отношению к Афганистану // Международные, глобальные и региональные процессы: Международные отношения, глобальные и региональные исследования. Журнал «Россия и мир: научный диалог», № 2(8) Июнь 2023. – С.103.

²⁷ Письмо Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями от 31 мая 2024 года на имя Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюцией 1988 (2011). S/2024/499. 8 July 2024. – С.17-18.

harakati, Sharqiy Turkiston islom harakati) faoliyat ko'rsatadi²⁸. 2023-yil 14-aprelda qabul qilingan Samarqand deklaratsiyada ishtirokchi tomonlar barcha terrorchilik guruhlari, xususan, "Iroq va Shom Islom Davlati" (IShID), "Al-Qoida", "Sharqiy Turkiston Islomiy Harakati" (ETIM), "Tahrik-e-Tolibon Pokiston" (TTP), "Balujiston ozodlik armiyasi" (BLA), "Jundalloh", "Jaysh al-Adl", "Jamoat Ansorulloh", "O'zbekiston islom harakati" va Afg'onistonda joylashgan boshqa terrorchilik tashkilotlari mintaqaviy va global xavfsizlikka jiddiy tahdid tug'dirishini ma'lum qilishgan²⁹.

Ta'kidlash joizki, Afg'onistonda "Tolibon 2.0" hokimiyati o'rnatilgandan so'ng unga qo'shni davlatlar bilan chegarada turli to'qnashuvlar yuz berganini ko'rish mumkin. BMTning 2021-yil avgustdan 2023-yil oktyabrgacha olgan ro'yxatiga asosan chegara hududlarida 80 ga yaqin qurolli to'qnashuvlar sodir bo'lgan. Xususan, Afg'oniston-Pokiston chegarasida 59 ta, Afg'oniston-Eron chegarasida 16 ta, Afg'oniston-Tojikiston chegarasida 3 ta va Afg'oniston-O'zbekiston chegarasida 1 ta qurolli to'qnashuv sodir bo'lgan³⁰.

Pushtunlashtirish siyosati. Aholini ko'chirish (pushtunlashtirish) siyosati Afg'oniston uchun XIX asr oxiridan boshlangani sababli yangilik emas va bu pushtun bo'lmagan hududlarga ko'pchilik pushtunlarni ko'chirishni ta'minlashga qaratilgan. Tojikistonlik olim R.Mamadshoyevning yozishicha, O'zbekiston Respublikasi Davlat arxivida tojik tilida quyidagi mazmundagi qiziqarli hujjat bor: "Amir Abdurahmon Hirotdan shahri va Qandahor viloyatida 50 ming afg'on (pushtun) xonadonini Chorviloyatga ko'chirishga buyruq bergan. Hirotdan daryo bo'yiga allaqachon ko'chirilgan 12 ming xonadonga yer berilib, 12 yilga davlat xizmatidan ozod qilingan... 38 ming kishi ular uchun tayyorlab qo'yilgan Andxuy, Aqcha va Kelif tomon daryo bo'yiga qarab ketishgan"³¹. Afg'onistonda pushtun sulolalaridan bo'lgan hukmdorlar tomonidan pushtu tili va madaniyatini mamlakatdagi barcha etnik guruhlarga yoyish, unumdor, yashash uchun barcha qulayliklarga ega, strategik jihatdan muhim ahamiyatga ega bo'lgan hududlarga pushtunlarni joylashtirish siyosati olib borildi. Birlashgan Millatlar Tashkiloti Qochoqlar bo'yicha agentligining ma'lumotlariga ko'ra 2022-yilda 820 000 kishi ichki ko'chirilgan³². Ustiga ustak, Pokiston tomonidan aksariyat aholisi pushtunlardan iborat bo'lgan millionlab qochqinlarning deportatsiya qilinishi "toliblar" ma'muriyatining pushtunlarni istiqbolda mamlakat shimolida, ayniqsa, Qo'shtepa kanali qurilishi natijasida vujudga keladigan unumdor va serhosil

²⁸ Thomas Clayton. Terrorist Groups in Afghanistan // Congressional Research Service (CRS). April 2, 2024. <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10604.pdf>

²⁹ Samarkand Declaration of the Fourth Meeting of Foreign Ministers of Afghanistan's Neighboring States // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, April 14, 2023. https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367494.html

³⁰ Нессар О. Особенности управления в Афганистане в период 2021–2024 гг. // Международные, глобальные и региональные процессы. Международные отношения, глобальные и региональные исследования. Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). – С.82-83.

³¹ Махмадшоев Р. История этнополитического развития таджиков Хорасана (Афганистан). – Душанбе. Ирфон, 2009. – С.162.

³² Qarang: Abdurahmonov O. Afg'oniston davlat va jamiyat boshqaruvida pushtunlar. – T.: Donishmand ziyosi, 2024. – B.36-37.

hududlarda yashashi uchun sharoitlar hozirlashiga turtki bo'lishi katta ehtimoldan xoli emas.

Qo'shtepa kanali va suv omili. Suv masalalariga ixtisoslashib, dunyoning ko'plab tillarida nashr etiladigan "Global Water Intelligence" jurnali ma'lumotiga ko'ra, suv bozorida bir yilda aylanadigan pul miqdori butun dunyo bo'yicha harbiy maqsadlar uchun sarflanayotgan mablag'ga yaqinlashib qolgan. Bu hali jarayonning boshlanishi. 2006-yili Buyuk Britaniya Mudofaa vazirligi davlat rahbariyatiga murojaat qilib, butun Yer shari bo'ylab ichimlik suvi tanqisligidan ro'y berishi mumkin bo'lgan urushga tayyor turishga chaqirgan edi. O'sha paytdagi Mudofaa vaziri Jon Reyding fikricha, bunday muhoraba bir vaqtning o'zida dunyoning bir necha mintaqasini qamrab oladi³³.

Markaziy Osiyodagi suv bilan bog'liq vaziyat kutilgandan ham xavotirli. Dunyoning eng katta ko'llari turkumiga kiruvchi Orolning yillar davomida qurishiga sabab bo'luvchi omillar turli-tuman bo'lsa ham, lekin fojia ko'lami allaqachon xalqaro darajaga chiqib ulgurgani sababli, muammoni keltirib chiqargan sabablardan ko'ra, Orolning qolgan qismlarini saqlab qolish favqulodda dolzarb va ahamiyatli sanaladi. Chunki, Orolning ekologik falokati oqibatlarini butun mintaqa xalqlari hayotiga birdek daxldor muammo sanaladi. Shunday sharoitda "Tolibon 2.0" hukumati tomonidan qurilayotgan Qo'shtepa kanali loyihasi Markaziy Osiyodagi suv resurslari muvozanatiga katta ta'sir ko'rsatmay qolmaydi. 2022-yil mart oyidan boshlab, "Tolibon 2.0" hukumati Amudaryo o'zanida Qo'shtepa kanali loyihasini qurishni boshladi. Kanalning uzunligi 285 km, eni 100 metr, chuqurligi 8 metrni tashkil etib, u Afg'oniston shimolining taxminan 550 ming gektar yerlarini sug'orishga mo'ljallangan. "Tolibon 2.0" hukumatining rasmiylari ma'lumotlariga qaraganda kanalning qurilish ishlari 2028-yilda yakunlanishi rejalashtirilgan.

Jahon resurslari institutining tadqiqotlariga ko'ra, Turkmaniston va O'zbekiston suv bilan eng kam ta'minlangan dunyodagi 13 ta mamlakatlar qatoriga kiradi. Shu sababdan ham "Tolibon 2.0" hukumatining Qo'shtepa kanali loyihasi eng avvalo, Amudaryo quyi oqimida joylashgan O'zbekiston va Turkmaniston davlatlari uchun jiddiy suv tanqisligi muammosini keltirib chiqaradi. Bu kanalning to'liq ishga tushishi ayniqsa O'zbekiston uchun iqtisodiy, ekologik, ijtimoiy va ehtimolan xavfsizlik bilan bog'liq muammolarni keltirib chiqarishi, shuningdek, Markaziy Osiyoda mintaqasidagi suvdan foydalanish tartibini o'zgartirishi mumkin. O'zbekiston Prezidenti Shavkat Mirziyoyev "Qo'shtepa" kanali loyihasi haqida to'xtalib, "mohiyat-e'tiboriga ko'ra, mintaqamizda suvdan foydalanish jarayonida bizning mamlakatlarimiz bilan hech qanday majburiyat asosida bog'lanmagan yangi ishtirokchi paydo bo'ldi. Afg'on tomoni kanalni qurish bo'yicha faol ish olib borayotganini yaxshi bilasiz. Uning ishga tushirilishi Markaziy Osiyodagi suvdan foydalanish tartibi va muvozanatini tubdan o'zgartirib yuborishi mumkin"³⁴, deb ta'kidlagan edi.

³³ Эргашев А., Жумакул Д. Сув жанги ёхуд геосиёсий курашлар. Тафаккур журнали, 2013 йил 1-сон.

³⁴ O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning Orolni qutqarish xalqaro jamg'armasi ta'sischi davlatlari rahbarlari kengashi majlisidagi nutqi // O'zbekiston Respublikasi Prezidenti rasmiy veb-sahifasi, 15.09.2023. <https://president.uz/oz/lists/view/6662>

“Tolibon 2.0” hukumatining suv omilidan foydalanib, qo‘shni davlatlarga ta’sir qilish imkoniyatlarini kengaytirib borishi qo‘shni davlatlarni ushbu hukumat bilan aloqalarini saqlab turishga, istiqbolda esa “toliblar” hukumatining legitimligini tan olishga undaydi. Bu esa Qo‘shneda kanalini iqtisodiy emas, aksincha ko‘proq siyosiy loyiha ekanligini anglatadi. 2011-yilda AQSh Senatining Tashqi aloqalar qo‘mitasi tomonidan e’lon qilingan “Suv urushlaridan qochish: suv tanqisligi va Markaziy Osiyoning Afg‘oniston va Pokistonda barqarorlik uchun ahamiyatining ortib borishi” nomli hisobotida Afg‘oniston va unga qo‘shni davlatlar o‘rtasida transchegaraviy suvlar bo‘yicha bahslar kuchayib borishi haqida ogohlantirilgan. Shuningdek, Norvegiya Xalqaro aloqalar instituti (NUPI) 2008-yilda Afg‘onistonda transchegaraviy suvlar bo‘yicha suv infratuzilmasini rivojlantirish mintaqadagi kelishmovchiliklarga sabab bo‘luvchi va xavfsizlikka ta’sir etuvchi muhim omili ekanligi haqida tahlil etib, Xitoy, Hindiston, Eron, Pokiston, Rossiya va AQSh o‘rtasidagi geosiyosiy raqobat Markaziy Osiyodagi suv resurslari bo‘yicha jiddiy muammolarni keltirib chiqarishini taxmin qilishgan. NUPIning ma’lumotlariga ko‘ra, binobarin, transchegaraviy daryolarning siyosiy xususiyat kasb etishi mintaqada vaziyatni yanada murakkablashib borishiga olib keladi³⁵.

Markaziy Osiyo davlatlari oldida “Tolibon 2.0” tomondan paydo bo‘lishi ehtimollari mavjud bo‘lgan xavfsizlik tahdidlari sirasiga *chegara muammosini* ham kiritishni e’tiborga olish joiz, deb hisoblaymiz. Masalan, “Tolibon” hukumatining Energetika va suv vaziri vazifasini bajaruvchi Abdul Latif Mansur 2024-yil avgustda suv toshqini tufayli eroziyaga uchragan Afg‘oniston, Tojikiston, O‘zbekiston va Turkmaniston o‘rtasidagi chegaralarni belgilash bo‘yicha yangi strategiya haqida ma’lum qildi³⁶. Ma’lumki, Markaziy Osiyo va Afg‘oniston o‘rtasidagi chegaralarni aniqlash hamda belgilash tarixda Rossiya va Angliyaning o‘zaro kelishuvlari asosida tuzib chiqilgan. Boshqacha aytganda, Afg‘oniston shimolidagi chegaralarning hozirgi maqomi mustaqil Markaziy Osiyo davlatlari tashkil topgandan so‘ng yuqori darajada muhokama etilib, uning joylashuv nuqtalari bo‘yicha tugal va yangi huquqiy asos yaratilmagan.

“*Tolibon*” harbiy salohiyatining ortishi. AQSh Afg‘oniston hududidan chiqib ketgandan keyin “Tolibon” qo‘l ostida qolgan harbiy texnika va qurol-aslahalar Markaziy Osiyo davlatlari e’tibor qaratishi lozim bo‘lgan yana bir xavfsizlikka oid tahlikalardan biri sanaladi. AQSh Davlat departamentining 2022-yildagi hisobotiga ko‘ra, 78 ta samolyot, 40 000 ta harbiy mashina va 300 000 dan ortiq qurollar “toliblar” ixtiyorida qolgan³⁷. “Tolibon 2.0” Mudofaa vazirligi tomonidan o‘tkazilayotgan harbiy paradlarga e’tibor berilsa, ular zamonaviy harbiy texnika va qurollar bilan ta’minlanganiga guvoh bo‘lish mumkin. “Islom amirligi” bugungi

³⁵ Mohsen Nagheeb, Mehdi Piri D., Michael Faure. The Legitimacy of Dam Development in International Watercourses: A Case Study of the Harirud River Basin // *Transnational Environmental Law*, 8:2 (2019), Cambridge University Press. – P.255.

³⁶ Qadiry Liluma. Ministry of Energy and Water Reviews Achievements of the Past Year // *TOLONews*, 03 August 2024. <https://tolonews.com/node/190066>

³⁷ Tyab Imtiaz. Taliban holding on to \$7 billion of U.S. military equipment left behind after withdrawal // *CBC News*, February 4, 2025. https://www.cbcnews.com/amp/news/us-military-weapons-left-in-afghanistan-taliban/#amp_

kunga kelib quruqlikdagi harbiy kuchlarini 8 ta jangovar korpusga ajratgan. “Tolibon” armiyasining shtab boshlig‘i Fasihuddin Fitrat Shvetsariyaning Global aloqalar institutiga (SIGA) bergan intervyusida “toliblar”ning “islomiy armiyasi” soni 150 000 kishini tashkil etishi, uni 200 000 nafargacha yetkazish rejalashtirilgani va bu askarlar “jihodiy mafkura”dan saboq olishlarini ma’lum qilgan³⁸. Bundan tashqari, 2022-yilning boshlarida “Tolibon” hukumati yangi armiyasi saflarida “xudkushlar batalyoni” tuzilganini e’lon qilgan edi³⁹. “Tolibon” harbiy havo kuchlari bosh qo‘mondoni Mavlaviy Amoniddin “Mansur”ning so‘zlariga ko‘ra, mamlakatdagi 289 ta harbiy samolyotdan 50 tasi parvoz qilish uchun tayyorlangan⁴⁰. “Tolibon” tomonidan o‘tkazilayotgan harbiy paradlarda AN-32, C-208, Blackhawk, Mi-17, MD-539 va Mi-35 kabi jangovar samolyot va vertolyotlarning namoyish qilinishi “Tolibon” armiyasining salohiyati kuchayib borayotganidan dalolat beradi.

O‘zbekiston Markaziy Osiyo va Afg‘oniston atrofidagi xavfsizlik xalqasida strategik ahamiyatga ega davlat hisoblanadi. Mintaqaning xavfsizligi, barqarorligi va izchil taraqqiyoti O‘zbekistonning ishtirokisiz va u tomonidan qabul qilinadigan tashqi siyosiy qarorlarni inobatga olmasdan turib, muvaffaqiyatli amalga oshmaydi. Hech kimga sir emaski, hozirgi dunyo tartibotida kechayotgan global geosiyosiy raqobat sharoitida xavfsizlikni ta’minlashga qaratilgan yondashuvlar o‘zining kutilgan samarasini bermayotir. Markaziy Osiyo mintaqasining xalqaro xavfsizlik tizimida alohida ajralib turuvchi ahil qo‘shnichilik, do‘stlik, birodarlik va o‘zaro mustahkam ishonch muhitiga asoslangan bugungi va ertangi qiyofasini Afg‘oniston o‘lkasining xavfsizligisiz tasavvur etib bo‘lmaydi. “O‘zbekiston-2030” strategiyasiga ko‘ra, O‘zbekiston “xavfsiz va tinchliksevar davlat” tamoyiliga asoslangan siyosatni izchil davom ettirishi, shu jumladan, mamlakat xavfsizligi va mudofaa salohiyatini kuchaytirish ustuvor masalalar qatoridan o‘rin olgan⁴¹. Afg‘oniston Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligining o‘ta muhim tarkibiy qismi sifatida O‘zbekiston tashqi siyosatining doimiy e’tibor markazida bo‘lib kelgan. Ta’kidlash joizki, Afg‘onistonda vujudga kelgan kelgan yangi voqelik O‘zbekiston oldida “Tolibon” omili bilan bog‘liq **chuqur strategiya ishlab chiqish zaruriyatini** vujudga keltirmoqda.

“Tolibon 2.0” boshqaruvi bilan bog‘liq yana bir dolzarb va muhim omilni e’tibordan chetda qoldirmaslik lozim. Ma’lumki, hozirgi kunda O‘zbekistondagi aksariyat aholi qatlamlari ichida diniy toqatsizlik, radikallashuv, Islom dinining asl mohiyatini teran anglamaslik hamda jamiyat hayotidagi turli ijtimoiy-iqtisodiy muammolarning asosiy yechimi sifatida din omiliga murojaat qilish kayfiyati

³⁸ Exclusive Interview with Taliban Chief of Army Staff on Status and Mission of Taliban Army // Swiss Institute for Global Affairs (SIGA), 29 January 2023. <https://www.globalaffairs.ch/2023/01/29/exclusive-interview-with-taliban-chief-of-army-staff-on-status-and-mission-of-taliban-army/>

³⁹ Philp Catherine. Suicide bombers given key role in new Taliban army // The Times, January 06 2022. <https://www.thetimes.com/world/asia/article/afghanistan-suicide-bombers-given-key-role-in-new-taliban-army-8rglv020t?region=global>

⁴⁰ مانور طيارات قواى هوايى کشور به مناسبت احيا و فعاليت چرخبال هاى اردوى امارت اسلامى // وزارت دفاع ملي، <https://mod.gov.af/dr . ۲۱/۱۰/۱۴۰۰>

⁴¹ “Ўзбекистон – 2030” стратегияси тўғрисида”ги Ўзбекистон Республикаси Президентининг Фармони. 2023 йил 11 сентябрь. ПФ-158. – Б.34-36.

ancha yuqori. “O‘zbekiston Respublikasida fuqarolarning vijdon erkinligini ta’minlash va diniy sohadagi davlat siyosati konsepsiyasini tasdiqlash to‘g‘risida”gi O‘zbekiston Respublikasi Qonunida mavjud holat aniq va tushunarli tarzda bayon qilingan: “qonunlar bilan tartibga solingan ijtimoiy munosabatlarga muayyan bir dinga xos qoidalarni joriy etishga bo‘lgan urinishlar, ayollar va erkaklar huquqlari tengligini shubha ostiga qo‘yish, fuqarolik majburiyatlarini bajarishdan bosh tortish, ijtimoiy axloq normalarini, milliy va umuminsoniy qadriyatlarni inkor etish, tibbiy xizmatdan, ilm-fan va madaniyat yutuqlaridan, tovarlar va xizmatlardan foydalanishga bo‘lgan huquqlarni cheklash, ayrim davlat xizmatchilarining dunyoviy davlatchilik mohiyatini teran anglamasligi hamda jamiyat taraqqiyoti, birdamligi va barqarorligiga putur yetkazuvchi qonunga xilof g‘oyalar va qarashlar tarqalishi hollari uchramoqda. Bunday holatlar yagona O‘zbekiston xalqining, jamiyat va davlatning hamjihatligiga xatar bo‘lib, qonun hujjatlariga rioya etilmasligiga, boshqa shaxslarning huquqlari buzilishiga, fuqarolarning huquqiy tartibotga munosabati salbiy tomonga o‘zgarishiga, vatanparvarlik tuyg‘ulari yemirilishiga, oilaviy nizolarga olib kelishi mumkin. Diniy sohadagi davlat siyosati prinsiplari aniq belgilanmaganligi uning aholi o‘rtasida turlicha tushunilishiga, dunyoviy davlat asoslarining buzib talqin qilinishiga, jamiyatda ziddiyatli vaziyatlarning kuchayishiga olib kelishi mumkin”⁴². Shu sababdan, vaqtlar o‘tib o‘zbek jamiyati orasida asta-sekinlik bilan “toliblar”ning “shariat” qonunlariga asoslangan boshqaruvini eng to‘g‘ri yo‘l, deb baholashga va shunday xulosa chiqarishga moyillik paydo bo‘lishini unutmazlik lozim. Qolaversa, ma’rifatparvarlik, diniy bag‘rikenglik va dunyoviylik kabi umume’tirof etilgan tamoyillar Afg‘onistonni idora etayotgan “toliblar”ning zehniyati uchun begona qarashlardir, deb aytsak aslo mubolag‘a bo‘lmaydi.

Strategik ahamiyat kasb etuvchi mintaqalarda kuzatilayotgan gibrid urushlar, yirik davlatlar o‘rtasida yangi dunyo tartibotini belgilash bilan bog‘liq o‘tkir geosiyosiy raqobat hamda global xavfsizlikni ta’minlashga mas’ul bo‘lgan xalqaro tashkilotlarning turli xavf-xatarlarni kutilgan darajada oldini ololmayotgani va tegishli chora-tadbirlarni amalga oshirishda keyingi darajalarga tushib qolgani kabi keskin va oldindan aytib bo‘lmaydigan bugungi sharoitda har bir davlat o‘z xavfsizligini ta’minlashga qaratilgan chora-tadbirlar strategiyasini ishlab chiqishi lozim. Bu hozirgi murakkab zamonning talabidir. Shu jumladan, O‘zbekiston Markaziy Osiyo mintaqasining xavfsizligi, barqarorligi va taraqqiyot mezonlarini olg‘a siljituvchi kalit davlat sifatida “Tolibon 2.0” hukumati rahbarlik qilayotgan Afg‘onistondagi vaziyatning strategik mavhumlikka asoslangan xususiyatlarini maxsus e’tiborga olishi va preventiv xavfsizlik chora-tadbirlarini avvaldan ishlab chiqishi har tomonlama maqsadga muvofiq.

XULOSA

⁴² “O‘zbekiston Respublikasida fuqarolarning vijdon erkinligini ta’minlash va diniy sohadagi davlat siyosati konsepsiyasini tasdiqlash to‘g‘risida”gi O‘zbekiston Respublikasi Qonuni. 2025-yil 25-fevral, O‘RQ-1037-son. <https://lex.uz/docs/-7404923>

Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik transformatsiyasiga “Tolibon” omilining ta’sirini tadqiq etish asosida quyidagicha xulosalarga kelindi:

birinchidan, “Tolibon” harakati ba’zan yopiq, ba’zan oshkora xususiyat kasb etgan murakkab ichki va tashqi omillarning kombinatsiyasi natijasida vujudga keldi. Mazkur harakat ichki omillar nuqtayi nazaridan nafaqat deobandiylilik va vahobbiylilik ta’limotlarini o’zlashtirgan islomizm qarashlariga ega diniy harakat sifatida, balki o’zini pushtunlarni birlashtiruvchi etnik harakat sifatida ham namoyon qildi. Bunday o’ziga xoslikni etno-diniy sinkretizm fenomeni bilan ifodalash “Tolibon” harakati paydo bo’lishining ichki sabablarini aniqlashga qaratilgan yakdil ilmiy xulosa chiqarishga xizmat qiladi. Biroq, har ikkala omillar ham afg‘on jamiyatining an’anaviy qadriyatlarga asoslangan tamoyillariga zid kelishi vaqt o’tishi bilan o’z tasdig‘ini topdi. Zeroki, “Tolibon” harakati bilan bog‘liq har ikkala omil afg‘on xalqiga ichkaridan emas, chetdan tiqishtirilgan edi;

ikkinchidan, “Tolibon” harakatining paydo bo’lishiga keng xalq harakatining natijasi deb baho beradigan fikrlarga qo’shilish juda mushkul. Uning tashkil topishi Sovet-afg‘on urushi paytidagi geosiyosiy manfaatlar to’qnashuvining mahsuli hisoblanadi. Xususan, o’sha vaqtda afg‘on zaminida shakllangan keskin geosiyosiy holat AQSh, Pokiston va Saudiya Arabistoni singari davlatlar oldida “Tolibon” loyihasini ishlab chiqishdek muhim va strategik manfaatlar mushtarakligini vujudga keltirdi. Shundan kelib chiqqan holda, “Tolibon” harakatining kelib chiqish, shakllanish va rivojlanish jarayonlarini 4 ta bosqichga ajratish mumkin. Birinchi bosqich Sovet-afg‘on urushi yillari, ikkinchi bosqich “Tolibon”ning 1996-2001 yillardagi birinchi hokimiyati, 2001-yildan 2021-yilgacha bo’lgan davr uchinchi bosqichni va ularning 2021-yildan hozirgi vaqtgacha bo’lgan ikkinchi hokimiyati davri to’rtinchi bosqichni tashkil etadi;

uchinchidan, Tolibonizm nazariyasi islomizmning “toliboncha” ko‘rinishi yoki modelidir. Uni islomizmning uzoq yillar davomida shakllangan, tashqi radikal ta’limotlar va aqidalar kuchli ta’sir ko‘rsatgan hamda ijtimoiy jihatdan afg‘on jamiyatiga moslashtirish uchun yo‘naltirilgan talqini, deb ta’riflash mumkin. Ushbu nazariyani hozirgi “Tolibon 2.0” hukumati faoliyatidan kelib chiqqan holda ikki qismga, ya’ni Neotolibonizm va Pantolibonizm nazariyalariga ajratib tadqiq qilish lozim, deb hisoblaymiz;

to’rtinchidan, Amerika Qo’shma Shtatlarining Afg‘oniston bo‘yicha strategiyasi butun Yevroosiyo geosiyosatining asosiy va muhim tarkibiy qismi sanaladi. Tadqiqotda qayd etilgan fikr-mulohazalar, ma’lumot-dalillar va ayrim hisobotlar bugungi kunda AQShning Afg‘oniston va uning atrofidagi maqsadlari “Tolibon” vositasi orqali amalga oshirilayotganidan darak beradi. Bu esa 2021-yildan keyin Amerikaning Afg‘onistondagi strategiyasi emas, aksincha taktikasi o‘zgarganini anglatadi. Xitoyning 2021-yildan keyin “Tolibon 2.0” hukumati bilan o‘rnatgan tezkor muloqotini ikkita muhim sabab bilan izohlash mumkin: Bular AQShdan keyin Afg‘onistondagi geosiyosiy bo‘shliqni iqtisodiy diplomatiya vositasi orqali to‘ldirish hamda milliy-mintaqaviy xavfsizlikni ta‘minlash. Shu sababdan Pekinning “Tolibon 2.0” bilan bog‘liq manfaatlari “xavfsizlik evaziga investitsiya” tamoyiliga asoslangan. Xitoy Afg‘onistonning qaytadan fuqaro urushi girdobiga tushishi, ekstremizm, separatizm va terrorizm makoniga aylanishidan

manfaatdor emas. Rossiyaning “Tolibon 2.0” hukumati bilan hamkorlikka qaratilgan yondashuvini Afg‘oniston atrofidagi mintaqa aktorlarining de facto “Tolibon” hukumati bilan faol diplomatik muloqotni kuchaytirishi, Afg‘onistondagi vaziyatning Markaziy Osiyo mintaqasiga bevosita ta’sir ko‘rsatishi, “IShID-Xuroson” terrorchi tashkilotining mintaqaviy xavfsizlikka tahdid tug‘dirishi, shuningdek, G‘arb davlatlarining sanksiyalari sharoitida muqobil iqtisodiy loyihalarni ishlab chiqish va yangi bozorlarga chiqish zarurati bilan izohlash mumkin. Shu sababdan, “Tolibon 2.0” hukumati Rossiyaning Afg‘onistonga oid manfaatlarini qisman aks ettiradi. Biroq, Moskva bugungi “Tolibon 2.0” hukumati bilan aloqalarida “ishon, lekin tekshir” (доверяй, но проверяй) tamoyilini afzal ko‘rmoqda;

bashinchidan, “Tolibon” hokimiyati o‘rnatilishi va Amerika harbiy kuchlarining Afg‘onistondan chiqib ketishi, shuningdek, “Tolibon”ga nisbatan an‘naviy ta’sir aloqalari sababli istiqbolda mintaqaviy aktorlar orasidan Pokiston Islom Respublikasi Afg‘onistondagi asosiy ta’sir kuchiga ega davlatga aylanadi, degan dastlabki farazlar o‘z tasdig‘ini topmadi. Geosiyosiy manfaatlar nuqtayi nazaridan o‘z vaqtida Afg‘onistonga ta’sir ko‘rsatish borasida Pokistonning kuchli quroliga aylangan “toliblar” 2021-yildan keyin Pokistonning o‘ziga qarshi turadigan kuchga aylandi. Buning oqibatida “Tehrek-e Tolibon Pokiston” tashkiloti faollashib, Dyurand chizig‘i, pushtunlar, qochqinlar va suv omili kabi o‘tkir muammolarning alanga olishiga turtki bo‘ldi. Shu boisdan yaqin istiqbolda ikki tomon chegarasidagi vaziyatning barqarorlashishi dargumon. Chunki, bu ikki davlat sarhadlari istiqbolda ham yirik aktorlarning geosiyosiy manfaatlari bir-biriga to‘qnash keladigan hudud bo‘lib qoladi;

oltinchidan, Eron Islom Respublikasining “Tolibon 2.0” hukumati bilan bog‘liq hozirgi manfaatlari kutilganidek holatda emas. Chunki, Eron ham Afg‘onistonda AQShdan keyingi bo‘shliqni to‘ldirish uchun asosiy da’vogarlardan biri edi. Ammo, Pokiston singari Eron va “Tolibon 2.0” hukumati o‘rtasidagi munosabatlarda bir-biriga o‘xshash chegara xavfsizligi, suv hamda etno-diniy omillar bilan bog‘liq mojarolar qalqib chiqayotganligi geosiyosiy nuqtayi nazardan Eronning ham Afg‘onistondagi ta’siri cheklanib borayotganligiga ishora qiladi;

yettinchidan, hozirgi real voqelik sharoitida “Tolibon” omili Hindiston uchun strategik imkoniyat manbasi sifatida qaralmoqda. 2021-yildan keyin “Tehrek-e Tolibon Pokiston” sababli Pokiston va “Tolibon” o‘rtasidagi ziddiyat ko‘lami shu qadar kuchaydiki, bu holat Hindistonning “Tolibon”ga nisbatan qarashlari va yondashuvlarini o‘zgartirib, yangi strategiya ishlab chiqish zaruratini vujudga keltirdi. Qolaversa, AQShning mintaqadagi Xitoyni tiyib turish strategiyasida Hindistonni asosiy ittifoqchisi sifatida belgilab olgani, “Make Taliban great again” tamoyilini amalga oshirishda mintaqaviy aktorlardan Pokiston emas, aksincha Hindiston yirik o‘yinchiga aylanayotgani tobora oydinlashib bormoqda;

sakkizinchidan, “Tolibon” birinchi hukumatining Afg‘oniston siyosiy sahnasiga chiqishida Pokiston qanchalik rol o‘ynagan bo‘lsa, “Tolibon 2.0” hukumatining o‘rnatilishida bu safar Qatar davlati shunchalik markaziy o‘rinlardan birini egalladi. Aynan Dohada “Tolibon” siyosiy mahkamasining ochilishi va AQSh-“Tolibon” bitimining ham o‘sha yerda imzolanishi, keyinchalik esa

Qatarning G'arb davlatlari va "Tolibon" o'rtasidagi muloqot-u muzokarlarda vositachilik qilayotgani bunday xulosaning tasdig'idir. Bularning barchasi "Tolibon" omili bilan bog'liq siyosiy o'yinlarda Qatar davlati muhim o'yinchiga aylanganligidan dalolat beradi. Garchi Saudiya Arabistoni "Tolibon" birinchi hukumatini rasman tan olgan bo'lsa-da, 1998-yilda Usama bin Lodenni topshirish da'vosi va 2001-yil 11-sentyabr voqealaridan keyin "Tolibon" harakati bilan butunlay aloqalarini uzishiga to'g'ri kelgan edi. Boz ustiga, "Tolibon" siyosiy mahkamasining Ar-Riyodda emas, Dohada ochilgani aloqalarni tiklashga qaratilgan sa'y-harakatlarni chippakka chiqardi. Saudiya Arabistonining asosiy manfaatlari Afg'onistonni Eronning siyosiy ta'sir hududiga aylanishiga umuman imkon bermaslik vazifasi bilan chambarchas bog'langan edi. Avvallari Ar-Riyod Afg'onistondagi manfaatlarini amalga oshirishda Islomobod bilan geosiyosiy hamkorlik qilib kelgan bo'lsa, bugungi kunga kelib, Islomobod va "Tolibon" munosabatlarida yuzaga chiqqan keskin raqobat va ziddiyatlar Ar-Riyodning Afg'onistonga ta'sir ko'rsatish imkoniyatlarini cheklab qo'ydi. Shu boisdan Saudiya Arabistoni bugungi "Tolibon 2.0" hukumati bilan aloqalarni davom ettirishdan boshqa muqobil yo'l mavjud emas, deb hisoblamoqda. Saudiya Arabistonidan farqli ravishda Birlashgan Arab Amirliklari o'tgan vaqtlar davomida "Tolibon" harakati bilan aloqalarini butunlay uzmagan. Qatardan farqli jihati esa BAA "Tolibon" harakatining siyosiy qanotidan ko'ra, harbiy qanoti bilan mustahkam aloqalar ildiziga ega. "Haqqoniy tarmog'i" bilan davom etayotgan aloqalar Abu Dabining "Tolibon 2.0" hukumatining harbiy qanotiga ta'sir qilish imkoni yuqori ekanligidan dalolat beradi;

to'qqizinchidan, Markaziy Osiyo davlatlarining "Tolibon 2.0" hukumatiga nisbatan yondashuvlari o'zaro muvofiqlashtirilgan va yakdil emas. Ikki tomonlama munosabatlar darajasiga ko'ra, O'zbekiston va Turkmaniston "Tolibon 2.0" bilan yuqori darajada, Qozog'iston va Qirg'iziston o'rta darajada aloqalarni yo'lga qo'ygan bo'lsa, Tojikiston "Tolibon 2.0" hukumati bilan munosabatlar o'rnatmagan mintaqadagi yagona davlat hisoblanadi. Shu sababdan, mintaqaning 4 ta davlati "Tolibon" boshqaruvidagi Afg'onistonga imkoniyatlar omili sifatida qarayotgan bo'lsa, Tojikiston XX asrning 90-yillaridagi pozitsiyasini o'zgartirgani yo'q va hali ham "Tolibon"ni milliy va mintaqaviy xavfsizlikka tahdid soluvchi omil deb baholaydi;

o'ninchidan, hozirda Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik tizimini "qayta qurish"ning yangi davri boshlandi. Afg'onistonda "Tolibon" boshqaruvi qayta o'rnatilgan strategik noaniqlik sharoitida Markaziy Osiyo davlatlari uchun mintaqaviy xavfsizlikning yangi tizimini mustaqil tarzda barpo etish zarurati paydo bo'ldi. Pantolibonizm va terrorizm xavfi, pushtunlashtirish siyosati, suv omili (Qo'shtepa kanali), chegara muammosi va "Tolibon" harakatining harbiy salohiyati ortishi kabi muammolar Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizlik tizimiga ta'sir etuvchi ehtimoliy tahlikalar mavjud ekanligidan dalolat beradi;

o'n birinchidan, "Tolibon 2.0" hukumati rahbarlik qilayotgan Afg'onistondagi vaziyatning strategik jihatdan noaniq ekanligi, O'zbekiston milliy va mintaqaviy xavfsizligiga tahdid soluvchi xalqaro terror guruhlarining hali-hanuz ushbu mamlakatda panohtopgani va ularning qo'shni davlatlar xavfsizligiga rahna

solishga urinayotgani, rasmiy Toshkent va “Tolibon 2.0” hukumati o‘rtasidagi munosabatlar yuqori darajada rivojlanayotgan bo‘lsa-da, turli noodatiy muammolarning ham yuzaga chiqayotgani – bularning barchasi Afg‘onistondagi bo‘lg‘usi vaziyatni O‘zbekiston tomonidan inkor etilishiga yo‘l qo‘yib bo‘lmasligini ko‘rsatmoqda;

o‘n ikkinchidan, Afg‘onistonda “Tolibon” hokimiyatining o‘rnatilishi – bu afg‘on xalqining tanlovi emas, balki tashqi kuchlarning tanlovidir. Tarix shohidlik beradiki, Afg‘onistondagi vaziyat yirik tashqi kuchlarning geosiyosiy va geostrategik loyihalariga qarab “Qora oqqush” hodisasini namoyon etishi mumkin.

Keltirib o‘tilgan xulosalar asosida quyidagi taklif va tavsiyalarni ilgari surish mumkin:

birinchidan, O‘zbekistonning Afg‘oniston zaminida mustahkam tinchlik va barqarorlikni ta‘minlashga qaratilgan strategik yondashuvi asosida “xavfsiz va tinchliksevar davlat” tamoyiliga asoslangan tashqi siyosatni izchil davom ettirish, mamlakat xavfsizligi va mudofaa salohiyatini kuchaytirishga qaratilgan ustuvor vazifalar hamda Afg‘onistonda vujudga kelgan “Tolibon” bilan bog‘liq chuqur noaniqlik holatidan kelib chiqqan holda, **O‘zbekiston Respublikasining Afg‘oniston bo‘yicha 2025-2035-yillarga mo‘ljallangan strategiyasi ishlab chiqilishini** taklif etamiz;

ikkinchidan, Tashqi ishlar vazirlari darajasidagi “CA+AF” (Markaziy Osiyo va Afg‘oniston) maslahat uchrashuvini tuzish taklifi Markaziy Osiyo davlatlarining “Tolibon 2.0” hukumatiga nisbatan yagona va umumiy yondashuvini ishlab chiqish bilan bir qatorda Markaziy Osiyo davlatlari va Afg‘oniston “Toliboni” o‘rtasida yuzaga kelayotgan suv omili, terrorizm, ekstremizm va separatizm, narkotik moddalar savdosi hamda hukumatning inklyuzivligi kabi muammolarni siyosiy muzokaralar orqali muhokama qilish va hal qilishga ko‘mak beruvchi mexanizm sifatida namoyon bo‘ladi;

uchinchidan, O‘zbekiston tashqi siyosatida “Janubga chiqish” (Markaziy va Janubiy Osiyo bog‘liqligi) strategiyasini qayta ko‘rib chiqilishi lozim. Ushbu yondashuv nazariy jihatdan har qancha jozibador ko‘rinmasin, amaliy nuqtayi nazaridan uning amalga oshishi haqiqatdan yiroqdir. Hattoki, optimistik jihatdan ushbu tashabbus bo‘yicha sa‘y-harakatlar jadallashib, ma‘lum loyihalar ishga tushgan taqdirda ham Afg‘onistondagi xavfsizlik masalalarining kafolatli va ishonchli emasligi, jumladan, ushbu o‘lkada hali-hanuz terror guruhlarining panoh topgani, eng e‘tiborlisi, bunday guruhlarining Afg‘oniston va Pokiston chegarasida to‘plangani Janubiy Osiyoga qaratilgan loyihalar xavfsizligini tahdid ostida qoldiraveradi. Shu boisdan, “Janubga chiqish” strategiyasiga nisbatan ustuvor vazifadan o‘rta darajadagi vazifa sifatida yondashish maqsadga muvofiq. Bu xususidagi taklifimiz “**Uch mintaqqa yoyi**” (Arc of Three Regions) konsepsiyasini ilgari surishni nazarda tutadi. Mazkur konsepsiya Markaziy Osiyo, Ko‘rfaz mintaqasi va Janubiy Osiyo mintaqalarini o‘zaro bog‘lash strategiyasini ifoda etib, quyidagi afzalliklarga ega: 1. O‘zbekiston (butun Markaziy Osiyo mintaqasi ham) bir vaqtning o‘zida Chobahor (Eron), Karachi (Pokiston), Kandla va Mumbai (Hindiston) dengiz portlariga chiqish imkoniga ega bo‘ladi. 2. Bu konsepsiyadan Eron, Pokiston va Hindiston davlatlari ham birdek manfaat topadi. Shu sababdan

ular konsepsiyasi doirasidagi turli loyihalarga qiziqish bildirishi ehtimoli katta. 3. Konsepsiyada nazarda tutilgan transport-tranzit, energetika va boshqa turdagi loyihalar Afg'onistonning xavf darajasi minimal hisoblangan hududlardan o'tadi. 4. "Tolibon 2.0" hukumati ham ushbu konsepsiyani qo'llab-quvvatlashi ehtimoli yuqori;

to'rtinchidan, O'zbekiston Markaziy Osiyo mintaqasining xavfsizligi, barqarorligi va taraqqiyot mezonlarini olg'a siljituvchi kalit davlat sifatida "Tolibon 2.0" hukumati rahbarlik qilayotgan Afg'onistondagi vaziyatning strategik mavhumlikka asoslangan xususiyatlarini maxsus e'tiborga olishi va preventiv xavfsizlik chora-tadbirlarini avvaldan ishlab chiqishi har tomonlama maqsadga muvofiq. Shu maqsadda, Eron tajribasidan kelib chiqib, O'zbekistonning Afg'oniston bilan chegaraoldi hududida **xavfsizlik devori barpo etilishi** lozim, deb hisoblaymiz;

beshinchidan, Afg'oniston hududida ilk temir yo'llar – "Hayraton-Mozori Sharif" va "Xaf-Hirot" temir yo'l loyihalari tajribasi mavjud ekanligi va transafg'on yo'nalishlarini bog'laydigan imkoniyatlar va tahlikalar ko'lami shundan dalolat bermoqdaki, "Mozori Sharif-Hirot" temir yo'l loyihasining ro'yobga chiqish istiqboli "Mozori Sharif-Kobul-Peshovar" temir yo'l loyihasidan yuqori turadi. "Mozori Sharif-Hirot" temir yo'li istiqbolda Chobahor kelishuvi orqali Hindistonning Mumbai va Kandla bandargohlariga yoki Hirot-Qandahor-Kvetta yo'nalishi orqali Pokiston bandargohlariga ham chiqish imkoniyatiga ega. Zamonaviy transafg'on loyihalarining geosiyosiy va geoiqtisodiy xususiyatini inobatga olgan holda aytganda, ushbu loyihalar faqat Afg'oniston bilan cheklanmasdan ushbu davlat hududi orqali Markaziy Osiyoni Ko'rfaz mintaqasi va Janubiy Osiyo bilan uzviy bog'lashdek strategik vazifani maqsad qiladi. Shu boisdan "Mozori Sharif-Hirot" temir yo'l loyihasini O'zbekiston tashqi siyosatining ustuvor masalalari qatoriga kiritish lozim;

oltinchidan, O'zbekistonning Afg'onistonda neft va gaz sohalariga katta e'tibor qaratishi energetika diplomatiyasining asosiy ustuniga aylanishi mumkin. Shundan kelib chiqqan holda, **IRAFUZ gaz quvuri loyihasini ishlab chiqishni** taklif etamiz. Ushbu loyiha Eronning gaz quvurlarini Afg'oniston orqali Markaziy Osiyo bilan bog'lashga qaratilgan bo'lib, istiqbolda juda katta savdo-iqtisodiy imkoniyatlarni taqdim etadi. Loyihaning O'zbekiston uchun afzalligi aholini qiynayotgan dolzarb gaz muammosini hal etishga yordam beribgina qolmasdan, gaz sohasida ma'lum bir davlatga bo'lgan bog'liqlikni bartaraf etishga xizmat qiladi. Qolaversa, Afg'onistonda gaz va neft resurslarining qazilmagan zaxiralarini topish va undan foydalanish afg'on xalqining mushkulini yengil qilish bilan bir qatorda O'zbekiston va Eron davlatlariga ham birdek manfaat keltiradi;

yettinchidan, Afg'onistonning Balx viloyatida **O'zbek tili va adabiyoti universitetining (xususiy universitet maqomidagi) filialini** ta'sis etish, Toshkent davlat sharqshunoslik universitetining imkoniyatlaridan foydalangan holda Kobul universiteti huzurida **Sharqshunoslik markazini** tashkil etish, shuningdek, Afg'oniston o'zbeklari istiqomat qilayotgan viloyatlarda o'quvchi yoshlarning, ayniqsa, qizlarning ta'lim-u tahsil olishi va savodini chiqarishi maqsadida **o'zbek xususiy maktablarini qurish** ishlarini jadallashtirish ayni muddao bo'lar edi, degan

fikrdamiz. Bu kabi xayrli ishlarni amalga oshirish uchun xorijda yashovchi (amerikalik o'zbeklar, Yevropa, Rossiya va Arab davlatlaridagi o'zbeklar) hamda O'zbekistonning nufuzli tadbirkorlari tomonidan Afg'onistonda ta'limni qo'llab-quvvatlovchi **“Navoiy” nomli ilm-fan jamg'armasini** ta'sis etishni taklif etamiz;

sakkizinchidan, O'zbekistonda Afg'onistondagi vaziyatni muntazam o'rganadigan, faqat shunga ixtisoslashgan hamda davlatning buyurtmalari asosida faoliyat ko'rsatadigan alohida kuchli tahlil markazi mavjud emas. Shu bois, O'zbekiston Tashqi ishlar vazirligi huzurida **Afg'oniston tadqiqotlari xalqaro markazining** (International Centre for Afghanistan Studies) tashkil etilishini ayni muddao bo'lar edi, deb hisoblaymiz. Ushbu markaz O'zbekistondagi barcha afg'onshunos-siyosatshunos, afg'onshunos-diplomat, afg'onshunos-tarixchi, afg'onshunos-iqtisodchi, afg'onshunos-filologlarni bir joyda jamlovchi ilmiy-tahliliy maydonga aylanmog'i har jihatdan durust ish bo'lar edi;

to'qqizinchidan, **“Markaziy Osiyo va Afg'onistonda islom tamadduni: o'tmish, bugun va kelajak”** mavzusida xalqaro ilmiy-amaliy konferensiyani o'tkazish diniy ulamolar va soha olimlari o'rtasida mintaqadagi an'anaviy islom qadriyatlari, radikal g'oyalarga qarshi kurashish chora-tadbirlari, diniy bag'rikenglik va dunyoviylik, umuman Islom dinining asl mohiyati haqida o'zaro fikr almashishga xizmat qiladi. Anjumanga **“Tolibon 2.0”** hukumatining mas'ul shaxslarini ham da'vat etish uning bahs-munozaralarga boy bo'lishini ta'minlaydi.

**НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРИСУЖДЕНИЮ УЧЁНЫХ СТЕПЕНЕЙ
DSc.03/29.12.2022.Ss.21.02 ПРИ ТАШКЕНТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

БУРАНОВ СУХРОБ МАХАММАДИ УГЛИ

**ФАКТОР «ТАЛИБАН» В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и
регионального развития**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации доктора политических наук (DSc)**

Ташкент – 2025

Тема диссертации доктора политических наук (DSc) зарегистрирована в Высшей аттестационной комиссии под номером B2024.2.DSc/Ss111.

Диссертация выполнена в Ташкентском государственном университете востоковедения.

Автореферат диссертации на трёх языках (узбекский, русский и английский) размещён на веб-сайте Научного совета (www.tsuos.uz) и на Информационно-образовательном портале «ZiyoNet» (www.ziyo.net.uz).

Научный консультант: **Маннонов Абдурахим Муталович**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Хайдаров Абдусамат Ахадович**
доктор политических наук, профессор

Мухаммадсидиков Мухаммадолим
Мухаммадрозик угли
доктор политических наук, профессор

Жураев Кодир Асадович
доктор политических наук, профессор

Ведущая организация: **Международная академия исламоведения**
Узбекистана

Защита диссертации состоится «___» _____ 2025 года в _____ часов на собрании Научного совета DSc.03/29.12.2022.Ss.21.02 при Ташкентском государственном университете востоковедения (Адрес: 100060, г. Ташкент, улица Амира Темура, дом 20. Тел.: (99871) 233-34-24; факс: (998971) 233-52-24; e-mail: tsuos@info.uz).

С диссертацией можно ознакомиться в Информационно-ресурсном центре Ташкентского государственного университета востоковедения (зарегистрирована под номером _____). (100060, г. Ташкент, улица Амира Темура, дом 20. Тел.: (99871) 233-45-21; факс: (998971) 233-52-24).

Автореферат диссертации разослан «___» _____ 2025 года.
(реестр протокола рассылки № _____ от «___» _____ 2025 года).

Д.Б. Сайфуллаев
председатель научного совета по
присуждению учёных степеней,
доктор исторических наук, профессор

О.И. Алимов
научный секретарь научного совета
по присуждению учёных степеней,
доктор философии по политическим
наукам, доцент

Э.С. Султонова
председатель научного семинара при
научном _____ совете
по присуждению учёных степеней,
доктор политических наук, профессор

ВВЕДЕНИЕ

(аннотация диссертации доктора наук (DSc))

Актуальность и востребованность темы диссертации. В результате глубокого регресса взаимного доверия в сфере современных международных отношений и возрождения подхода «принадлежности к блокам» всё более усиливаются серьёзные угрозы глобальной безопасности и устойчивому развитию, стремительно меняется система, основанная на геополитических процессах и правилах мирового сообщества. В условиях стремительного изменения ситуации во всем мире, благодаря позитивным усилиям государств Центральной Азии в области укрепления последовательного сотрудничества, внимание и интерес крупных и региональных центров силы к региону продолжают расти. На повестку дня выходит такая задача, как решение вопроса нестандартных факторов, влияющих на стабильность и безопасность Центральноазиатского региона, на базе принципов дипломатического диалога, добрососедства, взаимного доверия, равенства и уважения. Поэтому вопросы влияния текущей ситуации в Афганистане на региональную безопасность Центральной Азии и её перспективы приобретают актуальное значение.

В сфере мировой афганистики ощущается острая потребность в продвижении новых концептуальных подходов к научным исследованиям, связанным с «талибановедением». В частности, внимание международных научно-аналитических центров привлекают формы государственного управления действующего правительства Афганистана, его религиозно-политических взглядов и диалога с соседними странами, а также интеграции с мировым сообществом. В особенности это выражается в том, что традиционные, казалось бы, подходы и методы решения сложных вопросов, возникших и продолжающих возникать между Афганистаном, который возглавляет «Талибан», и государствами Центральной Азии, не дают эффекта. С этой точки зрения данная ситуация обуславливает необходимость определения влияния перспектив деятельности «Талибана» на Центральноазиатский регион и разработки глубоких методологических и институциональных механизмов обеспечения региональной безопасности.

Обеспечение мира, стабильности и гарантированной безопасности в Афганистане является одним из главных условий безопасности и незыблемой стабильности во всём Центральноазиатском регионе, в том числе в Узбекистане. Узбекистан, как близлежащее близко к Афганистану государство-сосед, расценивает безопасность Афганистана как свою собственную безопасность и твердо поддерживает установление долгосрочного мира и стабильности в этой стране: «Безопасность Афганистана – это безопасность Узбекистана, залог стабильности и процветания всего обширного региона Центральной и Южной Азии»⁴³.

⁴³ Мирзиёев Ш.М. Халкимизнинг розилиги бизнинг фаолиятимизга берилган энг олий баходир (Одобрение народа – высшая оценка нашей деятельности). – Т.: Узбекистон, 2018. – С. 363-369.

Данная диссертация в определённой степени служит реализации задач, обозначенных в Законах Республики Узбекистан № ЗРУ-1037 от 25 февраля 2025 года «Об утверждении Концепции обеспечения свободы совести граждан и государственной политики в религиозной сфере в Республике Узбекистан» и № ЗРУ-471 от 5 апреля 2018 года «О Службе государственной безопасности Республики Узбекистан», Указах и Постановлениях Президента Республики Узбекистан № УП-158 от 11 сентября 2023 года «О Стратегии «Узбекистан – 2030»», № УП-60 от 28 января 2022 года «О стратегии развития нового Узбекистана на 2022-2026 годы», № УП-5400 от 05 апреля 2018 года «О мерах по коренному совершенствованию системы Министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности», № ПП-4892 от 12 ноября 2020 года «О мерах по дальнейшему расширению и укреплению экономического сотрудничества с Исламской Республикой Афганистан», № ПП-4680 от 16 апреля 2020 года «О мерах по кардинальному совершенствованию системы подготовки кадров и повышению научного потенциала в области востоковедения», а также в других нормативно-правовых актах, относящихся к этой области.

Соответствие исследования приоритетным направлениям развития науки и технологий республики. Диссертация выполнена в рамках приоритетного направления развития науки и технологий республики I. «Формирование системы инновационных идей и пути их реализации в социальном, правовом, экономическом, культурном, духовно-нравственном развитии информационного общества и демократического государства».

Обзор зарубежных научных исследований по теме диссертации.

По вопросам региональной безопасности Центральной Азии и влияния на неё фактора «Талибан» актуальные научные и практические исследования велись в ряде авторитетных высших учебных заведений, а также ведущих исследовательских и мозговых центров, таких как Гарвардский, Стэнфордский, Калифорнийский, Принстонский, Чикагский, Бостонский и Индианский университеты, RAND Corporation, Совет по внешней политике, Институт изучения войны, Центр афганских исследований при Университете Небраски, Институт внешнеполитических исследований, Центр стратегических и международных исследований (США), Оксфордский и Кембриджский университеты, Университет Глазго, Королевский колледж Лондона (Великобритания), Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (Швеция), Норвежский институт международных отношений, Южноазиатский демократический форум (Бельгия), Институт глобальных отношений (Swiss institute for global affairs) (Швейцария), Институт Южноазиатских исследований Университета Цинхуа, Шанхайский университет международных исследований (Китай), Институт востоковедения Российской академии наук, Центр изучения современного Афганистана, Московский государственный институт международных отношений, Международный дискуссионный клуб «Валдай»

(Россия), Институт исследований конфликтов и безопасности, Университет Каид-и Азама, Центр исследований мира и безопасности при Университете Пенджаба, Центр исследований и изучения безопасности (Пакистан), Университет имени Имама Хусейна, Свободный исламский университет Ирана, Институт политических и международных исследований (Иран), аналитический центр «Делийская политическая группа», Индийский совет по международным делам, Институт исследований мира и конфликтов (Индия), Центр стратегических исследований, Центр афганских исследований, Центр региональных исследований Афганистана, Центр исследований конфликтов и мира, Национальное управление статистики и информации (Афганистан), Высшая школа стратегического анализа и прогнозирования, Институт стратегических и межрегиональных исследований, Международный институт Центральной Азии (Узбекистан), Институт стратегических исследований, Институт азиатских исследований (Казахстан), Центр стратегических исследований, Центр геополитических исследований, Институт экономики и демографии при Академии наук Таджикистана (Таджикистан), Национальный институт стратегических исследований, Кыргызстанский центр изучения мира (Кыргызстан) и Центр стратегических исследований (Туркменистан).

В результате проведения исследования в сфере влияния фактора «Талибан» на трансформацию региональной безопасности в Центральной Азии были получены следующие научные результаты: проведены системные исследования по вопросам, связанным с влиянием фактора «Талибан» на региональную безопасность Центральной Азии посредством таких действий и факторов, как терроризм, религиозный экстремизм, наркоторговля, пуштунизм, вода и беженцы (Оксфордский университет и Университет Глазго, Великобритания); доказано, что политика религиозного управления правительства «Талибана» схожа с религиозно-политической моделью Саудовской Аравии, но идеологически отличается от неё и основана на своеобразной теории «талибанизма» (Индийский университет, RAND Corporation и Совет по внешней политике, США); доказана необходимость разработки единого скоординированного подхода стран региона к обеспечению региональной безопасности в Центральной Азии, связанной с фактором «Талибан» (Институт стратегических и межрегиональных исследований (Узбекистан), Институт азиатских исследований, (Казахстан)); обоснована необходимость использования возможностей таких многосторонних институциональных структур, как Организация Договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества (Центр изучения современного Афганистана, Россия), в целях предотвращения потенциальных угроз безопасности с территории современного Афганистана, которым руководит «Талибан».

Исходя из стратегических направлений внешней политики Узбекистана, расширяется круг научных исследований, проводимых по таким вопросам, как глубокая научно-практическая оценка влияния фактора «Талибан» на региональную безопасность Центральной Азии, содействие достижению

прочного мира и стабильности в Афганистане, устранение угроз безопасности на границах и приграничных территориях стран региона на основе превентивных мер, устранение факторов, препятствующих разработке и реализации стратегически важных Трансафганских транспортных проектов.

Степень изученности проблемы. Вопросы, связанные с будущим правительства «Талибана», управляющего Афганистаном, подходами крупных акторов и сопредельных государств к его деятельности, а также влиянием религиозно-идеологических взглядов «Талибана» на регион, вызывают теоретический и практический интерес учёных и аналитиков, ведущих свою научную деятельность в этой области.

Поэтому литература, использованная в рамках исследования, была разделена на пять больших групп⁴⁴.

Первая группа включает в себя литературу, отражающую научные мнения афганских (в том числе эмигрантских) учёных, политиков, дипломатов и экспертов, а именно, исследования, являющиеся частью материалов на языках, дари и пушту. В частности, такие специалисты, как Залмай Халилзад, Хасан Кокар, Мир Гулам Мухаммед Губар, Мухаммед Али, Неъматулла Нуджуми, Башир Ахмад Ансари, Наби Мисдок, Ахмад Идрис Рахмани, Назиф Шахрани, Мухаммад Атойи, Мухаммад Дауд Каюми, Умар Ниссар, Хабибулла Кухманд, Ихлас Тамим, всесторонне изучали трудный путь Афганистана с древнейших времён до наших дней, возникновение движения «Талибан», религиозные взгляды в рамках этого движения и влияние внешних сил на «Талибан».

Во вторую группу входят исследования пакистанских дипломатов, учёных и писателей. Например, труды и исследования таких авторов, как Ифтикар Муршид, Ахмед Рашид, Камал Матинуддин, Навид Элахи, Хасан Аббас, Саид Салим Шахзод, Фархат Тадж и Азмат Хаёт Хан, не только дают целостное представление о движении «Талибан» и причинах его возникновения, но и предоставляют очень важную и интересную информацию о влиянии Пакистана на эти процессы и его роли в них, а также о спорных вопросах между Афганистаном и Пакистаном.

Третью группу составляют научные исследования, проведённые учёными западных стран. Книги и научные статьи, написанные такими учёными, дипломатами и экспертами в этой области, как Збигнев Бжезинский, Роберт Гейтс, Луи Дюпре, Майкл Гриффин, Марк Силинский, Уильям Мэйли, Стивен Таннер, Джилл Дорронсоро, Оливье Руа, Питер Марсен, Барнетт Рубин, Томас Барфилд, Стив Колл, Томас Джонсон, Роберт Стивенс, Крэйг Уитлок, Сэмюэл Хантингтон, Жан-Шарль Бризар, Гийом Даскье, Алекс Стрик ван Линсхотен, Феликс Куэн, Роберт Крюс, Уолтер Перри, Дэвид Кассинг, Ларри Гудсон, имеют большое значение для афганистов, поскольку они искусно выражают корни возникновения

⁴⁴ Эти исследования представлены в части диссертации «Список использованной литературы».

движения «Талибан», его религиозные, этнические и радикальные идеологические взгляды.

Четвёртая группа. Учёные из Центральной Азии также выпустили ряд статей, аналитических отчётов, диссертаций и подготовили другие виды исследовательских работ для научного изучения движения «Талибан». Процесс этот продолжается до сих пор. В частности, такие учёные, как А. Смагулов, С. Акимбеков, А. Князев, У. Сайдалиев, К. Абдуллаев, Р. Нуриддинов, К. Искандаров, С. Мирзоев, Н. Назиров, Ш. Фарзонаи и другие в своих научных работах приводят важные сведения о ситуации в Афганистане, в том числе об управлении движением «Талибан» и влиянии проводившейся им в 90-е годы XX века политики на безопасность в Центральной Азии. Вместе с тем, в монографии «Афганистан до и после возвращения «Талибана»» опубликованной Ш.Ризоёном и М.Гиёсовым, проанализированы мирные процессы (2015-2021 гг.), возвращение к власти движения «Талибан» и последующая внешняя политика стран Центральной Азии по Афганистану. В диссертациях, монографиях, статьях и других научных исследованиях, написанных такими узбекскими учеными, как А. Хайдаров, Р. Алимов, С. Сафоев, И. Бобокулов, Н. Тулаганова, Н. Касымова, П. Маккамбоев, Ш. Акмалов, Ш. Гойибназаров, Ш. Ёвкочев, М. Рахимов, Д. Сайфуллаев, О. Сирожов, Р. Рашидов, А. Умаров, Р. Махмудов, С. Убайдуллаева и другими, изложены заслуживающие внимания научные взгляды по влиянию беспокойной ситуации в Афганистане на региональную безопасность Центральной Азии и определены внешние силы в этих процессах, а также фактор «Талибан».

В пятую группу вошли научные исследования российских ученых. Если в исследованиях В.Белокреницкого и Р.Сикоева рассказывается об установлении власти «Талибана» в 1996-2001 годах, раскрываются причины, по которым она была установлена, и даётся религиозно-политический портрет «Талибана», то работы Ю. Паничкина, В. Пластуна и В. Андрианова отражают поиску необходимых сведений о движении «Талибан» и его влиянии на региональную безопасность. Хотя труды В. Массона, В. Ромодина, А. Снесарева, И. Рейснера, Ю. Ганковского, М. Аруновой, В. Коргуна, М. Коноровского, Г. Ежова, П. Кирпенко, В. Бойко и других известных учёных-афгановедов не посвящены непосредственному изучению движения «Талибан» с хронологической точки зрения, приведённые в них важные сведения об афганских народах и истории Афганистана помогают оценить религиозные, этнические, идеологические и другие аспекты происхождения «Талибана» на основе исторических подходов. Такие специалисты, как А. Маначинский, М. Кича и А. Лавров, в своих исследованиях частично сосредоточились на роли и месте «Талибана» в истории Афганистана, поддерживаемых им силовых центрах и влиянии правительства, возглавляемого этим движением, на региональную безопасность в Центральной Азии.

Однако анализ проведённых исследований свидетельствует о том, что в научных работах отечественных учёных в рамках политической науки

вопросы, связанные с исследованием влияния фактора «Талибан» на региональную безопасность Центральной Азии, не были исследованы комплексно и систематически в должной степени. С этой точки зрения необходимость расширения ряда научных исследований, посвящённых изучению вопросов, связанных с «Талибаном» и его влиянием на региональную безопасность Центральной Азии, ещё больше повышает актуальность данного исследования.

Связь темы диссертации с планом научно-исследовательских работ высшего учебного заведения, в котором была выполнена диссертация. Диссертационная работа выполнена в рамках практического инициативного проекта «Факторы и перспективы устойчивого развития взаимосвязанности Центральной и Южной Азии (на основе инициатив Узбекистана)», включённого в план научно-исследовательских работ Ташкентского государственного университета востоковедения.

Цель исследования заключается в раскрытии влияния фактора «Талибан» на региональную безопасность в Центральной Азии.

Задачи исследования:

- изучить внутренние причины возникновения движения «Талибан»;
- глубоко проанализировать фактор внешних сил, повлиявший на формирование и развитие движения «Талибан»;
- раскрыть теоретико-концептуальные основы исследования фактора «Талибан»;
- исследовать угрозы региональной безопасности в Центральной Азии в 1991-2001 годах;
- проанализировать влияние деятельности «Исламского Эмирата Афганистан» (1996-2001) на региональную безопасность и стабильность в Центральной Азии;
- раскрыть значение инициатив Узбекистана (1993-2016 гг.), направленных на обеспечение спокойствия и региональной безопасности в Афганистане;
- определить стратегические подходы США к «Талибану»;
- дать аналитическую оценку роли фактора «Талибан» в интересах Пакистана, Ирана и Индии в Афганистане;
- раскрыть подходы Китая и России к фактору «Талибан»;
- осветить специфические аспекты сотрудничества арабских государств с правительством «Талибана 2.0»;
- исследовать внешнеполитические подходы государств Центральной Азии к правительству «Талибана 2.0»;
- определить потенциальные угрозы со стороны фактора «Талибан», которые могут влиять на безопасность в Центральной Азии;
- изучить проблемы, связанные с фактором «Талибан» в рамках стратегии региональной безопасности Узбекистана, а также разработать соответствующие предложения и рекомендации.

Объектом исследования являются условия трансформации региональной безопасности в ЦА, связанные с установлением в Афганистане власти «Талибан 2.0».

Предмет исследований составляют причины возникновения и развития движения «Талибан», сравнительный анализ интересов различных центров силы, связанные с управлением этим движением, формирование политики правительства талибов и ее влияние на военно-политические, водно-энергетические, экологические, торгово-экономические, культурно-религиозные аспекты безопасности региона ЦА, в том числе на стратегию региональной политики Узбекистана на современном этапе.

Методы исследования. В диссертации были использованы исторический, проблемно-хронологический метод, сравнение, систематизация, структурно-функциональный и институциональный анализ, наблюдение, SWOT-анализ, контент-анализ, ивент-анализ, прогнозирование, а также такие методологические подходы, как историко-критический, цивилизационный, инструменталистский, бихевиористский и междисциплинарный.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- на основе феномена этно-религиозного синкретизма и в соответствии с парадигмой неоталибанизма обосновано, что эволюция возникновения и развития движения «Талибан» в Афганистане, а также религиозно-идеологические взгляды и убеждения в рамках этого движения наполнены такими идеологическими учениями, как деобандизм, ваххабизм, «Братья-мусульмане», которые формировались во внешней среде на протяжении многих лет и были направлены на адаптацию к афганскому обществу, и то, что пуштунская община составляет этническую основу движения «Талибан», и взгляды эти подвергаются трансформации;

- на базе концепции «Дуга трёх регионов», разработанной в качестве нового направления межрегиональной взаимосвязанности, аргументированы запуск транспортно-логистических, энергетических и крупных инфраструктурных проектов, направленных на создание альтернативных транспортно-транзитных коридоров, которые связывали бы Центральную Азию, регион Залива и Южную Азию через Афганистан, содействие разрешению социально-экономического кризиса в Афганистане и широкое вовлечение этой страны в региональные процессы;

- обосновано предложение о создании Комитета безопасности при Шанхайской организации сотрудничества в целях предотвращения использования ситуации в Афганистане крупными внешними силами в качестве инструмента давления на регион Центральной Азии и укрепления системы межрегиональной безопасности и факт того, что Шанхайская организация сотрудничества является в регионе единственной и уникальной платформой, которая имеет отношение к Афганистану и охватывает все соседние страны;

- аргументировано предложение об организации консультативной встречи «СА+АФ» (Центральная Азия и Афганистан) на уровне министров

иностранных дел, как механизма, способствующего разработке единого и общего подхода государств Центральной Азии к Временному правительству Афганистана, возглавляемому «Талибаном», рациональному и совместному использованию трансграничных водных ресурсов, образующихся между Центральной Азией и Афганистаном, исходя из общих интересов государств региона, а также обсуждению и решению посредством политических переговоров таких спорных вопросов, как терроризм, религиозный экстремизм, этнический сепаратизм и торговля наркотиками;

- с учётом того, что Афганистан является важной составляющей архитектуры региональной безопасности Центральной Азии в силу географических, этно-исторических, религиозных и геополитических факторов, а также принимая во внимание активный внешнеполитический подход Узбекистана, направленный на обеспечение прочного мира и стабильности в Афганистане, и влияние фактора «Талибан» на систему региональной безопасности в среднесрочной перспективе, обосновано предложение о разработке «Стратегии Узбекистана по Афганистану на 2025-2035 годы», предусматривающей механизмы политико-дипломатических, торгово-экономических, договорно-правовых и культурно-гуманитарных мер, а также мер в сфере безопасности.

Практическое значение результатов исследования заключается в следующем:

- выявлены такие теоретические феномены, как «Чёрный лебедь» и «Талибанизм», которые могут быть использованы в ходе изучения причин возникновения и развития движения «Талибан», его действий движения, отражающих его религиозно-идеологические и политические взгляды, а также факторов, влияющих на геополитические процессы и ситуацию с безопасностью в Центральной Азии;

- выдвинуты предложения и рекомендации, способствующие обеспечению мира, стабильности и гарантированной безопасности в Афганистане и Центральноазиатском регионе;

- подготовлен типовый проект «Стратегия Узбекистана по Афганистану на 2025-2035 годы», который послужит тому, чтобы внешнеполитические подходы Узбекистана к стратегической неопределённости в Афганистане, включая деятельность «Талибана», стали ещё более последовательными, эффективными и превентивными.

Достоверность результатов исследования определяется применением в нём признанных в науке международных отношений подходов и методов, использованием научно-теоретической литературы и источников в количестве около 400, основанностью на нормативно-правовых актах соответствующих ведомств Узбекистана и Афганистана и первоисточниках на языках дари и пушту, внедрением в практику выводов, предложений и рекомендаций, имеющих концептуальную основу, а также тем, что результаты, полученные в ходе исследования, были подтверждены уполномоченными государственными ведомствами.

Научная и практическая значимость результатов исследования.

Научная значимость результатов исследования определяется тем, что они могут быть полезны в процессе проведения научных исследований, направленных на обеспечение приоритетных направлений внешней политики Республики Узбекистан, в том числе обеспечение безопасности в Центральной Азии и Афганистане, а также для совершенствования методологических подходов и теоретических выводов по исследуемой проблеме.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что разработанные предложения и рекомендации могут быть использованы Министерством иностранных дел Республики Узбекистан, Службой государственной безопасности Республики Узбекистан, Министерством обороны Республики Узбекистан, Министерством инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан, Министерством транспорта Республики Узбекистан, аналитическими центрами, занимающимися афганской тематикой, и другими заинтересованными организациями в качестве важного источника для научных исследований, подготовки информационно-аналитических и программных документов, а также проведения лекций и практических занятий для высших учебных заведений.

Внедрение результатов исследования. На основе результатов исследования на тему «Фактор «Талибан» в условиях трансформации региональной безопасности в Центральной Азии»:

- научные выводы, предложения и рекомендации по разработке «Стратегии Узбекистана по Афганистану на 2025-2035 годы», предусматривающей механизмы политико-дипломатических, торгово-экономических, договорно-правовых и культурно-гуманитарных мер, а также мер в сфере безопасности с учётом того, что Афганистан является важной составляющей архитектуры региональной безопасности Центральной Азии в силу географических, этно-исторических, религиозных и геополитических факторов, а также принимая во внимание активный внешнеполитический подход Узбекистана, направленный на обеспечение прочного мира и стабильности в Афганистане, и влияние фактора «Талибан» на систему региональной безопасности в среднесрочной перспективе, были использованы Министерством иностранных дел Республики Узбекистан при подготовке информационно-аналитических документов, направляемых службой Специального представителя Президента Узбекистана по Афганистану в министерства и ведомства Республики (*акт службы Специального представителя Президента Узбекистана по Афганистану Министерства иностранных дел Республики Узбекистан № 18-108/11086 от 3 мая 2025 года*). Результаты диссертации, послужили формированию аналитических данных, на которые следует обратить стратегическое внимание при реализации внешней политики Узбекистана по Афганистану;

- выводы, предложения и рекомендации по организации консультативной встречи «СА+АФ» (Центральная Азия и Афганистан) на

уровне министров иностранных дел как механизма, способствующего разработке единого и общего подхода государств Центральной Азии к Временному правительству Афганистана, возглавляемому «Талибаном», рациональному и совместному использованию трансграничных водных ресурсов, образующихся между Центральной Азией и Афганистаном, исходя из общих интересов государств региона, а также обсуждению и решению посредством политических переговоров таких спорных вопросов, как терроризм, религиозный экстремизм, этнический сепаратизм и торговля наркотиками, были использованы Институтом стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан при подготовке аналитических данных (*справка Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан № 05-4/555 от 1 мая 2025 года*). В результате научные выводы, предложения и рекомендации, представленные в диссертации, послужили подготовке информационно-аналитической документации по организации международного «круглого стола» на тему «Центральная Азия и Афганистан. Видение общего будущего», организованного в Термезе.

- научные выводы, связанные с обоснованием на основе феномена этно-религиозного синкретизма и в соответствии с парадигмой неоталибанизма того, что эволюция возникновения и развития движения «Талибан» в Афганистане, а также религиозно-идеологические взгляды и убеждения в рамках этого движения наполнены такими идеологическими учениями, как деобандизм, ваххабизм, «Братья-мусульмане», которые формировались во внешней среде на протяжении многих лет и были направлены на адаптацию к афганскому обществу, и то, что пуштунская община составляет этническую основу движения «Талибан», и взгляды эти подвергаются трансформации, были использованы Управлением мусульман Узбекистана в ходе разработки методических рекомендаций для религиозно-просветительских учебных заведений (*справка Управлением мусульман Узбекистана № 05-03/1141 от 28 апреля 2025 года*). В результате материалы диссертации, научные результаты, выводы, предложения и рекомендации были использованы в качестве дополнительной литературы при составлении учебных программ по дисциплинам «Политика и религия», «Ислам и современность», «Новейшая история Узбекистана», «Методы борьбы с угрозами под маской религии» и «Духовно-просветительские основы борьбы с экстремизмом и терроризмом» кафедры «Социальные науки» Ташкентского исламского института.

- научные выводы, предложения и рекомендации, выдвинутые в проекте «Стратегия Узбекистана по Афганистану на 2025-2035 годы», предусматривающем дальнейшее укрепление межнационального согласия, дружбы и братства между узбекским и афганским народами, развитие двусторонних культурно-гуманитарных связей, включая работу с узбекскими соотечественниками в Афганистане и углубление прочных связей с ними, были использованы Комитетом Республики Узбекистан по вопросам межнациональных отношений и соотечественников за рубежом в ходе

подготовки информационно-аналитической документации, а также организации семинаров и «круглых столов» (*справка Комитета Республики Узбекистан по вопросам межнациональных отношений и соотечественников за рубежом № 14-05-137 от 25 апреля 2025 года*). Результаты диссертации послужили формированию политики работы с соотечественниками за рубежом, и в особенности углублению связей с нашими соотечественниками, проживающими в Афганистане и соседних с ним странах, подготовке информационно-аналитических материалов, направленных на обеспечение региональной безопасности, а также организации семинаров и «круглых столов» по таким темам, как международная безопасность, экстремизм и межконфессиональная гармония в рамках научно-исследовательских и совместных проектов.

- научные выводы и результаты касательно того, что Шанхайская организация сотрудничества является в регионе единственной и уникальной платформой, которая имеет отношение к Афганистану и охватывает все соседние страны, и создания Комитета безопасности при Шанхайской организации сотрудничества в целях предотвращения использования ситуации в Афганистане крупными внешними силами в качестве инструмента давления на регион Центральной Азии и укрепления системы межрегиональной безопасности, были использованы Центром народной дипломатии Шанхайской организации сотрудничества в ходе организации мероприятий в рамках международной конференции в Узбекистане (*справка Центра народной дипломатии Шанхайской организации сотрудничества № 235/25 от 28 апреля 2025 года*). В результате сформированные научные выводы и мнения, выдвинутые предложения и разработанные рекомендации из диссертации послужили подготовке информационно-аналитических материалов для международных научно-практических конференций «Будущее ШОС: перспективные направления сотрудничества» и «Региональное сотрудничество в Центральной Азии: политико-социальные и философско-правовые аспекты».

Апробация результатов исследования. Результаты данного исследования обсуждались на 8 научных форумах, в том числе на 3 международных и 5 республиканских конференциях.

Публикация результатов исследования. По теме диссертации издано 19 научных работ, в частности 18 статей в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Узбекистан для публикации основных результатов докторских диссертаций, и 1 монография.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, приложения и списка использованной литературы. Общий объём диссертации составляет 267 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении в диссертацию обоснованы актуальность и необходимость

темы исследования, показано её соответствие приоритетным направлениям развития науки и технологий республики, сделан обзор зарубежной литературы в рамках темы, описаны степень изученности темы и её связь с диссертационной работой, определены цели и задачи, объект и предмет диссертационной работы, показаны научная новизна и практические результаты исследования, указаны основные методы исследования, с учётом обоснования достоверности полученных результатов раскрыты их теоретическое и практическое значение, а также приведены сведения касательно внедрения результатов исследования в практику, их апробации и опубликованных работ.

В первой главе диссертации, которая называется «**Теоретико-методологические основы исследования возникновения движения «Талибан»**», изучаются внутренние и внешние факторы, повлиявшие на возникновение этого движения, а также теоретико-методологические подходы к исследованию этого движения.

На сегодняшний день фактор «Талибан»⁴⁵ играет важную роль в судьбе Афганистана, в жизни государства и общества. Вне всякого сомнения, если с середины XX века «Талибан» в той или иной форме становился активным участником военно-политических процессов в Афганистане, то сейчас он удерживает власть как главный персонаж на афганской «политической сцене». Примечательно, что сегодняшний фактор «Талибан» не ограничивается только Афганистаном – его возникновение, формирование и эволюция свидетельствуют о том, что он уже стал фактором, находящимся в центре серьёзного внимания не только ближайших и дальних соседей Афганистана, но и арабских, иранских и заокеанских стран.

Территория Афганистана исторически была местом обитания представителей различных религий, сект, племён и народностей. Если временами они мирно сосуществовали, время от времени также вступали в конфликты и воевали друг с другом, не находя согласия. К сожалению, до сих пор вооружённые конфликты и войны в Афганистане имели большую продолжительность, нежели периоды мирного времени. Такая специфика требует разделения внутренних факторов, связанных с возникновением движения «Талибан» в Афганистане, на две группы:

Религиозный фактор. Ислам – это не только образ жизни афганцев, но также их судьба, и так повелось издревле. Для благочестивого афганского мусульманина Ислам – это вопрос жизни и смерти. Как отметил известный дипломат, профессор А. Хайдаров, исламский фактор считается важным элементом, непосредственно влияющим на принятие политическим руководством Афганистана всех видов решений⁴⁶. Целесообразно

⁴⁵ Термин "Талибан" (произносится как "толибон") образован путём соединения арабского "толиб" (ученик) и персидского суффикса множественного числа "он". Однако в большинстве случаев этот термин неправильно интерпретируется на узбекском языке как "талибаны", что приводит к тавтологии. С этой точки зрения, в плане лингвистики целесообразно интерпретировать такой политический термин как "Талибан" или "талибы" и писать его в кавычках (примечание автора).

⁴⁶ Хайдаров А.А. Влияние исламского фактора на советско-афганские отношения (1978-1990 гг.). Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Москва, 1991. – С.3.

исследовать процессы политизации ислама в Афганистане, включая активизацию оппозиционных исламских групп, разделив их на три группы.

Первую группу составляют сторонники исламизма, сформировавшегося под влиянием идеологии «Братьев-мусульман» в Египте. Специалисты считают, что проникновение религиозно-политических взглядов «Братьев-мусульман» на территорию Афганистана относится к 60-м годам XX века. По словам руководителя представительства Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР в Афганистане (1980 - 1982 годы), генерал-майора Виктора Спольникова, первая исламская фундаменталистская организация в Афганистане была создана в 1969 году. В 1965 году по инициативе декана теологического факультета Кабульского университета, «профессора» (*мастера*) Гуляма Мухаммада Ниязи, был организован закрытый кружок. Также на инженерном факультете был создан ещё один аналогичный фундаменталистский кружок, членами которого были Гулбиддин Хикматьяр, Сайфиддин Нусратьяр и Хабиб Рахмон. По инициативе студентов инженерного факультета деятельность двух кружков была объединена с целью «совместной борьбы», и на первом же заседании в 1969 году была основана организация «Мусульманская молодёжь» (*Javonon-e Muslim*) – первая фундаменталистская организация в Афганистане⁴⁷. Примечательно, что «Мусульманская молодёжь» выбрала в качестве главного образца для своей деятельности идеологию организации «Братья-мусульмане» в Египте. Как отмечает французский исламовед Оливье Руа, процесс усиления оппозиционных исламских движений в Афганистане тесно связан с движением «Исламское общество» (*техрик-е ислами* или *нихзат-е ислами*), основанным в 1958 году⁴⁸.

Вторая группа – это религиозные группы, созданные на основе идеологии «деобандизма». Деобандизм опирается на хадисы, а также учение и правовые традиции ханафитского мазхаба. Создание основ этого движения непосредственно связано с деятельностью медресе «*Dor ul-ilm*» (Дом знаний), созданного в 1866/67 годах в Деобанде. Если в 1879 году в Индии было всего 12 деобандийских медресе, то к 60-м годам XX века их общее число в Южной Азии достигло 9000⁴⁹. Управленческую деятельность под руководством Бача-и Сакао⁵⁰ (далее Хабибулла Кулакани), захватившего Кабул в январе 1929 года, можно расценивать как первое фундаменталистское движение в истории независимого Афганистана. По имеющимся данным, Бача-и Сакао с самого начала вёл себя не как национальный лидер афганских таджиков, а как мусульманский правитель. В этом плане Бача-и Сакао стремился распространить свою власть и влияние не только на афганцев, но и на всю умму (религиозную общину), включая Индию и Советскую Среднюю Азию. Афганский историк Мир Гулам Мухамед Губар в своей книге «Афганистан на пути истории» приводит

⁴⁷ Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. – Москва, Наука. 1990. – С.15-16.

⁴⁸ Olivier Roy. *Islam and Resistance in Afghanistan*. Cambridge University Press (second edition), 1990. – P.70.

⁴⁹ Бобокулов И.И. Афганистон. Словарь-справочник. – Т.: “Complex Print”, 2021. – С.87.

⁵⁰ *Vacha-ye Saqo* – Сын водоноса. В этническом отношении принадлежит к таджикской национальности.

интересные сведения о том, что Хабибулла Кулакани призывал афганцев к борьбе за освобождение Бухары и очень хотел захватить трон эмира Бухары, а также стремился привезти в Афганистан из Индии сандаловые ворота, которые считаются для мусульман священными⁵¹.

Третья группа. И хотя имеются данные, подтверждающие, что корни движения «Талибан» восходят к учениям деобандийских медресе, можно считать, что на религиозные убеждения «Талибана» также частично повлияло ваххабитское учение. Этот процесс особенно усилился накануне ввода советских войск в Афганистан. Ахмед Рашид, один из известных пакистанских экспертов, изучавших «Талибан», также упоминал об «афганских ваххабитах», которые называют себя салафитами, отмечая в своём труде, что их идеология не получила широкого распространения по всему Афганистану из-за неприязни к ней простых афганцев⁵².

Как мы видим, религиозные корни возникновения движения «Талибан» гораздо более исторически обоснованы и, естественно, вызывают различные научные споры о том, были ли они вдохновлены радикальными религиозными взглядами, таких организаций и движений, как «Братья-мусульмане», деобандизм или ваххабизм. Тем не менее, с нашей точки зрения, религиозно-идеологическую основу возникновения движения «Талибан» составляет учение Деобанди. Прочие радикальные взгляды, под влиянием внешних факторов, служили лишь дополнением к идеологии «Талибана».

Этнический фактор. Афганистан – страна разнообразных этносов и племён. В этой стране проживают представители более 30 наций и народностей. Важно подчеркнуть, что этническое ядро движения «Талибан» составляют пуштуны, которые, в свою очередь, использовали пуштунский фактор для пополнения рядов своих сторонников. Профессор ближневосточных исследований Военного колледжа армии США Ларри Гудсон перечисляет следующие 5 факторов развития движения «Талибан»: пуштуны, небоевой класс, религиозное благочестие, денежные средства и помощь Пакистана⁵³. Как мы видим, первым из факторов усиления движения «Талибан» профессор назвал пуштунский фактор. Профессор Университета Индианы Абдулкадир Синно пишет, что начиная с 1978 года провести всеобщую мобилизацию пуштунов удалось только движению «Талибан»⁵⁴.

Исследование процессов формирования движения «Талибан» требует специфического ретроспективного подхода. И хотя мировое сообщество впервые узнало о «Талибанах» в середине 1990-х годов, исследования, посвящённые его формированию и тенденциям развития, указывают на то, что движение возникло гораздо раньше. Иными словами, мировое

⁵¹ میر غلام محمد غبار. افغانستان در مسیر تاریخ. مرکز نشر انقلاب. ۱۳۶۸ - ص. ۸۲۷.

⁵² Rashid Ahmed. Taliban: The Power of Militant Islam in Afghanistan and Beyond. – London. I.B.Tauris, 2010. – P.85.

⁵³ Larry P. Goodson. Afghanistan's Endless War: State Failure, Regional Politics, and the Rise of the Taliban. University of Washington Press, 2001. – P.109-111.

⁵⁴ Sinno Abdulkader. Explaining the Taliban's Ability to Mobilize the Pashtuns // The Taliban and the crisis of Afghanistan. – Cambridge, Harvard University Press. 2009. – P.59.

общественное мнение ещё не знало, что перед тем как выйти на афганскую политическую арену как движение «Талибан» и добиться военно-политического успеха «талибы» (студенты) медресе уже имели почти 20-летнюю историю. В этом плане очень сложно согласиться с мнениями, в рамках которых появление «Талибана» расценивается как результат широкого народного движения. Его создание является продуктом столкновения геополитических интересов во время советско-афганской войны. В частности, напряжённая геополитическая ситуация, сложившаяся в то время на афганской земле, привела к тому, что такие страны, как США, Пакистан и Саудовская Аравия, имели общую важную стратегическую заинтересованность в разработке проекта «Талибан».

Современная система международных отношений требует продвижения различных новых теорий и подходов к «Талибану». По нашему мнению, способствовать академической оценке фактора «Талибан», введению его в сферу научных дискуссий и созданию новых теоретических идей могут следующие теории:

Теория «Чёрного лебедя». Логика теории «Чёрного Лебедя» заключается в том, что событие, которого не ждут, может произойти, а ожидаемое событие, которое возможно произойдёт, не происходит. Первый (1996 год) и второй (2021 год) случаи захвата власти движением «Талибан» считаются «чёрными лебедями». Если (повторный) приход движения «Талибан» к власти в Афганистане был явлением, которое для простых людей стало «чёрным лебедем», то для тех сил, которые планировали этот приход и выводили «Талибан» на политическую арену, это было заведомо известное явление. Если бы запланированное по какой-то причине не осуществилось, это событие превратилось бы в «чёрного лебедя» и для этих сил.

Талибанизм (Talibanism). Талибанизм – это теория, выражающая религиозную форму правления движения «Талибан». Сравнивая сходства и различия в религиозно-идеологических взглядах между «Братьями-мусульманами» в Египте, ваххабизмом в Саудовской Аравии, исламскими революционными движениями в Ливии и Иране и движением «Талибан», Питер Марсден, один из экспертов ОБСЕ по Ближнему Востоку и Афганистану, приходит к следующему выводу об их влиянии на религиозную догму «Талибана»: «Будет неверным делать вывод, что мотивы «Талибана» вдохновляло определённое движение, взятое им за образец. Однако члены «Талибана» воспитывались и получали образование в среде, в которой находились в обращении многие из этих идей. Таким образом, хотя «Талибан» и утверждает, что следует афганским обычаям и опыту в сфере внедрения исламских правил и законов, нельзя отрицать, что на его идеологию повлияли другие исламские течения»⁵⁵. Мы считаем, что, исходя из деятельности нынешнего правительства «Талибана 2.0», эту теорию следует исследовать, разделив её на две части.

⁵⁵ Marsden Peter. The Taliban: War and Religion in Afghanistan. – London, Zed Books Ltd. 2002. – P.76-77.

Неоталибанизм (Neo-Talibanism). Профессор Королевского колледжа Лондона (Kings College London), старший научный сотрудник Королевского объединённого института оборонных исследований (англ. Royal United Services Institute for Defence and Security Studies, ранее англ. Royal United Services Institution, RUSI), известный эксперт, занимавшийся вопросами движения «Талибан» и терроризма в Афганистане, Антонио Джуостоци изучает различия между «старым Талибаном» и «новым Талибаном»⁵⁶. Результаты исследований, проведённых иранскими учёными Саидом Яхьёй Рахимом Сафави, Алмасом Ислами и Киёнушем Киёкджури, показывают, что отсутствие внутренней сплочённости в Афганистане и неспособность «Талибана» обеспечить полноценный суверенитет по всей стране, а также то, что «Талибан» не захотел вовлечь различные общественно-политические группы в процесс построения государства и общества, являются одной из сложностей, с которыми столкнулось зарождение неоталибанизма в Афганистане. Опираясь на комплексную теорию региональной безопасности, разработанную представителями Копенгагенской школы Барри Бузаном и Оле Вевером, эти учёные оценивают возникновение неоталибанизма в Афганистане как внешнюю угрозу⁵⁷.

Панталибанизм (Pan-Talibanism). Панталибанизм как учение, направленное на распространение религиозных убеждений и идеологических взглядов «Талибана» за пределы Афганистана, требует проведения более широких научных исследований. В этом плане панталибанизм является свойственным «Талибану» проявлением исламской идеологии.

Во второй главе диссертации, которая называется **«Влияние ситуации, сложившейся в период «Исламского Эмирата Афганистан», на систему региональной безопасности Центральной Азии (1996-2001)»**, исследовано появление движения «Талибан» на политической арене Афганистана и, как следствие, превращение афганской территории в источник серьёзной угрозы для региональной безопасности Центральной Азии.

В связи с тем, что в начале 90-х годов XX века не была сформирована система обеспечения региональной безопасности Центральной Азии, первоначально в каждой стране региона существовали разные подходы к безопасности. Но такие угрозы, как религиозный экстремизм, терроризм и наркоторговля, в одинаковой степени тревожили все страны региона. А главное, все эти риски были тесно связаны с началом гражданской войны в Афганистане и последующим установлением власти «Талибана» в Кабуле.

«Победа исламизма над коммунизмом» в Афганистане нашла отклик и в Центральноазиатском регионе. Этому в определённой степени

⁵⁶ Giustozzi Antonio. Koran, Kalashnikov and Laptop: Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan. – London, 2007. – P.12-13.

⁵⁷ سيدیحی رحیم صفوی، الماس اسلامی، کیانوش کیاکجوری. نوظالبانیسم در افغانستان و امنیت ملی جمهوری اسلامی ایران // فصلنامه مطالعات بنیادین و کاربردی جهان اسلام، سال پنجم، شماره هفدهم، پاییز ۱۴۰۲. – ص. ۱۱۹.

Said Yahyo Rahim Safaviy, Olmos Islomiy, Kiyonush Kiyokjuriy. Afg'onistonda Neotolibonizm va Eron Islom Respublikasi milliy xavfsizligi (Неоталибанизм и национальная безопасность Исламской Республики Иран в Афганистане) // Журнал фундаментальных и прикладных исследований исламского мира. № 3, 2023. – С.119.

способствовало начавшееся на территории Ближнего Востока и Афганистана в конце 60-70-х годов XX века явление «исламского возрождения». Профессор Р. Алимов, цитируя таджикских экспертов, отмечает, что, если бы в 60-70-х годах прошлого века не появились новые течения и различные направления в исламских взглядах, такие «эпизоды идеологической агрессии» не привели бы к усилению политического ислама на всём пространстве бывшего Советского Союза, включая страны Центральной Азии⁵⁸. К началу 90-х годов XX века были предприняты серьёзные попытки заполнить идеологический вакуум в регионе идеями исламизма. В результате десятки таких экстремистских организаций, как «Хизб ут-Тахрир», «Исламское движение Узбекистана», «Партия исламского возрождения Таджикистана», «Адолат», «Тавба», «Таблигчилар», «Акромийлар», «Ислом лашкарлари», «Нурчилар», стали представлять собой серьёзную угрозу безопасности Центральноазиатского региона. Тот факт, что движение «Талибан» дало прибежище международной террористической организации «Аль-Каида», а также обучение ряда террористических и экстремистских организаций, представляющих угрозу для региона, в лагерях в Афганистане и Пакистане ставило под вопрос процесс укрепления безопасности государств Центральной Азии. Согласно документам, в Пакистане было создано 180 военных лагерей, где прошло подготовку более 40 000 экстремистов⁵⁹. Согласно анализу, представленному в ежегодном отчёте Международного института стратегических исследований, чья штаб-квартира находится в Лондоне, в период с 1996 по 2001 год в афганских лагерях «Аль-Каидой» было подготовлено 18 000 моджахедов. И сейчас они рассеяны по 60 странам⁶⁰. Однако после событий 11 сентября 2001 года практика США в сфере борьбы с международным терроризмом положила начало новому этапу в формировании региональной системы безопасности в Центральной Азии.

В 90-х годах XX века с обострением ситуации в Афганистане и приходом к власти движения «Талибан» наркоторговля стала процветать. Потому что к этому моменту наркобизнес стал одним из важных источников финансирования терроризма и экстремизма. На территориях, перешедших под контроль «Талибана», основную часть доходов составлял наркобизнес. Согласно данным, в это время опиум производился в 10 из 32 вилайатов (провинций) Афганистана, и «талибы» взяли под свой контроль 8 из них: Фарах, Нимруз, Гильменд, Кандагар, Урузган, Забуль, Нангархар и Кунар. В период с 1995 по 1996 год площади, на которых выращивались наркотические растения, колебались от 55 000 до 58 000 гектаров. Объём получаемого сухого опиума составляет 2200 и 2300 тонн в год, что эквивалентно 40 % от мирового оборота нелегальной наркоторговли⁶¹. Как

⁵⁸ Alimov R.M. *Central Asia: Common Interests*. – Т.: Sharq, 2005. – P.361.

⁵⁹ Documents expose: In the Continuation of Interference. Pakistan violates Geneva Agreements. 1990. – P.27.

⁶⁰ Маккамбаев П.А. Военно-политическая ситуация в Афганистане и её влияние на пограничную безопасность государств Центральной Азии. – Т.: Адолат, 2013. – С.330.

⁶¹ Matinuddin Kamal. *The Taliban phenomenon: Afghanistan 1994-1997*. – New York. Oxford University Press, 1999. – P.118.

свидетельствуют афганские источники, в 1997 году 94,6 % производимых в Афганистане наркотических веществ производились на территориях, контролируемых «Талибаном». В 1998 году производство опиума в Афганистане превысило 25 % и составило 2800 тонн. Согласно опубликованным данным, 90 % наркотиков, выращенных в Афганистане, были вывезены за пределы страны контрабандным путём⁶². К 1999 году Афганистан стал лидером мирового наркопространства. В том же году объём наркотиков в стране достиг рекордного уровня – 4565 тонн.

К 1997 году движение «Талибан» захватило север Афганистана и взяло под контроль почти 90 % территории страны, что в совокупности с братоубийственной войной в Таджикистане создало проблему афганских беженцев в Центральноазиатском регионе. Следует отметить, что с 1997 года проблема беженцев усугубилась в силу этнического характера столкновений между противоборствующими силами на севере Афганистана. В 1997 году в противовес движению «Талибан», в основном состоящему из пуштунов, на севере Афганистана возникло движение под названием «Северный Альянс»⁶³, состоящее в основном из этнических узбеков и таджиков. Однако победа «Талибана» над силами «Северного альянса» указывала на значительный рост потока беженцев в Центральной Азии и о необходимости немедленного решения вопроса этнической безопасности в регионе. Если, согласно данным, с 1993 по 2001 год в Кыргызстане было зарегистрировано 2,266 граждан Афганистана, то в Узбекистане эта цифра составляла 8,000. С 1994 по 1998 год в Казахстане было зарегистрировано 2,105 афганцев. В 1997 году в Таджикистане было выявлено 20,000 нелегальных афганских мигрантов⁶⁴. Если сложить эти цифры, то в 90-х годах XX века в Центральной Азии находилось около 30 тысяч афганских мигрантов. Вполне естественно, что наряду с тем, что рост числа афганских беженцев в регионе создавал социальные и экономические проблемы для принимающих стран, это также привело к риску проникновения в регион членов террористических и экстремистских группировок в составе нелегальных беженцев.

Следует отметить, что в этот период страны региона испытывали очень большие затруднения, связанные с обеспечением безопасности. Если, с одной стороны, большинство из этих проблем было напрямую связано с возникновением движения «Талибан» в Афганистане, то, с другой стороны, эти проблемы были связаны с началом гражданской войны в Таджикистане. Учитывая последовательный захват территорий Афганистана силами «Талибана» и спектр геополитических интересов стоящих за этим сил, страны Центральной Азии также начали продвигать аналогичный подход к «Талибану». Согласно исследованиям и анализу, подходы стран Центральной Азии к власти «Талибана» в этот период целесообразно разделить на 3 типа.

⁶² Press Release of the Embassy of the Islamic State of Afghanistan in Tashkent. 1998 йил 1 январь. – Б.7-8.

⁶³ Официальное название – «Объединённый исламский фронт спасения Афганистана».

⁶⁴ Князев А.А. Влияние афганского кризиса на безопасность Центральной Азии (1990-е-начале 2000-х гг.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктор исторических наук. – Бишкек, 2004. – С.27-28.

Первый – это сторона, поддерживающая власть «Талибана» (Туркменистан); второй – сторона, изначально противостоявшая движению «Талибан», а затем установившая с ним соответствующий и временный контакт (Узбекистан); и третий – страны Центральной Азии (Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан), которые абсолютно против правления «Талибана» в Афганистане.

Географически Узбекистан является единственным государством в регионе, непосредственно граничащим со всеми остальными государствами Центральной Азии и Афганистаном, что является очевидным поводом для признания его роли и значения в процессах региональной безопасности. В частности, Республика Узбекистан внесла ощутимый вклад в процессы, направленные на предотвращение вызванных братоубийственными войнами в двух соседних государствах (Афганистане и Таджикистане) терроризма и экстремизма, угрозы распространения торговли наркотиками и оружием по всему Центральноазиатскому региону, а также различных межэтнических конфликтов. Как пишет Ахмед Рашид, «Узбекистан является ведущим игроком в новой Большой игре»⁶⁵. Разумеется, у этой фразы есть свой особый смысл. Если, с одной стороны, Узбекистан находится в процессе соответствующего диалога с «Талибаном» с 1999 года, то, с другой стороны, он поддерживал связь и с «Северным Альянсом». Так, Узбекистан внёс свой вклад в процесс политического урегулирования афганского конфликта путём переговоров, призвав все воюющие стороны в Афганистане к прекращению огня. В годы правления «Талибана» в 1996-2001 годах и последующего вторжения сил международной коалиции во главе с США в Афганистан, администрация Узбекистана выдвинула такие важные инициативы, как контактные группы «6+2» и «6+3».

Третья глава диссертации, которая называется **«Фактор «Талибан» в интересах крупных и региональных центров силы в Афганистане»**, посвящена изучению интересов и подходов США, Китая, России, Пакистана, Ирана, Индии и арабских стран, связанных с «Талибаном».

Администрация 47-го президента США Дональда Трампа вновь выдвигает афганский вопрос на повестку дня внешней политики США. Это означает, что США и впредь будут стремиться поддерживать свои интересы в этой стране (будь то через «Талибан» или другими путями). В своих современных внешнеполитических подходах к Афганистану основное внимание Америка уделяет максимальному использованию возможностей своих союзников в регионе. В частности, основными партнёрами Соединённых Штатов благодаря своим тесным связям с правительством «Талибана 2.0» становятся такие страны, как Катар, ОАЭ, Индия и Саудовская Аравия.

В отличие от США и России, Китай является для Афганистана крупным соседом, имеющим с ним общую границу. Оперативный диалог,

⁶⁵ Rashid Ahmed. Taliban: The Power of Militant Islam in Afghanistan and Beyond. – London. I.B.Tauris, 2010. – P.150.

установленный Китаем с правительством «Талибана 2.0» после 2021 года, можно объяснить двумя важными причинами: это заполнение геополитического вакуума в Афганистане после США посредством экономической дипломатии и обеспечение национально-региональной безопасности. С этой точки зрения геополитические интересы Пекина, связанные с «Талибаном 2.0», основаны на принципе «инвестиции в обмен на безопасность». Китай не заинтересован в том, чтобы Афганистан снова попал в водоворот гражданской войны, превратился в пространство экстремизма, сепаратизма и терроризма.

После того, как в Афганистане снова пришло к власти движение «Талибан», Россия первоначально заняла наблюдательную позицию. Иными словами, с одной стороны Москва стремилась наладить сотрудничество с правительством «Талибана 2.0», которое полностью взяло Афганистан под свой контроль, а с другой стороны внимательно наблюдала за подходами стран Центральной Азии к правительству «Талибана 2.0». В целом, правительство «Талибана 2.0» частично отражает геополитические интересы России в отношении Афганистана. Однако Москва в своих отношениях с сегодняшним правительством «Талибана 2.0» предпочитает руководствоваться принципом «доверяй, но проверяй».

Пакистан является страной-соседом Афганистана с самой большой границей с ним. Переговоры между США и движением «Талибан», которые начались быстрыми темпами в 2018 году, были оценены большинством аналитиков как успех Пакистана. Так как эта оценка основывалась на гипотезе о том, что после вывода Америкой своих войск из Афганистана движение «Талибан» захватит власть в Кабуле, после чего Пакистан станет единственным актором, обладающим влиянием в Афганистане. Однако, по истечении времени такая гипотеза не нашла своего подтверждения. Даже наоборот, отношения между Исламабадом и «Талибаном» на сегодняшний день обостряются, превращая их в серьёзных конкурентов. Исходя из анализа и наблюдений, отношения между Исламабадом и «Талибаном» охватывают период от братства (Талибан 1.0) до конкуренции (Талибан 2.0). На наш взгляд, при выявлении и оценке причин, которые к этому привели, следует обратить внимание на «линию Дюранда», пуштунский вопрос, «Техрек-е Талибан Пакистан» (ТТП), беженцев и водные факторы, влияющие на отношения между Пакистаном и Афганистаном.

Исламская Республика Иран имеет историю тесных социально-культурных и политических связей с Афганистаном. Вывод войск США из Афганистана и установление власти «Талибана» в Кабуле могли создать более благоприятную среду для Тегерана. Потому что для Тегерана контакты с «Талибаном» были бы более предпочтительными, нежели военное присутствие США прямо на иранской границе. Однако политика Ирана в Афганистане столкнулась и продолжает сталкиваться с такими проблемами, как этно-религиозные конфликты с правительством «Талибана 2.0», беженцы, водный фактор и безопасность границ. Поэтому интересы Ирана, связанные с «Талибаном 2.0», заключаются в поддержании связей с

правительством «талибов» в сфере обеспечения безопасности границ, урегулирования споров путём переговоров и применении сбалансированной дипломатии в этом отношении, а также в недопущении разжигания антииранских настроений в Афганистане через «Талибан» со стороны Саудовской Аравии и Катара, которые считаются региональными соперниками Ирана.

Хотя у Индии нет общей границы с Афганистаном, она считает эту страну своим ближайшим соседом. Вывод военных сил США с территории Афганистана в 2021 году и захват власти в Кабуле движением «Талибан» поначалу создали впечатление, что все усилия Индии были сведены на нет, потому что тесные связи между Исламабадом и «Талибаном» всегда вызывали беспокойство в Нью-Дели. По этой причине Индия была одной из двух стран (вторая страна – Таджикистан), находящихся поблизости от Афганистана и воздерживавшихся от диалога с «Талибаном». Однако в последнее время из-за «Техрек-е Талибан Пакистан» масштабы конфликта между Пакистаном и «Талибаном» настолько обострились, что это изменило взгляды и подходы Индии к «Талибану» и создало необходимость разработки новой стратегии. В этом плане Нью-Дели начал предпринимать усилия, направленные на установление соответствующих связей с «Талибаном» и тем самым поддерживать де-факто правительство «Талибана» против Пакистана. С этой точки зрения, в современных реалиях фактор «Талибан» рассматривается как источник стратегических возможностей для Индии.

За последнее десятилетие Государство Катар стал одним из ведущих игроков среди региональных акторов, связанных с Афганистаном. Следует отметить, что в отличие от арабских стран, таких как Саудовская Аравия и ОАЭ, Катар официально не признал правительство «Талибана», которое управляло Афганистаном с 1996 по 2001 год. По данным New York Times, Саудовская Аравия и ОАЭ в своё время соперничали с Катаром за открытие политического офиса движения «Талибан» на своей территории⁶⁶. Однако политический офис движения «Талибан», открывшийся в Дохе в 2013 году, в короткие сроки определил влияние Катара на «разрешение» афганского кризиса.

Администрация Саудовской Аравии изначально выбрала позицию «наблюдать и ждать» в отношении вновь сформированного правительства Афганистана, осуществляя уже имеющиеся контакты через гуманитарные программы и благотворительные фонды, а также через Организацию исламского сотрудничества и Исламский банк развития. Однако Эр-Рияд не мог долго оставаться равнодушным к ситуации в Афганистане, так как «Талибан» проявил себя не только как реальная сила, захватившая власть в Афганистане, но и как группа, наладившая соответствующий диалог с региональными акторами. Руководство страны прекрасно понимало, что такая ситуация в конечном итоге нанесёт серьёзный ущерб лидерству

⁶⁶ Persian Gulf Rivals Competed to Host Taliban, Leaked Emails Show // New York Times, July 31, 2017. <https://www.nytimes.com/2017/07/31/world/middleeast/uae-qatar-taliban-emails.html>

Саудовской Аравии в исламском мире. Поэтому Саудовская Аравия считает, что альтернативы продолжению связей с «Талибаном» на сегодняшний день нет.

ОАЭ, относящиеся к арабским монархиям, также входят в число региональных центров силы, которые установили тесные связи с правительством «Талибана 2.0». Интересы Абу-Даби в Афганистане схожи с интересами Эр-Рияда. За истекший период времени Абу-Даби, в отличие от Саудовской Аравии, не полностью разорвал связи с сетями «Талибана». В отличие от Катара, ОАЭ имеют более прочные связи с военным крылом движения «Талибан», нежели с его политическим крылом. Согласно данным, «Сеть Хаккани» (Haqqani Network) движения «Талибан» поддерживалась на протяжении многих лет при финансовой поддержке ОАЭ.

В четвёртой главе диссертации, которая называется **«Влияние фактора «Талибан» на систему региональной безопасности Центральной Азии: возможности, проблемы и перспективы»**, проанализированы внешнеполитические подходы стран Центральной Азии к правительству «Талибана 2.0», возможное влияние деятельности этого правительства на систему региональной безопасности Центральной Азии, в том числе на стратегию региональной безопасности Узбекистана.

С падением правительства Кабула, возглавляемого на тот момент Ашрафом Гани, и переходом контроля в руки движения «Талибан» 15 августа 2021 года, а также официальным выводом военных сил США с территории Афганистана в конце августа странам Центральной Азии пришлось пересмотреть свои подходы к ситуации в Афганистане. В связи с этим перед странами Центральной Азии встала уникальная дилемма, и установление правительства «Талибана 2.0» стало рассматриваться, с одной стороны, как источник возможностей, а с другой стороны, как угроза национальной безопасности. И вот с этой точки зрения, подходы и отношения стран Центральной Азии к «Талибану 2.0» можно разделить на 3 типа в зависимости от уровня. Это страны, которые установили последовательный, активный и высокоуровневый диалог с правительством «Талибана 2.0» (Узбекистан и Туркменистан), страны, которые установили диалог на среднем уровне (Казахстан и Кыргызстан), и Таджикистан, который практически не вступает в диалог с «Талибаном» и оценивает текущую ситуацию в Афганистане как угрозу безопасности.

С конца августа 2021 года в результате официального вывода военных сил США с территории Афганистана началась новая эра «перестройки» системы региональной безопасности Центральной Азии. Хотя для стран Центральной Азии и не сложилась столь серьёзная угрожающая ситуация, как в 90-х годах XX века, не стоит упускать из виду потенциальные угрозы региональной безопасности, которые могут возникнуть как следствие стиля религиозного управления правительства «Талибана 2.0», принимаемых им решений, продолжающихся регулярных контактов между некоторыми его структурами и международными террористическими группировками, а также

их заявлений. По нашему мнению, такие потенциальные риски представляют собой сочетание как традиционных, так и нестандартных рисков.

Панталибанизм и терроризм. Своеобразная модель управления, основанная талибами в Афганистане, совершенно чужда не только светским формам правления государств Центральной Азии, но и мусульманским обществам стран региона, опирающимся на умеренные исламские ценности. Нет сомнений, что религия имеет свои роль, место и даже решающее значение в жизни государства и общества Афганистана. Однако, если она будет наполнена крайне радикальными идеологией и учениями, если будут наблюдаться процессы её политизации, это не может не повлиять на стабильность государства и общества. Оглядываясь на историю Афганистана, мы видим, что религиозная власть в этой стране ещё не устанавливалась в таком масштабе и не господствовала в течение длительного времени. Военно-политические попытки реализовать это осуществлялись на основе долгосрочных стратегических интересов внешних сил и установленных ими доктрин. Обратим внимание на вывод, сделанный известным афганским учёным Ньматуллою Нуджуми который в определённом смысле служит подтверждением наших мыслей: «Разделение государства и религии было важной составляющей национальной политики Афганистана. В прошлом Афганистан никогда не управлялся религиозными лидерами. Государственные лидеры всегда руководили общественными делами, а религиозные учреждения управлялись независимо или под государственным контролем»⁶⁷. Как справедливо пишет эксперт Казахстанского института азиатских исследований Нуриддин Султанмурадов, с августа 2021 года государственное управление в Афганистане стало ориентироваться на совершенно иную модель, связанную со значительным ростом роли религии в построении государства и общества. В отличие от ориентированной на модернизм модели развития, такая модель, имеющая по своей природе архаичную форму, может привести к значительным последствиям. Это касается не только самого Афганистана, но и всего региона. Между прочим, сторонники деобандистской школы ислама пришли к власти в отдельной стране впервые. Кроме того, эта форма ислама выделяется своей радикальностью, так как деобандисты призывают к возвращению исторической роли ислама в обществе, к «... дословному прочтению старых религиозных традиций, к идеализации прошлого и, в целом, к соблюдению крайне строгих религиозных практик Средневековья». Если принять во внимание, что во всех обществах Центральной Азии есть сторонники построения государства на основе исламских принципов, модель «Талибан» может стать точкой опоры для этой категории населения⁶⁸.

⁶⁷ Nojumi Neamatollah. The rise of the Taliban: mass mobilization, civil war, and the future of the regime. – New York, Palgrave. 2002. – P.224.

⁶⁸ Султанмурадов Н. К вопросу о политике Казахстана по отношению к Афганистану // Международные, глобальные и региональные процессы: Международные отношения, глобальные и региональные исследования. Журнал «Россия и мир: научный диалог», № 2(8) Июнь 2023. – С.103.

Тот факт, что международные террористические организации «ИГИЛ-Хорасан» и «Аль-Каида» всё ещё находятся в Афганистане, считается серьёзной угрозой региональной безопасности Центральной Азии. Согласно отчёту аналитической группы Совета Безопасности ООН, общее количество членов организации «ИГИЛ-Хорасан» составляет 2000-3500 человек. Как сообщила аналитической группе одна из стран-членов ООН, «ИГИЛ-Хорасан» планирует установить территориальный контроль в ряде районов Афганистана и проникнуть в соседние страны Центральной Азии. Согласно другим сведениям, в 2023 году лидеры «ИГИЛ-Хорасан» получили финансовую помощь в размере 2,5 млн долларов США из различных источников для совершения теракта 24 марта 2024 года в московском комплексе «Crocus City Hall» и дестабилизации ряда стран региона⁶⁹. По данным исследовательской службы Конгресса США, на территории Афганистана в общей сложности действует не менее 7 террористических организаций (Аль-Каида, Аль-Каида на индийском субконтиненте, ИГИЛ-Хорасан, Сеть Хаккани, Исламское движение Узбекистана, Пакистанское движение «Талибан», Исламское движение Восточного Туркестана)⁷⁰. В Самаркандской декларации, принятой 14 апреля 2023 года, стороны заявили, что все террористические группировки, в частности, «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), «Аль-Каида», «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ), «Тахрик-е-Талибан Пакистан» (ТТП), «Армия освобождения Белуджистана» (АОБ), «Джундаллах», «Джайш аль-Адл», «Джамаат Ансаруллах», «Исламское движение Узбекистана» и другие террористические организации, базирующиеся в Афганистане, представляют серьёзную угрозу региональной и глобальной безопасности⁷¹.

Следует отметить, что после установления власти «Талибана 2.0» в Афганистане можно наблюдать различные столкновения на границах с соседними странами. Согласно списку ООН, составленному на период с августа 2021 года по октябрь 2023 года, в приграничных районах произошло около 80 вооружённых столкновений. В частности, на афгано-пакистанской границе произошло 59 вооружённых столкновений, на афгано-иранской границе – 16, на афгано-таджикской границе – 3 и на афгано-узбекской границе – 1⁷².

Политика пуштунизации. Политика переселения (пуштунизации) не является новой для Афганистана, поскольку она началась в конце XIX века, и направлена она на обеспечение переселения большинства пуштунов в

⁶⁹ Письмо Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями от 31 мая 2024 года на имя Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюцией 1988 (2011). S/2024/499. 8 July 2024. – С.17-18.

⁷⁰ Thomas Clayton. Terrorist Groups in Afghanistan // Congressional Research Service (CRS). April 2, 2024. <https://sgp.fas.org/crs/row/IF10604.pdf>

⁷¹ Samarkand Declaration of the Fourth Meeting of Foreign Ministers of Afghanistan's Neighboring States // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, April 14, 2023. https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367494.html

⁷² Нессар О. Особенности управления в Афганистане в период 2021–2024 гг. // Международные, глобальные и региональные процессы. Международные отношения, глобальные и региональные исследования. Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). – С.82-83.

непуштунские районы. По словам таджикского учёного Р. Мамадшоева, в Государственном архиве Республики Узбекистан имеется интересный документ на таджикском языке следующего содержания: «Эмир Абдурахман приказал переселить из г. Герата и Кандагарской области 50 тысяч дворов афганцев (пуштунов) в Чорвилоят. 12 тысяч дворов уже переселены из Герата на береговую линию реки и наделены землёй, освобождены от государственной повинности на 12 лет... 38 тысяч идут в Андхой, Акчу и Келиф на берег реки, где место для них приготовлено...»⁷³. Правители Афганистана, происходящие из пуштунских династий, проводили политику распространения пуштунского языка и культуры на все этнические группы в стране, и расселения пуштунов на плодородных, стратегически важных территориях со всеми удобствами для проживания. По данным Агентства ООН по делам беженцев, в 2022 году было перемещено 820 000 человек⁷⁴. Более того, депортация Пакистаном миллионов беженцев, в основном пуштунов, вероятно, послужит для администрации «Талибана» толчком к подготовке условий для проживания пуштунов на севере страны, особенно в районах с плодородными землями, которые образуются в результате строительства канала Коштепа.

Канал Коштепа и водный фактор. По данным журнала «Global Water Intelligence», специализирующегося на водных вопросах и издающегося на многих языках мира, годовой оборот средств на рынке воды приближается к сумме, расходуемой на военные цели по всему миру. И это лишь начало процесса. В 2006 году Министерство обороны Великобритании обратилось к руководству страны с призывом быть готовым к войне, которая может разразиться по всему миру из-за нехватки питьевой воды. По мнению тогдашнего министра обороны Джона Рейда, такая схватка охватит сразу несколько регионов мира⁷⁵.

Ситуация с водой в Центральной Азии ещё тревожнее, чем это ожидалось. И хотя существует множество разнообразных факторов, на протяжении вот уже многих лет способствующих высыханию Арала, одного из крупнейших озёр мира, ввиду того, что масштабы трагедии уже вышли на международный уровень, важным и актуальным считается сохранение оставшейся части Арала, а не разбор причин, по которым возникла эта проблема. Вне всякого сомнения, в подобных условиях проект правительства «Талибана 2.0» по строительству канала Куштепа окажет существенное влияние на баланс водных ресурсов в Центральной Азии. С марта 2022 года правительство «Талибана 2.0» приступило к строительству канала Куштепа в русле Амударьи. Длина канала составит 285 км, ширина – 100 метров, а глубина – 8 метров. Этот канал будет предназначен для орошения около 550

⁷³ Махмадшоев Р. История этнополитического развития таджиков Хорасана (Афганистан). – Душанбе. Ирфон, 2009. – С.162.

⁷⁴ См.: Abdurahmonov O. Afg'oniston davlat va jamiyat boshqaruvida pushtunlar (Пуштуны в государственном и общественном управлении Афганистана). – Т.: Donishmand ziyosi, 2024. – С.36-37.

⁷⁵ Эргашев А., Жумакул Д. Сув жанги ёхуд геосиёсий курашлар (Водные войны или геополитическая борьба). Тафаккур журнали, 2013 год, № 1.

тысяч гектаров земли на севере Афганистана. По данным официальных лиц правительства «Талибана 2.0», строительство канала планируется завершить в 2028 году.

Согласно исследованиям Института мировых ресурсов, Туркменистан и Узбекистан входят в число 13 стран мира, в наименьшей степени обеспеченных водой. Также и по этой причине проект правительства «Талибана 2.0» по строительству канала Куштепа прежде всего создаст серьёзную проблему нехватки воды для Узбекистана и Туркменистана, расположенных в низовьях Амударьи. Полный запуск этого канала может вызвать экономические, экологические, социальные и потенциальные проблемы безопасности, особенно для Узбекистана, а также изменить порядок водопользования в регионе Центральной Азии. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, говоря о проекте канала «Куштепа», отметил: «По сути, в нашем регионе появился новый участник процесса водопользования, который не связан с нашими странами какими-либо обязательствами. Вы хорошо знаете, что афганская сторона ведёт активное строительство канала. Его запуск может кардинально изменить порядок и баланс водопользования в Центральной Азии»⁷⁶.

Расширение возможностей правительства «Талибана 2.0» влиять на соседние страны, используя водный фактор, побуждает соседние страны поддерживать связи с этим правительством и в будущем признавать легитимность правительства «Талибана». Это означает, что канал Куштепа – это скорее политический, нежели экономический проект. В опубликованном в 2011 году Комитетом по внешним связям Сената США докладе «Как избежать войн за воду: Нехватка воды и рост важности Центральной Азии для стабильности в Афганистане и Пакистане» предупреждают об обострении споров по поводу трансграничных вод между Афганистаном и соседними странами. Кроме того, Норвежский институт международных отношений (NUPI) в 2008 году проанализировал, что развитие водной инфраструктуры трансграничных вод в Афганистане является важным фактором, вызывающим разногласия в регионе и влияющим на безопасность, и предположил, что геополитическое соперничество между Китаем, Индией, Ираном, Пакистаном, Россией и США вызовет серьёзные проблемы с водными ресурсами в Центральной Азии. Следовательно, по данным NUPI, политический характер трансграничных рек приводит к дальнейшему осложнению ситуации в регионе⁷⁷.

Мы считаем, что к числу потенциальных угроз безопасности со стороны «Талибана 2.0», с которыми могут столкнуться государства Центральной Азии, следует отнести и *проблему границ*. Например, Абдул Латиф Мансур,

⁷⁶ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на заседании Совета глав государств-учредителей Международного фонда спасения Арала // Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан, 15.09.2023. <https://president.uz/oz/lists/view/6662>

⁷⁷ Mohsen Nagheeb, Mehdi Piri D., Michael Faure. The Legitimacy of Dam Development in International Watercourses: A Case Study of the Harirud River Basin // *Transnational Environmental Law*, 8:2 (2019), Cambridge University Press. – P.255.

исполняющий обязанности министра энергетики и водных ресурсов правительства Талибана, объявил о новой стратегии определения границ между Афганистаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном, которые были подвергнуты эрозии из-за наводнения в августе 2024 года⁷⁸. Как известно, определение и установление границ между Центральной Азией и Афганистаном исторически строилось на основе взаимных соглашений между Россией и Англией. Иными словами, нынешний статус границ на севере Афганистана обсуждался на высоком уровне после образования независимых государств Центральной Азии, при этом новой окончательной правовой базы для определения его местоположения создано не было.

Повышение военного потенциала «Талибана». Военная техника и вооружение, находящиеся под контролем «Талибана» после того, как США покинули территорию Афганистана, считаются ещё одной угрозой безопасности, на которую государства Центральной Азии должны обратить внимание. Согласно отчету Госдепартамента США за 2022 год, 78 самолетов, 40 000 военных машин и более 300 000 единиц оружия остались в распоряжении «талибов»⁷⁹. Если обратить внимание на военные парады, проводимые Министерством обороны «Талибана 2.0», то можно заметить, что они оснащены современной военной техникой и оружием. На сегодняшний день «Исламский Эмират» разделил свои сухопутные войска на 8 боевых корпусов. В интервью Швейцарскому институту глобальных отношений (SIGA) начальник штаба армии «Талибан» Фасихуддин Фитрат заявил, что численность «исламской армии» «Талибана» составляет 150 000 человек, её планируется увеличить до 200 000 человек, и эти солдаты будут учиться «идеологии джихадизма»⁸⁰. Кроме того, в начале 2022 года правительство «Талибана» объявило о формировании «батальона самоубийц» в рядах новой армии⁸¹. По словам главнокомандующего ВВС «Талибана» Мавлави Амониддина «Мансура» 50 из 289 военных самолетов в стране уже готовы к полётам⁸². Демонстрация на проводимых Талибаном военных парадах таких боевых самолётов и вертолётов, как АН-32, С-208, Blackhawk, Ми-17, MD-539 и Ми-35, свидетельствует о растущем потенциале армии Талибана.

Узбекистан является государством стратегического значения в кольце безопасности вокруг Центральной Азии и Афганистана. Безопасность,

⁷⁸ Qadiry Liluma. Ministry of Energy and Water Reviews Achievements of the Past Year // TOLONews, 03 August 2024. <https://tolonews.com/node/190066>

⁷⁹ Tyab Imtiaz. Taliban holding on to \$7 billion of U.S. military equipment left behind after withdrawal // CBC News, February 4, 2025. https://www.cbcnews.com/amp/news/us-military-weapons-left-in-afghanistan-taliban/#amp_

⁸⁰ Exclusive Interview with Taliban Chief of Army Staff on Status and Mission of Taliban Army // Swiss Institute for Global Affairs (SIGA), 29 January 2023. <https://www.globalaffairs.ch/2023/01/29/exclusive-interview-with-taliban-chief-of-army-staff-on-status-and-mission-of-taliban-army/>

⁸¹ Philp Catherine. Suicide bombers given key role in new Taliban army // The Times, January 06 2022. <https://www.thetimes.com/world/asia/article/afghanistan-suicide-bombers-given-key-role-in-new-taliban-army-8rglv020t?region=global>

⁸² مانور طيارات قوای هوایی کشور به مناسبت احیا و فعالیت چرخبال های اردوی امارت اسلامی // وزارت دفاع ملی, <https://mod.gov.af/dr . ۲۱/۱۰/۱۴۰۰>

стабильность и устойчивое развитие региона не могут быть успешно реализованы без участия Узбекистана и без учёта принимаемых им внешнеполитических решений. Ни для кого не секрет, что в условиях глобальной геополитической конкуренции в современном мировом порядке подходы, направленные на обеспечение безопасности, не дают ожидаемых результатов. Сегодняшний и завтрашний облик Центральноазиатского региона, основанный на атмосфере добрососедства, дружбы, братства и взаимного доверия, стоящей особняком в системе международной безопасности, невозможно представить без безопасности Афганистана. В соответствии со Стратегией «Узбекистан-2030», Узбекистан должен последовательно продолжать политику, основанную на принципе «безопасное и миролюбивое государство», включая укрепление безопасности и оборонного потенциала страны⁸³. Афганистан, как сверхважный элемент региональной безопасности Центральной Азии, всегда был в центре внимания внешней политики Узбекистана. Следует отметить, что новая реальность, сложившаяся в Афганистане, ставит Узбекистан перед **необходимостью разработки глубоко продуманной стратегии**, связанной с фактором «Талибан».

Нельзя упускать из виду ещё один актуальный и важный фактор, связанный с правлением «Талибана 2.0». Как известно, в настоящее время среди большинства слоёв населения Узбекистана высок уровень религиозной нетерпимости, радикализации, непонимания истинной сущности Ислама и обращения к религиозному фактору как к основному решению различных социально-экономических проблем в жизни общества. В Законе Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции обеспечения свободы совести граждан и государственной политики в религиозной сфере в Республике Узбекистан» чётко и понятно изложена существующая ситуация: «Отмечаются случаи попыток внедрения правил, характерных для определённой религии, в общественные отношения, регулируемые законами, ставящие под сомнение равенство прав женщин и мужчин, отказа от выполнения гражданских обязанностей, отрицания норм общественной этики, национальных и общечеловеческих ценностей, ограничения прав на пользование медицинским обслуживанием, достижениями науки и культуры, товарами и услугами, неосознания отдельными государственными служащими сущности светской государственности и распространения незаконных идей и взглядов, подрывающих развитие, сплочённость и стабильность общества. Подобные случаи представляют угрозу сплочённости народа единого Узбекистана, общества и государства, могут привести к несоблюдению законодательных актов, нарушению прав других лиц, негативному изменению отношения граждан к правопорядку, утрате патриотических чувств, семейным конфликтам. Отсутствие чёткого определения принципов государственной политики в религиозной сфере

⁸³ Указ Президента Республики Узбекистан № УП-158 от 11.09.2023 г. «О Стратегии «Узбекистан – 2030»». – Б.34-36.

может привести к её различному пониманию среди населения, искаженному толкованию основ светского государства, обострению конфликтных ситуаций в обществе»⁸⁴. Поэтому не следует забывать, что со временем в узбекском обществе постепенно может появиться склонность к оценке управления «талибов», основанного на законах «шариата», как наиболее правильного пути и делать соответствующие выводы. Более того, не будет преувеличением сказать, что такие общепризнанные принципы, как просвещение, религиозная терпимость и секуляризм, являются чуждыми менталитету «талибов», управляющих Афганистаном.

Сейчас, в таких обострённых непредсказуемых условиях, как гибридные войны, наблюдающиеся в стратегически важных регионах, связанная с установлением нового миропорядка острая геополитическая конкуренция между крупными государствами, а также неспособность международных организаций, ответственных за глобальную безопасность, предотвратить различные угрозы на ожидаемом уровне и переход реализации соответствующих мер на более низкие уровни, каждое государство должно разработать стратегию мер, направленных на обеспечение своей безопасности. Этого требует наша непростая эпоха. В частности, Узбекистану, как ключевому государству, продвигающему критерии безопасности, стабильности и развития Центральноазиатского региона, целесообразно особо учитывать стратегически неопределённые особенности ситуации в Афганистане, возглавляемом правительством «Талибана 2.0», и заранее разрабатывать превентивные меры безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе исследования влияния фактора «Талибан» на трансформацию региональной безопасности в Центральной Азии были сделаны следующие выводы:

- *во-первых*, возникновение движения «Талибан» является результатом комбинации сложных внутренних и внешних факторов, которые иногда носили закрытый, а иногда открытый характер. С точки зрения внутренних факторов это движение проявило себя не только как религиозное движение, обладающее взглядами исламизма и позаимствовавшее догмы деобандизма и ваххабизма, но и как этническое движение, объединяющее пуштунов. Выражение такой специфики феноменом этно-религиозного синкретизма служит формированию единого научного заключения, направленного на выявление внутренних причин возникновения движения «Талибан». Однако со временем подтвердилось, что оба фактора противоречат принципам, базирующимся на традиционных ценностях афганского общества. Ибо оба фактора, связанные с движением «Талибан», не возникли внутри, а были навязаны афганскому народу извне;

⁸⁴ Закон Республики Узбекистан № ЗР-1037 от 25 февраля 2025 года «Об утверждении Концепции обеспечения свободы совести граждан и государственной политики в религиозной сфере в Республике Узбекистан». <https://lex.uz/docs/-7404923>

- *во-вторых*, очень трудно согласиться с мнением, что возникновение движения «Талибан» является результатом широкого народного движения. Его создание является продуктом столкновения геополитических интересов во время советско-афганской войны. В частности, напряжённая геополитическая ситуация, сложившаяся в то время на афганской земле, привела к тому, что такие страны, как США, Пакистан и Саудовская Аравия, имели общие важные и стратегические интересы в разработке проекта «Талибан». Исходя из этого, процессы возникновения, формирования и развития движения «Талибан» можно разделить на 4 этапа. Первый этап – это годы советско-афганской войны, второй этап – первое правление «Талибана» в 1996-2001 годах, третий этап – период с 2001 по 2021 год, четвёртый этап – период его второго правления с 2021 года по настоящее время;

- *в-третьих*, теория талибанизма – это «талибанская» форма или модель исламизма. Эту теорию можно характеризовать как интерпретацию ислама, формировавшуюся на протяжении многих лет под сильным влиянием внешних радикальных доктрин и убеждений, и направленную на социальную адаптацию к афганскому обществу. Мы считаем, что эту теорию следует исследовать, разделив её на две части, а именно на теории неоталибанизма и панталибанизма, исходя из деятельности нынешнего правительства «Талибана 2.0»;

- *в-четвёртых*, стратегия Соединенных Штатов Америки по Афганистану является ключевым и важным компонентом всей евразийской геополитики. Отмеченные в исследовании мнения, данные и некоторые отчёты свидетельствуют о том, что сегодня цели США в Афганистане и вокруг него реализуются через «Талибан». А это говорит о том, что после 2021 года Америка сменила в отношении Афганистана не стратегию, а скорее тактику. Оперативный диалог Китая с правительством «Талибана 2.0» после 2021 года можно объяснить двумя важными причинами: заполнение геополитического вакуума в Афганистане, образовавшегося после США, посредством экономической дипломатии и обеспечение национально-региональной безопасности. Поэтому интересы Пекина, связанные с «Талибаном 2.0», основаны на принципе «инвестиции в обмен на безопасность». Китай не заинтересован в том, чтобы Афганистан снова попал в водоворот гражданской войны, превратился в пространство экстремизма, сепаратизма и терроризма. Подход России к сотрудничеству с правительством «Талибана 2.0» можно объяснить усилением активного дипломатического диалога акторов регион, окружающими Афганистан, с де-факто правительством «Талибан», непосредственным влиянием ситуации в Афганистане на регион Центральной Азии, угрозой региональной безопасности со стороны террористической организации «ИГИЛ-Хорасан», а также необходимостью разработки альтернативных экономических проектов и выхода на новые рынки в условиях санкций западных стран. Поэтому правительство «Талибана 2.0» частично отражает интересы России в отношении Афганистана. Однако Москва в своих отношениях с

сегодняшним правительством «Талибана 2.0» предпочитает руководствоваться принципом «доверяй, но проверяй»;

- *в-пятых*, в связи с установлением власти «Талибана» и выводом американских вооружённых сил из Афганистана, а также традиционными влиятельными связями в отношении «Талибана», первоначальные предположения о том, что один из региональных акторов Исламская Республика Пакистан станет в будущем ключевой силой влияния в Афганистане, не подтвердились. С точки зрения геополитических интересов, «Талибан», в своё время ставший мощным оружием Пакистана в плане влияния на Афганистан, после 2021 года стал силой, противостоящей уже самому Пакистану. В результате этого активизировалась организация «Техрек-е Талибан Пакистан», что привело к обострению таких острых проблем, как линия Дюранда, пуштуны, беженцы и водный фактор. Поэтому в ближайшей перспективе стабилизация ситуации на границе двух сторон вряд ли произойдет. Потому что границы этих двух государств и в будущем останутся территорией, где сталкиваются геополитические интересы крупных акторов;

- *в-шестых*, текущие интересы Исламской Республики Иран, связанные с правительством «Талибана 2.0», не соответствуют ожиданиям, так как Иран также был одним из основных претендентов на заполнение постамериканского вакуума в Афганистане. Однако, как и в случае с Пакистаном, в отношениях между Ираном и правительством «Талибана 2.0» возникают похожие конфликты, связанные с приграничной безопасностью, а также водным и этно-религиозным факторами, что указывает на то, что с геополитической точки зрения влияние Ирана в Афганистане также ограничено;

- *в-седьмых*, в современных реалиях фактор «Талибан» рассматривается как источник стратегических возможностей для Индии. После 2021 года масштабы конфликта между Пакистаном и «Талибаном» из-за «Техрек-е Талибан Пакистан» настолько усилились, что это изменило взгляды и подходы Индии к «Талибану», а это привело к необходимости разработки новой стратегии. Кроме того, становится всё более очевидным, что США выбрали Индию в качестве своего ключевого союзника в стратегии сдерживания Китая в регионе, и что региональный актор, который становится значимым игроком в реализации принципа «Make Taliban great again» («Вернуть «Талибану» былое величие») – это не Пакистан, а Индия;

- *в-восьмых*, если в выходе первого правительства «Талибана» на политическую арену Афганистана важную роль сыграл Пакистан, то на этот раз одну из центральных позиций в установлении правительства «Талибана 2.0» занял Катар. Этот вывод подтверждает открытие политического офиса «Талибана» в Дохе и подписание там соглашения между США и «Талибаном», а также последующее посредничество Катара в диалоге и переговорах между западными странами и «Талибаном». Всё это свидетельствует о том, что Катар стал важным игроком в политических играх, связанных с фактором «Талибан». Хотя Саудовская Аравия и признала

официально первое правительство «Талибана», ей пришлось полностью разорвать связи с движением «Талибан» после заявления о сдаче Усамы бен Ладена в 1998 году и событий 11 сентября 2001 года. Более того, открытие политического офиса «Талибана» в Дохе, а не в Эр-Рияде, свело на нет усилия по восстановлению связей. Основные интересы Саудовской Аравии были тесно связаны с задачей не допустить превращения Афганистана в зону политического влияния Ирана. Если раньше Эр-Рияд осуществлял геополитическое сотрудничество с Исламабадом для реализации своих интересов в Афганистане, то сегодня жёсткая конкуренция и конфликты, возникшие в отношениях между Исламабадом и «Талибаном», ограничили Эр-Рияд в его возможностях влиять на Афганистан. Поэтому Саудовская Аравия считает, что альтернативы продолжению связей с «Талибаном 2.0» на сегодняшний день нет. В отличие от Саудовской Аравии, Объединённые Арабские Эмираты не полностью разорвали связи с движением «Талибан». А в отличие от Катара, ОАЭ имеют более прочные связи с военным крылом движения «Талибан», нежели с его политическим крылом. Продолжающиеся контакты с «Сетью Хаккани» свидетельствуют о высокой вероятности влияния Абу-Даби на военное крыло правительства «Талибана 2.0»;

- *в-девятых*, подходы стран Центральной Азии к правительству «Талибана 2.0» не являются скоординированными и солидарными. Если судить о степени двусторонних отношений, то Узбекистан и Туркменистан поддерживают высокий уровень отношений с «Талибаном 2.0», Казахстан и Кыргызстан – средний, а Таджикистан является единственной страной в регионе, которая не поддерживает отношения с правительством «Талибана 2.0». По этой причине, в то время как 4 государства региона рассматривают Афганистан, контролируемый «Талибаном», как фактор возможностей, Таджикистан не изменил свою позицию, сохраняющуюся с 90-х годов XX века, и до сих пор рассматривает «Талибан» как фактор, угрожающий национальной и региональной безопасности;

- *в-десятых*, в настоящее время началась новая эра «перестройки» системы региональной безопасности Центральной Азии. В условиях стратегической неопределённости, связанной с подъёмом «Талибана», возникла необходимость самостоятельного создания новой системы региональной безопасности для стран Центральной Азии. Такие проблемы, как угроза панталибанизма и терроризма, политика пуштунизации, водный фактор (канал Куштепа), проблема границ и рост военного потенциала талибов, свидетельствуют о наличии потенциальных угроз, влияющих на систему региональной безопасности Центральной Азии;

- *в-одиннадцатых*, стратегическая неопределённость ситуации в Афганистане, возглавляемом правительством «Талибан 2.0», то, что международно-террористические группировки, угрожающие национальной и региональной безопасности Узбекистана, всё ещё находятся в этой стране и пытаются подорвать безопасность соседних государств, несмотря на то, что отношения между официальным Ташкентом и правительством «Талибан 2.0» развиваются на высоком уровне, а также возникающие различные необычные

проблемы – всё это свидетельствует о недопустимости отрицания Узбекистаном будущей ситуации в Афганистане;

- *в-двенадцатых*, установление власти «Талибана» в Афганистане – это выбор внешних сил, а не афганского народа. Как свидетельствует история, ситуация в Афганистане, может быть проявлением феномена «Чёрного лебедя» в зависимости от геополитических и геостратегических проектов крупных внешних держав.

На основании сделанных выводов можно выдвинуть следующие предложения и рекомендации:

- *во-первых*, исходя из последовательного продолжения ведения внешней политики, основанной на принципе «безопасное и миролюбивое государство», приоритетных задач, направленных на укрепление безопасности и оборонного потенциала страны и сложившейся в Афганистане глубокой неопределённости, связанной с «Талибаном», мы предлагаем **разработать стратегию Республики Узбекистан по Афганистану на 2025-2035 годы**, которая будет базироваться на стратегическом подходе Узбекистана, направленном на обеспечение прочного мира и стабильности на афганской земле;

- *во-вторых*, предложение об организации консультативной встречи «СА+АФ» (Центральная Азия и Афганистан) на уровне министров иностранных дел, наряду с разработкой единого и общего подхода стран Центральной Азии к правительству «Талибана 2.0», будет служить механизмом, способствующим обсуждению и решению посредством политических переговоров таких возникающих между странами Центральной Азии и афганским «Талибаном» проблем, как водный фактор, терроризм, экстремизм и сепаратизм, торговля наркотиками, а также инклюзивность правительства;

- *в-третьих*, во внешней политике Узбекистана необходимо пересмотреть стратегию «Выход на юг» (взаимосвязанность Центральной и Южной Азии). Как ни привлекателен этот подход с теоретической точки зрения, с практической точки зрения его реализация далека от реальности. Даже с оптимистической точки зрения, если усилия в рамках этой инициативы станут интенсивнее и будут запущены определённые проекты, вопросы безопасности в Афганистане останутся по-прежнему ненадёжными и без всяких гарантий, к тому же террористические группировки всё ещё находятся в этом регионе, и, что самое важное, концентрация таких группировок на афгано-пакистанской границе продолжает ставить под угрозу безопасность проектов, реализация которых ориентирована на Южную Азию. Поэтому стратегию «Выход на юг» целесообразно рассматривать как задачу среднего уровня. Под таким углом наше предложение подразумевает продвижение **концепции «Дуга трёх регионов» (Arc of Three Regions)**. Эта концепция представляет собой стратегию соединения Центральной Азии, региона Залива и Южной Азии и имеет следующие преимущества: 1. Узбекистан (включая весь Центральноазиатский регион) одновременно получит доступ к морским портам Чахбехар (Иран), Карачи (Пакистан), Кандла и Мумбаи (Индия). 2.

Иран, Пакистан и Индия тоже в равной степени выиграют от этой концепции. Поэтому высока вероятность того, что они выразят свою заинтересованность в различных проектах в рамках своих концепций. 3. Транспортно-транзитные, энергетические и другие проекты, предусмотренные Концепцией, будут проходить через те территории Афганистана, где уровень риска считается минимальным. 4. Высока вероятность того, что правительство «Талибана 2.0» также поддержит эту концепцию;

- *в-четвёртых*, Узбекистан, как ключевое государство, продвигающее критерии безопасности, стабильности и развития Центральноазиатского региона, должен учитывать особенности ситуации в Афганистане, возглавляемом правительством «Талибана 2.0», основанные на стратегической неопределённости, и заранее разрабатывать превентивные меры безопасности. Преследуя эту цель и исходя из опыта Ирана, мы считаем необходимым **построить** в приграничной зоне на территории Узбекистана перед границей с Афганистаном **защитную стену**;

- *в-пятых*, наличие опыта проектирования первых железных дорог на территории Афганистана – «Хайратон-Мазари-Шариф» и «Хаф-Герат» – а также масштабы возможностей и рисков, связанные с трансафганскими маршрутами, свидетельствуют о том, что перспективы реализации железнодорожного проекта «Мазари-Шариф-Герат» выше, чем железнодорожного проекта «Мазари-Шариф-Кабул-Пешавар». Железная дорога «Мазари-Шариф-Герат» в будущем будет иметь выходы на индийские порты Мумбаи и Кандла через Чахбехарское соглашение или к пакистанским портам по маршруту Герат-Кандагар-Кветта. Учитывая геополитический и геоэкономический характер современных трансафганских проектов, эти проекты не ограничиваются Афганистаном, а направлены на стратегическую задачу интеграции Центральной Азии с регионом Залива и Южной Азией через территорию этой страны. Поэтому железнодорожный проект «Мазари-Шариф-Герат» следует включить в число приоритетных вопросов внешней политики Узбекистана;

- *в-шестых*, большое внимание, уделяемое Узбекистаном нефтегазовой отрасли в Афганистане, может стать главным столпом энергетической дипломатии. Исходя из этого, мы предлагаем **разработать проект газопровода IRAFUZ**. Этот проект направлен на соединение иранских газопроводов с Центральной Азией через Афганистан и в будущем будет располагать огромными торгово-экономическими возможностями. Преимущество проекта для Узбекистана заключается в том, что он не только поможет решить насущную проблему газа, которая беспокоит население, но и устранил зависимость от конкретной страны в газовой отрасли. Кроме того, поиск и использование нерастраченных запасов газа и нефти в Афганистане не только облегчит сложности, с которыми сталкивается афганский народ, но и принесёт одинаковую пользу Узбекистану и Ирану;

- *в-седьмых*, мы считаем целесообразным учредить филиал **Университета узбекского языка и литературы (со статусом частного университета)** в вилайате (провинции) Балх в Афганистане, создать **Центр**

востоковедения при Кабульском университете, используя возможности Ташкентского государственного университета востоковедения, а также ускорить строительство **узбекских частных школ** в провинциях, где проживают афганские узбеки, для обучения и грамотности учащейся молодёжи, и особенно девочек. Для осуществления столь благих дел мы предлагаем учредить **Научный фонд «Навои»**, который будет поддерживать образование в Афганистане как со стороны узбеков, проживающих за рубежом (американских узбеков, узбеков в Европе, России и арабских странах), так и со стороны авторитетных предпринимателей Узбекистана;

- *в-восьмых*, в Узбекистане нет отдельного сильного аналитического центра, который бы регулярно изучал ситуацию в Афганистане, специализировался только на этом и действовал бы на основе государственных заказов. Поэтому мы считаем целесообразным создание **Международного центра афганских исследований** (International Centre for Afghanistan Studies) при Министерстве иностранных дел Узбекистана. Было бы хорошо, если бы этот центр стал научно-аналитической площадкой, которая соберёт в одном месте всех политологов-афганистов, дипломатов-афганистов, историков-афганистов, экономистов-афганистов и филологов-афганистов Узбекистана;

- *в-девятых*, проведение международной научно-практической конференции на тему **«Исламская цивилизация в Центральной Азии и Афганистане: прошлое, настоящее и будущее»** послужит обмену мнениями между религиозными деятелями и учёными в этой области о традиционных исламских ценностях в регионе, мерах по борьбе с радикальными идеями, религиозной терпимости и секуляризме, а также истинной сущности Ислама в целом. И если на конференцию будут приглашены ответственные лица правительства «Талибана 2.0», то это также обеспечит насыщенность мероприятия дискуссиями.

**SCIENTIFIC COUNCIL ON AWARDING SCIENTIFIC DEGREES
DSc.03/29.12.2022.Ss.21.02 AT TASHKENT STATE UNIVERSITY OF
ORIENTAL STUDIES**

TASHKENT STATE UNIVERSITY OF ORIENTAL STUDIES

BURANOV SUHROB MUHAMMADI UGLI

**THE “TALIBAN” FACTOR IN THE CONTEXT OF REGIONAL
SECURITY TRANSFORMATION IN CENTRAL ASIA**

23.00.04 – International relations, political problems of world and regional development

**ABSTRACT
of dissertation of the doctor of science (DSc) in political science**

Tashkent – 2025

The theme of the dissertation for the degree of doctor of philosophy (PhD) in political science is registered with the Higher Attestation Commission under the number B2024.2.DSc/Ss111.

The dissertation was prepared at Tashkent State University of Oriental Studies

The dissertation abstract in three languages (Uzbek, Russian, English (summary)) is posted on the website of the Scientific Council (www.tsous.uz) and the Information and Educational Portal “ZiyoNet” (www.ziyo.net).

Scientific adviser: **Mannonov Abdurahim Mutalovich**
Doctor of Philological Sciences, Professor

Official opponents: **Haydarov Abdusamat Axatovich**
Doctor of Political sciences, Professor

Muhammadsidiqov Muhammadolim
Muhammadraziq ugli
Doctor of Political sciences, Professor

Jurayev Kadir Asadovich
Doctor of Political sciences, Professor

Leading organization: **International Islamic Studies Academy of Uzbekistan**

The defense of the dissertation will take place on “___” _____ 2025 at ___ o'clock at the meeting of the Scientific Council DSc.03/29.12.2022.Ss.21.02 for awarding academic degrees at the Tashkent State University of Oriental Studies (Address: 100060, Tashkent city, Amir Temur street, house 20, Tel .: (71) 2333424; e-mail: info@tsuos.uz).

The dissertation can be found at the Information Resource Center of the Tashkent State University of Oriental Studies (registered under No. ____). Address: 100060, Tashkent, Amir Temur Street, Building 20. Phone: (99871) 233-34-24; fax: (998971) 233-52-24.

The dissertation abstract was sent out on «___» _____ 2025
(protocol at the register № ____ of «___» _____ 2025).

D.B. Sayfullayev
Chairman of the Scientific Council
awarding of scientific degrees, Doctor of
Historical sciences, Professor

O.I. Alimov
Scientific Secretary of Scientific Council
awarding sciences degrees, Doctor of
Philosophy in Political sciences, Associate
professor

E.S. Sultanova
Acting Chairman of the Scientific Seminar
at the Scientific Council for awarding
academic degrees, Doctor of Political
sciences, Professor

INTRODUCTION (abstract of the DSc dissertation)

The aim of the study is to reveal the impact of the “Taliban” factor on regional security in Central Asia.

The object of the study is defined as the conditions of regional security transformation in Central Asia in connection with the establishment of “Taliban 2.0” rule in Afghanistan.

The subject of the research comprises the causes of the emergence and development of the Taliban movement, a comparative analysis of various power centers’ interests focused on Taliban governance, and issues related to the formation of the “Taliban 2.0” government, and its impact on the military-political, water-energy, environmental, trade-economic and cultural-religious aspects of regional security in Central Asia, including Uzbekistan’s regional strategy.

Research methods. The dissertation used methods of historicism, problem-chronological, comparative, systematization, structural-functional, institutional, observational, SWOT, content, event analysis and forecasting, as well as methodological approaches such as historical-critical, civilizational, instrumentalist, behaviorist, and interdisciplinary approaches.

The scientific novelty of the study is as follows:

The emergence and development of the Taliban movement in Afghanistan, its religious and ideological views and beliefs, which were formed over many years from the outside and were supplemented with ideological teachings such as Deobandism, Wahhabism, and the Muslim Brotherhood aimed at adapting to Afghan society, and the fact that the Pashtun community constitutes the ethnic basis of the Taliban movement, are based on the phenomenon of ethno-religious syncretism, and the transformation of such views is justified according to the paradigm of Neo-Talibanism;

The implementation of transport-logistics, energy and large-scale infrastructure projects aimed at connecting Central Asia, the Gulf region and South Asia through Afghanistan, contributing to the resolution of the socio-economic crisis in Afghanistan, and broadly involving this country in regional processes, has been proven in accordance with the concept of the “Three-Region Arc”, developed as a new direction of interregional connectivity;

The proposal to establish a Security Committee under the Shanghai Cooperation Organization was justified, given that the SCO is the only and unique platform in the region that encompasses all countries neighboring and involved in Afghanistan, and to eliminate the use of the situation in Afghanistan as a means of exerting pressure on the Central Asian region by major external powers and to strengthen the interregional security system;

The proposal to organize a “CA+AF” (Central Asia and Afghanistan) consultative meeting at the level of foreign ministers as a mechanism to develop a unified and common approach of the Central Asian countries towards the “Taliban”-led Interim Government of Afghanistan, to rationally and jointly use the emerging transboundary water resources between Central Asia and Afghanistan based on the common interests of the countries of the region, to discuss and

resolve controversial issues such as terrorism, religious extremism and ethnic separatism, and drug trafficking through political negotiations has been substantiated;

Taking into account the fact that Afghanistan is an important component of the Central Asian regional security architecture due to geographical, ethno-historical, religious and geopolitical factors, Uzbekistan's active foreign policy approach aimed at ensuring lasting peace and stability in Afghanistan, and the impact of the "Taliban" factor on the regional security system in the medium term, a proposal to develop a "Uzbekistan's Strategy for Afghanistan for 2025-2035" was justified, which provides for mechanisms of political-diplomatic, security, trade-economic, contractual-legal and cultural-humanitarian measures.

The practical results of the research are as follows:

Theoretical approaches such as the "Black Swan" and "Talibanism" have been identified, which can be used to study the causes of the origin and development of the "Taliban" movement, its actions reflecting its religious, ideological and political views, and the factors influencing the geopolitical processes and security situation in Central Asia;

Proposals and recommendations have been put forward that contribute to ensuring peace, stability and guaranteed security in Afghanistan and the Central Asian region;

A model project "Uzbekistan's Strategy for Afghanistan for 2025-2035" has been prepared, which will serve to make Uzbekistan's foreign policy approaches to the strategically uncertain situation in Afghanistan, including the activities of the "Taliban", more consistent, effective and preventive.

Reliability of research results. It uses approaches and methods recognized in the field of international relations, uses about 400 scientific and theoretical literature and sources, is based on regulatory and legal documents of relevant agencies in Uzbekistan and Afghanistan, primary sources in Dari and Pashto, and provides for the implementation of conceptually based conclusions, proposals, and recommendations, and the approval of the results obtained during the research process by authorized state agencies.

Scientific and practical significance of the research results. The *scientific significance* of the research results is explained by the fact that they can be useful in conducting scientific research aimed at ensuring security in priority areas of the foreign policy of the Republic of Uzbekistan, including Central Asia and Afghanistan, and in the process of improving methodological approaches and theoretical conclusions related to the problem under study.

The *practical significance* of the research results lies in the fact that the developed proposals and recommendations can be used as an important resource by the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan, the State Security Service of the Republic of Uzbekistan, the Ministry of Defense of the Republic of Uzbekistan, the Ministry of Investments, Industry and Trade of the Republic of Uzbekistan, the Ministry of Transport of the Republic of Uzbekistan, analytical centers dealing with the topic of Afghanistan, and other interested organizations in scientific research, the preparation of information, analytical and

program documents, and in conducting lectures and practical training for higher educational institutions.

Implementation of research results. Based on the results of the research on the topic of the “Taliban” factor in the context of regional security transformation in Central Asia:

Taking into account the fact that Afghanistan is an important component of the Central Asian regional security architecture due to geographical, ethno-historical, religious and geopolitical factors, Uzbekistan’s active foreign policy approach aimed at ensuring lasting peace and stability in Afghanistan, and the impact of the “Taliban” factor on the regional security system in the medium term, the scientific conclusions, proposals and recommendations on the development of the “Uzbekistan’s Strategy for Afghanistan for 2025-2035”, which provides for mechanisms of political-diplomatic, security, trade-economic, contractual-legal and cultural-humanitarian measures, were used in the preparation of information and analytical documents sent by the Service of the Special Representative of the President of Uzbekistan for Afghanistan of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan to the ministries and departments of the Republic (*Release of the Service of the Special Representative of the President of Uzbekistan for Afghanistan of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Uzbekistan dated May 3, 2025 Act No. 18-108/11086*). The results of the dissertation served to form analytical information that should be strategically focused on in the implementation of Uzbekistan’s foreign policy towards Afghanistan.

The Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan used the conclusions, proposals and recommendations on the organization of the “CA+AF” (Central Asia and Afghanistan) consultative meeting at the level of foreign ministers as a mechanism to develop a unified and common approach of the Central Asian countries towards the Interim Government of Afghanistan led by the “Taliban”, to rationally and jointly use the transboundary water resources emerging between Central Asia and Afghanistan based on the common interests of the countries of the region, to discuss and resolve such controversial issues as terrorism, religious extremism and ethnic separatism, and drug trafficking through political negotiations (*Reference No. 05-4/555 of the Institute for Strategic and Regional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan dated May 1, 2025*). As a result, the scientific conclusions, proposals, and recommendations presented in the dissertation served to prepare information and analytical documents for the organization of an international roundtable discussion on the topic “Central Asia and Afghanistan: A Vision to a Common Future” held in the city of Termez.

The scientific conclusions on the emergence and development of the “Taliban” movement in Afghanistan, its religious and ideological views and beliefs, which were formed over many years from the outside and were supplemented with ideological teachings such as Deobandism, Wahhabism, and the Muslim Brotherhood, aimed at adapting it to Afghan society, and the fact that the Pashtun community constitutes the ethnic basis of the “Taliban” movement on the basis of the phenomenon of ethno-religious syncretism, and that such views are

undergoing transformation according to the paradigm of Neo-Talibanism, were used by the Muslim Board of Uzbekistan to develop methodological recommendations for religious and educational institutions (*Reference of the Muslim Board of Uzbekistan No. 05-03/1141 dated April 28, 2025*). As a result, the dissertation materials, scientific results, conclusions, proposals and recommendations were used as additional literature in the development of the curricula of the Department of “Social Sciences” of the Tashkent Islamic Institute in the subjects “Politics and Religion”, “Islam and the Modern Age”, “The Latest History of Uzbekistan”, “Methods of Combating Threats Under the Mask of Religion” and “Spiritual and Educational Foundations of Combating Extremism and Terrorism”.

The scientific conclusions, proposals and recommendations put forward in the draft Uzbekistan’s Strategy for Afghanistan for 2025-2035, which envisages further strengthening of interethnic harmony, friendship and brotherhood between the Uzbek and Afghan peoples, development of bilateral cultural and humanitarian ties, including work with Uzbek compatriots in Afghanistan and deepening strong ties with them, were used in the organization of information and analytical documents, seminars and round tables of the Committee on Interethnic Relations and Compatriots Abroad of the Republic of Uzbekistan (*Act of the Committee of the Republic of Uzbekistan on Interethnic Relations and Issues of Compatriots Abroad No. 14-05-137 dated April 25, 2025*). The results of the dissertation served to form a policy of working with compatriots abroad, especially to deepen relations with our compatriots living in Afghanistan and neighboring countries, to provide information and analytical materials aimed at ensuring regional security, as well as to organize seminars and round tables on topics related to international security, extremism, and interfaith harmony within the framework of research and cooperation projects.

The scientific conclusions and results on the establishment of the Security Committee under the Shanghai Cooperation Organization in Uzbekistan, in order to eliminate the use of the situation in Afghanistan as a means of pressure on the Central Asian region by major external powers and to strengthen the interregional security system, were used in organizing international conference events by the Center for Public Diplomacy of the Shanghai Cooperation Organization in Uzbekistan. (*Reference No. 235/25 of the Center for Public Diplomacy of the Shanghai Cooperation Organization in Uzbekistan dated April 28, 2025*). As a result, the scientific conclusions, opinions, proposals and recommendations put forward in the dissertation served to prepare information and analytical materials for the international scientific and practical conferences “The Future of the SCO: Promising Directions of Cooperation” and “Regional Cooperation in Central Asia: Political, Social and Philosophical and Legal Aspects”.

The structure and volume of the dissertation. The dissertation comprises of an introduction, three chapters, a conclusion, a list of references, and appendices. The total volume of the dissertation is 267 pages.

E'LON QILINGAN ISHLAR RO'YXATI
СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ
LIST OF PUBLISHED WORKS

I bo'lim (I часть; I part)

1. Bo'ronov S.M. Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga "Tolibon" omilining ta'siri. Monografiya. – Toshkent, 2024. – 296 b.
2. Buranov S. Islamic factor in the Emergence and Rise of the Taliban in Afghanistan // Sarcouncil Journal of Arts Humanities and Social Sciences. Volume -04. Issues-04. (2025). – P.31-36.
3. Bo'ronov S. AQSh va "Tolibon": muzokaralar, strategiya va taktika // "O'zbekiston Milliy universiteti xabarлари" ilmiy jurnali, 1/2/1 (2024). – B.81-84. (23.00.00. № 19).
4. Buranov S. Taliban and theory of Talibanism // International Journal of Social Science and Human Research. Volume 8, Issue 6. (2025). – P.4900-4904.
5. Buranov S. Afghanistan as a Bridge Connecting Central and South Asia // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding. Volume 9, Issue 2. (2022). – P.319-323.
6. Bo'ronov S. Qo'shtepa kanalining Markaziy Osiyo mintaqaviy xavfsizligiga ta'siri // "Sharq mash'ali" ilmiy jurnali, №2 (2025). – B.186-194. (23.00.00. № 6).
7. Bo'ronov S. Islom omilining "Tolibon" harakati paydo bo'lishiga ta'siri // "Imom Buxoriy saboqlari" ma'naviy-ma'rifiy, ilmiy-adabiy jurnali, № 2 (2025). – B.145-149. (23.00.00. № 14).
8. Bo'ronov S. Ko'rfaz arab davlatlarining "Tolibon" bilan bog'liq manfaatlari // Buxoro davlat universiteti ilmiy axboroti. № 6 (2025). –B.180-185. (23.00.00. № 22).
9. Bo'ronov S. "Tolibon" harakatining paydo bo'lishida pushtunlar omili // "XXI asr: fan va ta'lim masalalari" ilmiy elektron jurnali, № 1, (2025). – B.370-379.
10. Bo'ronov S. "Tolibon" kelib chiqishining ichki va tashqi omillari // Journal of Social Research in Uzbekistan. Volume 1, (2021). – B.15-23.
11. Buranov S. Afghanistan National-Regional Dualism: New Scientific Approaches // The American Journal of Political Science Law and Criminology, Vol 03, Issue 05-17, (2021). – P.112-126.
12. Bo'ronov S. "Tolibon" omilining Markaziy Osiyoning mintaqaviy xavfsizligiga ehtimoliy ta'siri // "Zamonaviy xalqaro munosabatlarda Markaziy Osiyo: barqarorlik va taraqqiyot istiqbollari" mavzusidagi xalqaro ilmiy-amaliy konferensiyasi materiallari to'plami. 2025-yil 17-may. – B.229-238.

II bo'lim (II часть; II part)

13. Buranov S. Global Security challenges: Information Security and artificial intelligence // International Conference of Philology, Social Activities And Modern Science. (2023). – P.155-159.

14. Bo‘ronov S. Markaziy Osiyo davlatlarining “Tolibon 2.0” hukumatiga nisbatan tashqi siyosiy yondashuvlari // “Conference of Natural and Applied Sciences in Scientific Innovative Research” Respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi, Volume 02, Issue 06. (2025). – B.100-115.

15. Бўронов С. Афғон муаммосига доир замонавий парадигмалар // О‘zbekistonda ijtimoiy fanlar, № 4 (2021). – Б.59-66. (23.00.00. № 4).

16. Bo‘ronov S. Markaziy Osiyoda suv geosiyosati: tahlikalar tahlili // “Sharq mamlakatlaridagi xalqaro munosabatlarning zamonaviy transformatsiyasi” mavzusidagi Respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi materiallari to‘plami: Oriental journal of history, politics and law. (2023). – B.27-34.

17. Бўронов С. Трансафғон транспорт коридорининг стратегик хусусиятлари // “Sharq mamlakatlaridagi xalqaro munosabatlarning zamonaviy transformatsiyasi” mavzusidagi Respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi materiallari to‘plami: Oriental journal of history, politics and law. (2022). – Б.392-398.

18. Бўронов С. АҚШ ва “Толибон”: музокаралар ортидаги мақсадлар // «Шарқ мамлакатлари халқаро муносабатларининг замонавий трансформацияси» мавзусидаги Республика миқёсидаги анъанавий илмий-амалий конференция материаллари тўплами, ТДШУ, 2021. – Б.114-121.

19. Бўронов С. “Жануб” сари йўл: имкониятлар ва муаммолар // Oriental journal of Social Sciences. Volume 01, Issue 1 (2021). – Б.26-34.

Avtoreferat “Sharqshunoslik. Востоковедение. Oriental Studies” jurnali tahririyatida tahrirdan o‘tkazilib, o‘zbek, rus va ingliz tillaridagi matnlar o‘zaro muvofiqlashtirildi.

Bichimi 60×80 1/16. “Times New Roman” garniturasida rizoqrafiya bosma usulida bosildi.
Shartli bosma tabog‘i 3,0. Adadi: 60.

O‘zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi Kichik bosmaxonasida chop etildi.
100047, Toshkent, akademik Y. G‘ulomov ko‘chasi, 70.